

Т.Д. Проскурина

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА О СЕМЬЕ

Монография

Белгород 2012

ББК 83.3(2=Рус)
П 82

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, профессор **З. Т. Прокопенко**
(НИУ «БелГУ»);

кандидат филологических наук **А. А. Колесников** (БелГИКИ);
кафедра общей филологии НИУ «БелГУ»

Проскурина Т.Д.

П 82

Русские писатели XIX века о семье : моногр. – Белгород :
ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – 260 с.

ISBN 978-5-9571-0508-4

В книге кратко излагаются материалы о семье, влиянии фактора времени на семейные отношения в произведениях от устного народного творчества до произведений классиков конца XIX века. На примерах из творчества А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева рассматриваются проблемы семейных традиций и бессемейных отношений. Предметно раскрыта эта тема в семейных романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Издание выпущено в качестве монографии, предназначено для студентов вузов и ссузов, преподавателей, учащихся старших классов, их родителей, а также для тех, кто интересуется литературоведением, историей, философией и социологией.

Монография написана живым, образным языком, увлекательно и доходчиво, поэтому большой объем материала воспринимается без особых усилий.

ББК 83.3(2=Рус)

ISBN 978-5-9571-0508-4

© Проскурина Т.Д., 2012
© ИПК НИУ «БелГУ», 2012

О г л а в л е н и е

Введение.....	4
Г л а в а I. Славян семейное начало	8
Г л а в а II. Время пробужденного сознания	16
2.1. О семейных традициях в романе «Евгений Онегин»	16
2.2. Бессемейные идеи и их последствия	21
Г л а в а III. Влияние семьи на творчество Л.Н. Толстого и М.Е. Салтыкова-Щедрина	33
3.1. Путь писателей к семейным романам	33
3.2. Исповедальный характер романов «Анна Каренина» и «Господа Головлевы»	42
Г л а в а IV. Православные понятия Л.Н.Толстого о семье в «Анне Карениной»	58
4.1. Нравственно-философская сущность «семейности»- «бессемейности» в романе	58
4.2. О семейной свитости и разъединенности в истории семьи Карениных	88
4.3. Реальное и мистическое на пути становления семейной жизни Левина и Кити	106
Г л а в а V. Подмена понятий семьи в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы»	120
5.1. Истоки бездуховности «выморочного семейства»	120
5.2. Воплощение Пустоты и Совесть в системе образов романа	151
Г л а в а VI. Новые тенденции в жанре семейного романа	176
6.1. Из истории жанра	176
6.2. Пушкинское в романе «Анна Каренина»	198
6.3. Гоголевское в романе «Господа Головлевы»	205
Заключение	212
Статьи.	
1. Дом и Семья как духовная крепость Пушкина в исторической цепи времени... ..	218
2. Толстовские «Азбуки» в семейном чтении – окно в духовный и нравственный мир детства	228
3. Духовный кризис как переходная фаза к высшей ступени мировоззрения и творчества Л.Н. Толстого	236
Контрольные вопросы	246
Библиографический список	252

*Моему сыну и его семье
п о с в я щ а е т с я*

В В Е Д Е Н И Е

Семья на Руси считалась изначально, Богом данным еством, своего рода малой церковью, где ребенок получал первичное духовное образование, усваивал нормы поведения и нравственности.

Историческая конкретность семьи состоит в том, что она меняется вместе со временем и приспосабливается к меняющимся общественным отношениям.

Славянская семья с незапамятных времен строилась на установившихся веками традициях. Главным в семье считался мужчина, в его функции входило материальное обеспечение семьи, защита ее от внешних неблагоприятных факторов, сохранение в ней здорового морального климата; мужчина-отец обязан был готовить себе смену, растить детей, достойных продолжателей рода, обучать сыновей тому ремеслу и делу, которым занимался он сам и его предки.

Женщина была хранительницей домашнего очага, продолжательницей рода, растила и воспитывала детей, учила домашнему хозяйству дочерей, готовила их выполнять предстоящую обязанность жены и матери. Несоблюдение этих традиций в обществе и в семье, как правило, к добру не приводило.

Оказавшись сегодня одной из многочисленных жертв реформ, вызванных глубочайшим общественным кризисом, семья перестает быть основным прибежищем для человека. Это может повлечь за собой тяжелые последствия, среди которых – снижение рождаемости, разрушение домашнего уклада, ослабление и разорение государства в целом.

Современное положение в организации семьи заставляет задуматься над модными, несвойственными нам нововведениями: заключением брачных контрактов, безбрачным образом жизни, гражданскими браками, отказом от родительских обязанностей.

В промежуточной семье, именуемой гражданским браком, в просторечии его называют просто сожителем, нелегко стро-

ить долгосрочные планы. Решение «просто пожить вместе» рождается в силу желания оградить себя от ответственности, подстраховаться удобной «подножкой», с которой можно при случае легко соскочить.

Непримиримые противоречия в семье ведут к разрушению внутреннего единства семейных отношений. Все это страшным бременем ложится на детей, лишая их возможности нормального существования и развития.

С незапамятных времен сложились народные традиции милосердного отношения к детям - сиротам. Обидеть сироту всегда было большим грехом, поскольку дети, лишённые родительской любви и внимания, страдали как обделённые судьбой. В народе считали, что смерть отца или матери страшна не сама по себе, а последствиями для детей, ибо «в сиротстве жить – слезы лить». Участь «горькой сироты» отягощалось тем, что вместе с утратой семейной атмосферы, несущей ребенку радость, родительскую нежность, дети лишались возможности естественного формирования представления о счастливой семейной жизни и надежных способах ее построения. Такой пессимистический взгляд на сиротство отражен в народной мудрости «Кто без призора в колыбели, тот всю жизнь не при деле».

Появление огромного количества бездомных детей при живых родителях, детей сирот, распространение среди молодежи наркомании, алкоголизма, преступности есть показатели разрушения семьи. Такое направление может повлечь за собой и утрату природных функций быть женщиной-матерью и мужчиной-отцом.

Социально необходима семья, где устанавливаются брачные и родственные связи, возникают общие бытовые отношения, взаимная моральная ответственность. Ни в одном обществе семья не является только личным делом, ибо оно ожидает от семьи выполнения ее функций: воспроизведение и воспитание новых ее членов.

Семейное воспитание ориентировано на мирскую повседневную жизнь человека. Его основная цель – подготовить ребенка к этой жизни, чтобы она была ему не в тягость, а в радость.

Нравственная гарантия благополучия человеческой жизни – добросовестный труд, к которому приучают ребенка с малых лет. Об этом свидетельствует народная мудрость: «Без труда нет добра», «Человек рожден для труда», «Без хорошего труда нет доброго плода».

В пословицах, поговорках, песнях, сказках содержится своеобразная программа «домостроения», в которой определены основы семейной жизни, правела ведения хозяйства, этика семейных отношений и др. В сказках герои добрые почитают и уважают своих родителей, родители заботятся о детях, дети между собой ладят, старшие опекают младших. В домашнем обиходе выросли такие суждения «Легко дитяtko нажать, нелегко вырастить», «Дитяtko, что тесто: как замесил, так и выросло», «Дом вести, не вожжами трясти, а надо концы с концами свести», «Муж голова – жена шея, куда шея повернет, туда голова и поворачивается», «Ругай жену без детей, а детей – без людей» и т.п.

В русской литературе коренится нравственное начало народа, поклонение земле-кормилице, воздание чести дому, приобщение детей к истории семьи, сохранение традиций, обычаев, помогающих подрастающему поколению осознавать роль наследников.

Предчувствуя беду, прогрессивные объединения стремятся привлечь к насущной семейной проблеме общество и молодежь, чтобы совместными усилиями защитить институт семьи, сохранить российский генофонд, способствовать укреплению национальной безопасности.

В книге «От Руси до России» Л.Н. Гумилев писал: «... запутавшись в проблемах современных, люди обращаются к истории в поисках выхода из тяжелых ситуаций, как говорили в старину, «за поучительными примерами»¹. К этому суждению Льва Николаевича Гумилева, сына известных родителей, добавим и то, что «за поучительными примерами» люди обращаются не только к истории, но и к литературе².

---

¹ Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. – М., 2001. – С.5.

² Лев Николаевич Гумилев – сын известных поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева.

Русская литература, оставаясь верной своим традициям, сегодня, как и во все времена, клеймит пошлость, безнравственность, преступление против совести и стремится внести свой вклад в сохранение первичной ячейки государства – семьи, а значит, и Российской государственности в целом.

Данная книга «Семья в произведениях русских писателей» должна способствовать укреплению и сохранению ячейки государства. На ее страницах поднимаются насущные общечеловеческие проблемы, позволяющие осмыслить изменяющуюся действительность, осознать и задуматься над тем, что нужно сделать сегодня, чтобы сохранить и укрепить семью.

В книге представлены материалы об истории семьи и влиянии фактора времени на семейные отношения, о семейных традициях, существовавших на Руси; анализируется роль исторических событий и общественных преобразований в становлении семейных отношений, рассматриваются извечные проблемы отцов и детей... и многое другое, что касается самого главного человеческого объединения.

Особое место отведено внутрисемейным вопросам: любви и ревности, измене и верности, уделяется внимание сложным материальным и родственным взаимоотношениям, значительную часть занимают проблемы материнства и детства.

Книга «Семья в произведениях русских писателей» призвана содействовать решению тех наиболее проблем, которыми занедужило современное общество, способствовать осознанию жизненно-важных вопросов, выделяющихся из круга извечных, непререкаемых ценностей на современном этапе развития человечества для того, «чтобы не порвалась цепь времен...».

Глава I. СЛАВЯН СЕМЕЙНОЕ НАЧАЛО

Имя Тебе *Любовь* – не отвергни меня,
зablуждающегося.
Имя Тебе *Сила* – укрепи меня, изнемогающего
и падающего.
Имя Тебе *Свет* – просвети душу мою,
омраченную житейскими страстями,
Имя Тебе *Мир* – умири мятущуюся душу мою,
Имя Тебе *Милость* – не переставай миловать меня.
Аминь¹.

Любовь, Истина и Красота подобно христианской Троице – Отцу, Сыну и Святому Духу являются величайшими энергиями, неразделимыми друг от друга. Альтруистическая Любовь или Добро наряду с Истиной и Красотой считаются одной из высших форм космических ценностей, действующих не только в человеческом обществе, но и во всем космосе.

Формула «Бог есть Любовь», присутствующая почти во всех великих религиях, является одной из вариаций этой космической концепции.

Любовь – основа Семьи. Из этого положения следует, что семейное человеческое объединение есть субстанция, угодная Богу.

П.А.Сорокин, крупнейший американский макросоциолог русского происхождения, считал силу любви и прощения гармонизирующей, очищающей и возвышающей силой в преобразовании общества².

Семья есть «микрокирпичик» глобальной мировой системы. Только в семье, построенной на добре, сосредоточены жизненные энергии: Мир, Сила, Свет, Милость. Эти светлые силы оказывают благотворное влияние не только на социальное поведение каждо-

---

¹ Молитва Святому праведному отцу нашему Иоанну Пресвитеру и Чудотворцу Кронштатскому // Краткий православный молитвослов. Л. 1990. С.42.

² Сорокин П.А. Энергия Любви // Газета «Поиск», № 38, 20 сентября, 2002. С.9.

го индивидуума, но и определяют характер межличностных и межгрупповых отношений всех социальных институтов и культуры в целом.

Не случайно в славянском мифологическом пантеоне существо мироздания определяется как одна огромная семья с нерасторжимыми связями, иерархией поколений, дифференцированными функциями и домом.

О семейном начале как характерном явлении в организации всех мировых сил в истории русской философской и публицистической мысли говорили славянофилы¹. Они видели значение общины и семьи приоритетным и незаменимым явлением в системе русских национальных идеалов, нравственных и этических ценностей.

А.С. Хомяков – один из представителей последовательных славянофилов – указывал, что внутренняя задача русской земли состоит «в проявлении общества христианского, православного, скрепленного в своей вершине законом живого единства, стоящего на твердых основах общины и семьи»². Хомяков считал чувство семьи прирожденным, природным и, предсказывая возможность разрушения этого чувства, которое, по его мнению, может осуществляться путем развития человеческой индивидуальности, выступал против проявления индивидуализма: «Сельское училище, даже высшее, не должно вырывать селянина из общинного круга и давать излишнее развитие его индивидуальности»³. По Хомякову следует: индивидуальность, если она осознана и развита, противоречит семейному принципу.

В фольклоре, мифологии древних славян сложились свои архетипические знаки семейных слагаемых: мужа-отца; женщины-матери-жены; дитяти. Основы брака распространялись на отношения между богами и людьми («внуки Дажьбога»), а также на отношения внутри крупных национальных организаций, создавая общинное (и соборное) начало, генетически унаследован-

---

¹ Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России // О старом и новом. М., 1988. С. 225.

² Там же.

³ Там же.

ное в русском деревенском общении («славян семейное начало» – Коршак-Уральский).

Культ рода, идеи всеобщего родства уходит корнями в славянское мифологическое мировоззрение (Даждьбог, Дидо, Золотая баба, домовые духи и т.д.)¹. Корень слова «род» в русском языке включает в себя главные взаимосвязанные понятия из жизни человека: **родители, родня, родина, народ, природа, урожай, плодородие...**

Присоединение к слову «род» приставки со значением отторжения образует слова, которыми называют людей, исключаемых из рода: **уроды, выродки** – это те, кто оторвался от рода, откололся от народа, от его обычаев, кто стал безродным, выбрав для себя жизнь без любви, без родни, потеряв жизненные ориентиры.

Почитание рода было важнейшей отличительной чертой русского человека: полагали, что неблагоприятные поступки в личной жизни отдельного человека скажутся на репутации рода, на жизни потомков.

С незапамятных времен дошло до нас изречение: «Отцы терпкое поели, а у деток оскоми́на». Необдуманые поступки предков, противоречащие общепринятой морали, способны были испортить жизнь не одному поколению в будущем.

Уважительное отношение к предкам было свойственным явлением для всех слоев населения: отцы, деды, прадеды считались ответственными перед Богом за свое потомство. На первом месте у славян стояла забота о сохранении чести рода, его продолжении («чтобы свеча не угасла»). При первом знакомстве было принято спрашивать: «Чей ты, какого ты роду?». В устном народном творчестве, в русских сказках, былинах к молодцу обращались: «Ты скажись, молодец, родом-племенем». Считалось, что знание корней человека уже дает о нем представление.

---

¹ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 153, 168, 169; 45, 47, 58, 74, 75, 76.

Писательница А.О. Ишимова отмечала основную черту наших предков: «Славяне были очень честны: уж если что обещают, то, непременно, сдержат слово»¹.

Нарушение слова влияло на репутацию рода, которая особенно учитывалось при выборе невесты, при встрече сватов от жениха. В старину говорили: «Корову выбирай по рогам, а невесту по родам» (т.е. по родственникам). Ответственность за судьбу потомков определяла нормы поведения во взаимоотношениях людей друг с другом.

Большое значение роду, происхождению придавалось в обществе не только у простых тружеников, но и в семьях именитых людей. Дворяне вели родословные книги – быть родовитым значило не меньше, чем богатым. И это не только традиция ведения образа жизни, а нечто большее...

В ранних литературных источниках, «Повестях временных лет», Дом и Семья всегда находились в поле зрения летописца.

Дом у наших предков представлялся своеобразным оградительным валом, где всегда находилось место для всех членов семейного рода.

Во все времена, где бы ни находился человек, источником тепла и света, доброты и энергии для него оставался Дом, в котором можно обрести мир и покой. Из Дома люди уходили на поиски счастливой жизни, Домой возвращались в трудные времена, здесь же набирались здоровья и сил, выслушивали наставления старших, получали домашние обереги, защищавшие их от злых сил, создавали свой Дом и семью по образцу уклада жизни в родительском Доме.

Всякие нелады в Доме осуждались общественным мнением.

Так, в произведении «Чтение о житии и погублении блаженных страсотерпцев Бориса и Глеба», написанном в «Повестях временных лет» (1015 год), сурово осужден Святополк, племянник князя Владимира (Крестителя), занявший престол после его смерти. Святополк, опасаясь претензий двенадцати сыновей князя Владимира, стал уничтожать потенциальных претендентов на

---

¹ Ишимова А.О. История России для детей. М., 1995. С.5.

престол. Первыми жертвами его жестокости пали братья Борис и Глеб, пали, даже не сопротивляясь, так как считали грехом поднимать руку на старшего.

«Чтение о житии и погублении блаженных стастотерпцев Бориса и Глеба», драматическое по содержанию и эмоциональное по форме, отвечало нравственным потребностям русского характера. Здесь восхвалялось семейное смирение, почитание старших, терпение и мужество; осуждались жестокость, ненависть, властолюбие.

Впоследствии Борис и Глеб были канонизированы, признаны святыми мучениками, что особенно возвысило их в глазах народа¹.

Семья на Руси строилась на любви и согласии молодоженов, вступающих в брак. Женщины наравне с мужчинами занимались семейными обязанностями и были включены в общественную жизнь, где так же, как и их мужья, выполняли определенную работу.

Русские летописи повествуют о многочисленных случаях участия в политических и государственных делах своих мужей и сынов русских княгинь и боярынь. Ярким примером тому является княгиня Ольга, отомстившая древлянам за мужа, князя Игоря, а потом стала опорой и поддержкой в княжении своего сына Святослава.

Письменные памятники XII-XIV веков свидетельствуют о высоком уровне образования женщин и посвящают нас в события, в которых жена становилась выразительницей высокой идеи, проповедуемой ее мужем.

Таким примером в древнерусской литературе является Ярославна, жена князя Игоря, чей плач был слышен на городской стене в Путивле. Мыслила она попасть к Игорю кукушкой или чибисом (или иной птицей): «Полечу, рече [говорит она] зегзи-

---

¹ Древнерусская литература // Сказание о Борисе и Глебе. Воронеж, 1995. С 92.

цею... омочу бибрянь [шелковый или бобровый] рукавь въ Каяле [реке], утру князю кровавыя его раны...»¹.

Ярославна с болью в сердце разделяет беду своего мужа и сына, воспринимает гибель их дружины, как личное горе. Она готова помчаться на помощь. Князь Игорь предстает в плаче Ярославны не только мужем, но и защитником общих государственных интересов, священных и для нее самой.

С процессом укрепления христианства на Руси начинается постепенное исключение женщины из «мужского общества». Показательно, что из 46 книг в Ветхом Завете всего две посвящены женщинам.

Возникшая «религия» мужчин и для мужчин определила в течение долгих веков женщине второстепенную роль. Эта неравнозначность была характерна для всей Европы, но на Руси приобрела более жесткую форму. В истории семейных отношений для русской женщины начался длительный период «теремного затворничества». О женах и дочерях князей в русских летописях XIII века упоминается лишь как об объекте насилия и порабощения.

В прекрасной и печальной «Повести о разорении Рязани Батыем» (1237 год) рассказывается о том, как Батый с огромным войском подошел к Рязани и потребовал у рязанского князя не только дани, но и его красавицу жену. Князь погиб в битве, а жена его, оставаясь верной мужу, вместе со своим маленьким сыном бросилась с высокого терема. Жертвенность и верность были характерными отличительными чертами русских женщин.

Установление монголо-татарского ига на Руси способствовало дальнейшему закреплению унижительных для женщин норм поведения, резкому снижению их статуса в семье и государстве. Морально-этическим кодексом взаимоотношений супругов в русском обществе становится «Домострой» (XVI в.)

На страницах «Домостроя» представлена своеобразная программа домашнего строительства, отношений между мужем и женой, воспитания детей, подготовки их к семейной жизни, обучение тому, что необходимо в «домашнем обиходе». В Домострое пропи-

---

¹ Слово о полку Игореве. М, 1986. С 62.

сан каждый шаг, который надлежит сделать в течение дня, недопустимы свобода личности и своеволие. Красноречиво говорят о содержании документа название глав «Како дочь воспитати, с наделком замуж выдати», «Како детям отца и матери любити и беречи и повиноваться и, и покоити их во всем» и др.

В глухое время господства домостроевских воззрений на женщину и полуазитаских правил поведения в России семья уже не предполагала свое существование на любви и согласии.

Но в середине XVI века появляется «Повесть о Петре и Февроньи Муромских», которая рассказывает о любви князя Петра к простой девице Февроньи, о препонах, чинимых окружением Петра против его брака на простолюдинке, о счастливой жизни Петра с Февроньей во время их супружества, о помощи Февроньи своему мужу в его государственных делах и о сохранении ими взаимной любви в разлуке, когда они находились в разных монастырях до скончания их дней. «Повесть о Петре и Февроньи Муромских», написанная известным в XVI веке писателем и публицистом Еромолаем Еразмом, вселяла веру и надежду на улучшение климата в обустройстве семейной жизни, на возможность сохранения между супругами высоконравственных, духовных брачных отношений.

Резкое и качественное изменение положения в семье произошло в эпоху Петра I, в XVIII веке.

Уже в 1717 году Феофан Прокопович, священник-просветитель, оратор и публицист выступил с проповедью, которая имела несколько необычное направление: «Крепка яко смерть любы (любовь)». В своей проповеди Феофан Прокопович оправдывал неравный брак: женитьбу царя Петра на простой женщине. Этот брак, по мнению Феофана Прокоповича, был основан на взаимной любви, и поэтому он славил новую жену Петра – Екатерину, высмеивая при этом, лицемеров и ханжей, осуждающих супружество царя и простолюдинки.

Преобразования Петра I резко изменили традиционный быт, создали новые формы общения молодых людей. Старый порядок семейной жизни ломался. Сыновья дворян, горожан и даже кре-

стьян уходили из дома в школы, училища, поступали служить в армию, на флот, государственные учреждения. Ассамблеи, на которые Петр приказывал приводить не только сыновей, но и дочерей, способствовали развитию новых галантных отношений между молодыми людьми. Их зарождавшиеся чувства требовали своего признания в словах, и молодые люди стали писать стихи.

На Руси чувство любви принято было выражать в безымянной народной песне. Любовные песни в Петровский период не печатались, а распространялись в рукописном виде, большинство из них были неизвестных сочинителей. Известны имена только нескольких авторов, среди них – дочь Петра I Елизавета и молодой Кантемир.

Однако показательных образцов новых брачных отношений, раскрепощенных от домостроевских понятий, в литературе того времени еще не встречается.

Только после Отечественной войны 1812 года происходит пробуждение самосознания русского общества, повлекшее за собой становление самосознания пробудившейся личности.

Пробудившаяся личность была уже способна создавать новые нравственные ценности: в том числе ценность свободы, значимость которой еще осознанно определить для себя не могла, но уже стихийно хранила эту свободу от всякого рода вмешательства, в том числе и от семейного. Индивидууму противостояло психологическое сопротивление, определяющееся устойчивостью традиционного жизненного уклада. Этот конфликт пробудившейся личности и устоявшегося семейного уклада отобразили в своих произведениях многие писатели. Одним из таких показательных примеров является роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Глава II. ВРЕМЯ ПРОБУЖДЕННОГО СОЗНАНИЯ

2.1. О семейных традициях в романе «Евгений Онегин»

В «Евгении Онегине» мир, созданный Пушкиным, хранит в себе старинные славянские традиции семьи и отображает назревающие новые семейные отношения в России после Отечественной войны 1812 года.

В романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин», смысловым центром которого является идеология семьи, постоянно функционирует архетип семьи, создавая сюжетный контекст и развивая особую глубину конфликта, обусловленного новым направлением в семье и семейных отношениях. Здесь представлено два поколения семьи: старшее, призванное создавать «родное пепелище», дающее возможность осознавать «самостоянье» человека, и молодежь, окрыленная новыми идеями и убеждениями, устремленная в новое.

На семействе Лариных реализуется эпический хронотоп, позволяющий представить жизнь и время помещичьей России первой трети XIX века, потому что семья Лариных живет по старинному, соблюдая все необходимые обычаи евангельского календаря. В их семейном кругу происходит **стирание граней индивидуальности**: отец – «смиранный грешник», «господний раб», мать из романтической мечтательницы превращается в милую старушку, живущую по «привычке», данной «свыше», Ольга – «всегда послушна». Их жизнь протекает «во вкусе умной старины», они общаются со «всеми», как с родней, совместно обсуждая насущные, *как свои*, соседские проблемы. «Детям прочили венцы друзья-соседи, их отцы»; «Ей шепчут: «Дуня, примечай!»; «Под вечер иногда сходились соседей дружная семья»; «Умер... оплаканный своим соседом, детьми и верною женой» и т.д.

Созданная в романе на примере помещичьего дворянского гнезда модель патриархальной семьи являлась яркой картиной отображения семейного существования дворян. Однако возни-

кающие противоречия в этой, казалось бы, семейной идиллии существуют не только от изменившегося сознания молодежи, противоречия обнаруживаются в самой основе традиционных семейных отношений.

Ларина-мать входит в семейный круг не по своей воле, ее отдают насильно, с плачем. Потом, со временем, «привыкла и довольна стала», с нее слетела романтическая модная шелуха – «стишков чувствительных тетрадь она забыла; стала звать Акулькой прежнюю Селину», «супругом самодержавно управлять», но начало ее семейной жизни есть **горе**. Пушкин подмечает это: «Привычка усладила **горе**, неотразимое ничем». Индивидуальная личность матери, сделавшая в своей жизни попытку проявить себя иначе, чем положено в ее среде, сразу же была ликвидирована существовавшими традициями.

С этими традициями сталкивается и няня Татьяны Лариной. Она еще более несчастна в семье, чем ее барыня. Еще дитя, к тому же подневольное, она и представить себе не могла никакого «Грандисона», как Ларина-мать. По законам коренной ментальной традиции predetermined ей жизненный путь должен был, по идее, вызывать у нее хотя бы чувство счастливого ожидания или устойчивого благополучия, но начинается семейная жизнь у няни тоже слезами: «Я горько плакала от страха». Введенная «в семью чужую», в которой прожила целую жизнь, она сохранила лишь недоуменную покорность злодейке-судьбе, в которой был постоянный страх перед свекровью и горькое чувство сиротства. Индивидуальная личность няни так и не пробудилась никогда.

Итак, брак в пушкинском мире начинается слезами. Да и сам Пушкин плакал перед женитьбой на своем последнем мальчишнике: «Так, видно, Бог велел!», – покорно принимает семейный рок Пушкин.

Его Татьяна входит в жизнь с устоявшимися представлениями о брачных отношениях: она должна быть «верная супруга и добродетельная мать».

Онегин же, в отличие от нее, не готов быть отцом и мужем. В воображении Онегина проигрывается ситуация, где он предпола-

гает, что бы было, если бы он стал «отцом-супругом», и он приходит к выводу: «Это было бы для него «печальным жребием».

Еще один образ молодого человека – Ленского, чье поведение совершенно не подтверждается опытом, составляет архетип вечного ребенка, дитяти, значит, тоже в будущем не предполагает супружества.

Итак, во вневременном, то есть в мифологическом пространстве потенциальный отец-Онегин убивает предполагаемого дитя-Ленского. Эта криминальная мысль, присутствующая в романе, настраивает на драматический исход те новшества, которые только намечали отступление от традиционных жизненных методов.

Совсем в другом положении Ольга, она, казалось бы, никогда не нарушавшая родительских заветов, вдруг отрывается от семьи. Она как бы возвращается к юности своей матери и продолжает тот путь, который не был осуществлен матерью. Этот путь представлен поэтом как путь вне семьи.

Из всего семейства Лариных полностью подчинен семейной традиции лишь отец, который, погрузившись в семейное лоно, «в прошлом веке запоздалый», отказывается от всяких притязаний на какую-либо иную жизнь. Мечты отца – женитьба детей и новый жизненный круг. Ленский открывает грустную суть такой жизни: «Poor Jorick», – молвил он уныло», – что автор поясняет:

Без неприметного следа,
Мне было б грустно мир оставить.

Жизнь по кругу, без следа – это, «увы, закон» утверждает Пушкин:

Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас.

Круг жизненных интересов семьи Лариных в романе непосредственно воспроизводит цикл естественной жизни: рождение – жизнь – смерть. Первая забота этого семейства – поженить детей, следующие по важности заботы – «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне», т.е. повседневные текущие дела, не вырывающиеся из замкнутого круга их существования. Крестины и похороны, в

которых участвуют церковнослужители, отмечаются вехой, зарубкой на столпе жизни: «попы и гости ели, пили, а после важно разошлись, как будто делом занялись». Все церемонии происходят здесь по заведомо известному плану, как и должны проходить в сложившихся традициях деревенской жизни. И это было унаследовано от отцов и дедов, хотя в деревне, где жил Онегин, нет храма, а в доме нет икон, и Ленский, посетив кладбище, где покоится прах его родителей, в церковь не идет. Да и Татьяна, прощаясь с окрестностями, церковь, где ее крестили и отпевали отца, тоже не посещает.

Сформировавшаяся в деревенской среде Татьяна воплотила в себе сущность бытия «верной супруги» и «добродетельной матери», незыблемой ценностью которого является *семья*, несмотря на то, что «она в семье своей родной, казалась девочкой чужой». И хотя Пушкин последовательно рисует Татьяну независимой, способной разорвать традиционные рамки существования, сам все же приводит свою любимую героиню к статусу «добродетельной супруги».

Личность Онегина, представленная Пушкиным как личность человека свободных воззрений, обречена им на драматический исход. У Онегина нет того замкнутого защитного пространства, символизирующего эпический (магический) круг, который древними славянами представлялся как оберег. Оценочный смысл для Онегина содержится не в словах «домашний круг», а в слове «ограничить». Он не желает ни в чем себя ограничивать, вводить в рамки традиции, ясно обозначившейся для него в «скуке» существования ларинской семьи. Онегин сохраняет свою индивидуальность ценой отторжения роли «отца-супруга». Такое «мужское начало», разрушающее собой семейный образ жизни, предполагает бездомность, бессемейность, то есть существование, несвойственное славянам. Онегин не ограничивает свою жизнь семейным домашним кругом, его художественный вектор – стрела.

Не определен в семейное русло и жизненный путь Ленского. Его взросление невозможно до той поры, пока не определятся для него условия существования или пока не наступит переломная кризисная ситуация. Условия его будущей жизни в романе наме-

чены поэтом как узы брака с Ольгой и повторение судьбы отца-Ларина или конфликт с обществом и властью («мог быть повешен, как Рылеев»). Пушкин не желает согласиться на первый вариант пути для слишком возвышенной души Ленского и выбирает ему путь второй. Жизнь Ленского обрывается, потому что по замыслу автора продолжаться не могла: в романном мире он остается вечным юношей-ребенком.

Пушкин трех главных героев лишает возможности вхождения в систему семейного мироздания, обозначившуюся моментом эволюции человеческой личности. Наступало время, когда личность, отвергнув опыт традиционного существования, самоутверждалась в процессе индивидуального самосознания. В этой связи в общественных отношениях возникает «зона» одиночества: «дитя» защищает себя от вторжения «отца», «мужа»; «муж», «мужчина» отгораживает себя от «жены»-«матери»; «жена»-«мать» лишается активного действия. Поэт называет такое существование **эгоистичным**, а потому **бесперспективным**:

Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.

Автор, осознавая трагичность ситуации, вносит в нее свои коррективы в виде утопии – замысел «романа на старый лад», и утверждение «иные нужны мне картины» явно ориентировано на коренной славянский исток:

Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желанья – покой,
Да щей горшок,
Да сам большой.

Пушкин, независимо ни от кого, исподволь приходит к выводу, что его герои осознают себя в своем собственном мире, а не в мире Создателя. Поэт указывает, что осуществление «самостоянья» происходит, главным образом, не в духовном мире человека, а во внешних формах быта.

Семейная утопия остается лишь в идеале, в лирической части романа. По-видимому, пушкинское высказывание «иные нужны мне картины» и была воспринята славянофилами как призна-

ние поэтом того, что он томился «чувством сиротства». Пушкин, мечтающий о деревенской жизни, сохранении патриархальных традиций в семье, созвучен в своем стремлении с философом Хомяковым, выступающим за твердые основы общины и семьи.

2.2. Бессемейные идеи и их последствия

А.И. Герцен высоко ценил Хомякова как учителя, активного защитника славянского образа жизни. С глубоким уважением Герцен отзывался о Хомякове в романе «Былое и думы», называя его «бойцом без усталости и отдыха», однако, придерживаясь просветительских взглядов, сам не сочувствовал религиозной убежденности славянофилов.

Александр Иванович, предполагавший западный путь развития России, свои отношения в семье тоже строил на новый лад, отвергая старые русские семейные традиции. Семейная драма, раскрытая в «Былом и думах», показывает жестокую расплату Герцена за неприятие им патриархальных законов в своей семье, то есть тех законов, которые настойчиво защищал Хомяков. В «Былом и думах» писатель исповедуется перед читателем, посвящая его в историю своих взаимоотношений с женой Натальей Александровной («Рассказ о семейной драме» и «Кружение сердца»).

Уже в молодости Герцен думал, что «частная жизнь, не знающая ничего за порогом своего дома <...> бедна». Он неоднократно отмечал, что такая жизнь похожа на «обработанный сад»¹. Герцену казалось, что «обработанный сад» не может оградить человека от случайностей. По его мнению, жена, исключенная из всех интересов, занимающих мужа, чужая им, не делящая их — это наложница, экономка, нянька, но не жена в полном значении этого слова. Таким было в его время общее убеждение молодой России, оно нашло отражение в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

---

¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1954-1965. Т. II. С.62-63.

В «Былом и думах» Герцен рассказывает несколько семейных историй, связанных с сюжетом его личной драмы. Эти истории семейной жизни «новых людей» были нарисованы как глубоко человеческие, однако именно они приводят писателя к мысли, что «освобождение от традиционной морали никогда не приводит к добру». Герцен, вопреки своим устоявшимся убеждениям, понимает совершенную им ошибку в организации семейной жизни.

В 1861 году в письме к дочери Наталье Александр Иванович писал об их отношениях с Натальей Александровной: «Для нас семейная жизнь была на втором плане, на первом – наша деятельность. Ну и смотри, пропаганда наша удалась, а семейная жизнь пострадала. Избалованные окружающими в борьбе с миром традиций мы были, так сказать, дерзки, считая, что все сойдет с рук...»¹. В этом письме Герцен осознает, что **семья – это то, что должно стоять на первом месте в человеческом обществе.**

Герцен, после несчастий и происшествий в семье, начинает признавать, что «разрыв <...>человека со средой, в которой он живет, вносит страшный сумбур в частное поведение»². И в его исповеди зазвучала мысль о том, что из всех *перунов*, низвергнутых критиками и разумом, семья оказалась самой жизнеспособной. «Перун домашний и семейный не тонет», – напишет он позже³.

Жена писателя, Наталья Александровна Захарьина, была его двоюродной сестрой, имела сходную с ним судьбу. Она, как и Герцен, была незаконнорожденной дочерью, испытала многие из тех унижений, которые выпали на его долю в детстве и юности. Наталья Александровна прожила с Герценом нелегкую жизнь: вместе с ним она находилась в двух ссылках в России, с ним разделяла эмиграцию, рожала и воспитывала детей, сохраняя домашний уют и мир своего дома. В Париже все дороги революционной эмиграции сходились к их дому, который, по характеристике самого Герцена, стал «хрустальным ульем». «Моя жизнь

---

¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1954-1965. Т. XXIX. С.317.

² Там же. Т.Х. С.134.

³ Там же. С. 202.

шла так открыто, как в хрустальном улье»¹, – писал Александр Иванович. Вероятно, какая-то опора в какой-то момент стала непрочной, и хрустальный улей разбился...

Семья Герцена была не защищена от постороннего вмешательства и внешнего воздействия. В дом Герцена попадает поэт Георг Гервег, который сумел расположить всех к себе, и, поселившись в доме, добился сначала внимания и участия Натальи Александровны, а потом и ее любви.

Наталья Александровна, запутавшись в отношениях с Гервегом, инстинктивно просит поддержки у мужа, однако он, страдающий от ревности, не смог протянуть жене руку помощи... Семья разрушается.

В 1852 году Наталья Александровна умирает. А годом раньше в кораблекрушении погибли младший сын и мать писателя.

Историю своей семейной драмы Герцен написал как исповедь, рассказывая о ней с такой потрясающей силой, какая до Толстого, наверное, была не доступна никому.

Эта история семьи взволновала многих современников. П.В. Анненков в своих литературных воспоминаниях отмечал: «...Герцен <...> нажил себе безвыходное страдание, и если чья судьба может назваться трагичной, то, конечно, именно его судьба под конец жизни»². По мнению Анненкова, Герцен сам себе уготовил участь, которая принесла ему много горя и душевных мучений.

Литературная исповедь Герцена не оставила равнодушными и других литераторов. В 1876 году И.С.Тургенев в письме к М.Е. Салтыкову-Щедрину сообщал: «Все эти дни я находился под впечатлением той части «Былого и дум» Герцена, в которой он рассказывает историю своей жены, ее смерть»³.

Надо сказать, что в Париже Тургенев тоже был вхож в семью Герцена и находился с ней в довольно близких отношениях.

---

¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1954-1965. Т. XXIX. С.34.

² Анненков В.П. Литературные воспоминания // Замечательное десятилетие 1838-1848 г. М.: Правда, 1989. С.197.

³ Тургенев И.С. Собр. соч. В 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1958. Т.12. С.487.

Попав в огаревско-герценовскую среду, писатель общался больше с женской половиной. Наталья Александровна недолюбливала Тургенева. Его неврастенические выходки и странности действовали на нее нехорошо. «Странный Тургенев!», – считала она. И находила в нем нечто холодное, нежилое¹.

Б.К. Зайцев в книге «Жизнь Тургенева» отмечал: «Тургенев с ранних лет невзлюбил брак, семью, «основы...». Писатель неоднократно подчеркивал то, что во всех противоречиях тургеневского облика была одна горестно-мудрая, но последовательная черта: одиночество, «несемейственность»². Именно это качество характера Тургенева не нравилось и отпугивало жену Герцена. И если Наталья Александровна не принимала бессемейную жизнь Тургенева, то, надо полагать, сама она была привержена семейной жизни, и то, что произошло между ней и Гервегом, было, по видимому, с ее стороны проявлением слабости, сделавшей впоследствии несчастной всю семью Герцена.

Подобно Герцену, Тургенев в собственных глазах был несчастным человеком. Всю жизнь ему недоставало женской любви и привязанности, к которым он стремился с ранних лет. Призыв и поиски идеальной женщины помогли ему создать тот Олимп, который он населил благороднейшими женскими существами.

Длительное время он был идолом прекрасной половины человеческого рода. Но увлеченность его была только платонической любовью. Сам же он страдал от сознания, что не может победить женской души и управлять ею, по его мнению, он мог только измучить ее. Для торжества при столкновениях страстей ему недоставало наглости, безумства, ослепления.

Тургенев почти всю жизнь прожил во Франции рядом с женщиной, которую любил, но не мог соединиться с ней. Певица Полина Виардо, оставаясь женой своего мужа, «принимала» любовь Тургенева. Занимая некую царственную позицию, удерживая Тургенева при себе как вздыхателя и прославителя, Полина

---

¹ Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева: Литературная биография. М.: Дружба народов, 2000. С.49, С.224.

² Там же. С. 73.

Виардо, возможно, поступала по-женски мудро, понимая, что он ненадежен как муж, запрограммированный самой природой на бессемейность.

Вероятно, именно это повлияло на создание Тургеневым теории, весьма важной в биографическом отношении.

Русская жизнь, по мнению Тургенева, распадалась на два элемента – мужественную и очаровательную женщину и развитого, но запутавшегося и слабого по природе своей мужчину¹. Об этом он говорил и в повести «Первая любовь», где раскрыл тот ужас, навеянный на него ударом хлыста, которым раздраженный любовник ответил своей возлюбленной, побеждая ее волю и своенравие. С тех пор этот ужас от дикого поступка, казалось, и не проходил у Тургенева, одолевая его всякий раз, когда требовалась решительность действий. Он не отвечал ни на одну из симпатий, которые шли ему навстречу, за исключением разве трогательной связи с О.А. Тургеневой в 1854 году, но она длилась недолго и кончилась мирным разрывом и поэтическим воспоминанием о прожитом времени².

Эта теория отчетливо прослеживается в произведениях Тургенева. Возлюбленный для его героинь всегда учитель, руководитель на новом пути духовных постижений.

Наталья полюбила Рудина «за честное стремление к истине и сознанию». Любовь Натальи, Елены, Лизы, Марианны является выражением поэтической прелести жизни и общественно-нравственных исканий. Все они мечтают о встрече с возлюбленным, отвечающим на вопрос о том, как делать добро. Потому истории интимно-личных переживаний в романах становятся весьма содержательными: герою-возлюбленному предъявляются высокие требования нравственно руководить и обладать знаниями о реальных потребностях общественной жизни. Через любовную коллизию совершается суд истории над героем: или его признают

---

¹ Анненков В.П. Литературные воспоминания // Молодость Тургенева. М.: Правда, 1989. С.364.

² Ольга Александровна Тургенева – дальняя родственница писателя, некоторое время считали, что Тургенев собирался на ней жениться, но после пространного извинения 6 января 1855 года Тургенев перестал бывать у них в доме.

пламенным энтузиастом деятельного добра, как Елена Стахова – Инсарова, или в нем разочаровываются как в недостойном слугителе «общего блага» (Наталья – в Рудине).

Героини писателя все до одной мечтают о «дейтельном добре», они готовы к жертве ради торжества справедливости на земле, но ни одна из них не стремится стать «верною супругой», хранительницей домашнего очага, «добродетельной матерью». О примерной роли отца, о выполнении миссии верного супруга ни Лаврецкий, ни Рудин, и уж тем более Инсаров, не заботятся. Вероятно, это и было отображением в героях той ущербности, за которую Тургенев считал себя «несчастливым человеком», ведь он и сам не завел себе семьи, хотя любил свою рожденную вне брака дочь, заботился о ней, стремился оградить ее от всякого рода несчастий и неприятностей.

Жизнь дочери Тургенева слагалась так же неестественно, как и у отца. Рожденная от «рабыни» девочка сразу оказалась не к месту в дворянской среде. Ее рано оторвали от матери, от родины. Дом Виардо, куда привез на воспитание свою дочь Тургенев, не дал ей семейного тепла и ласки. Несмотря на то, что отец ничего для нее не жалел, учил, воспитывал, нанимал дорогих гувернанток, считая это своим долгом, близкие родственные отношения у него с дочерью не сложились. Все его заботы о ней не были согреты душевным теплом. Полина маленькая ревновала отца к Полине Виардо большой, и его это раздражало. Своим близким друзьям он признавался, что между ним и дочерью мало общего. Хотя она прекрасная девушка, но «...она не любит музыки, ни поэзии, ни природы, ни собак...», и потому он относится к ней как к Инсарову: «Я ее уважаю, а этого мало»¹.

Дочь была в некотором смысле грехом Тургенева, в этом грехе он держался безупречно, но сердца своего не отдавал, и какой-то оттенок кары за это лег на их отношения.

В отличие от Ивана Сергеевича, его старший брат Николай Сергеевич, ставший после смерти матери владельцем огромного состояния, всю жизнь прожил со своей женой в мире и согласии.

---

¹ Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева. С.133.

Несмотря на то, что в свое время он немало претерпел из-за своей Анны Яковлевны от невлюбившей ее матери, навсегда оставался под влиянием жены. Анна Яковлевна управляла мужем безраздельно, а он, по словам Ивана Сергеевича (не любившего невестку), «целовал ей ноги».

Жена брата так же, как Полина Виардо, имела тяжелый характер и бурный темперамент. После своей смерти Николай Сергеевич подавляющую часть своего состояния завещал родственникам жены, умершей раньше него, лишь малую долю родового наследства получил от брата Иван Сергеевич.

Всю свою жизнь Тургенев стремился к счастью и любви. Последние дни тяжелого болезненного существования разделяла с ним Полина, к тому времени похоронившая мужа. В смертный час, когда Тургенев никого уже почти не узнавал, он сказал о Полине, обращаясь к ней: «Вот царица из цариц!».

Так и не написал Тургенев своей жизнью семейного романа...

Интересно, что и Н.В. Гоголь, и И.А. Гончаров, которые, как и Тургенев, не были женатыми людьми, тоже не написали семейных романов.

Тургенев и Гончаров дебютировали в литературе почти в одно и то же время, но их жизненные и творческие пути складывались по-разному.

Тургенев – барин, помещик, хотя он и прожил много лет вне России, прекрасно знал жизнь и народной среды, и русского дворянства.

Гончаров – купец по происхождению, был истым петербуржцем, почти всю жизнь проводившим на государственной службе.

Герои Тургенева постоянно стремятся к идее жертвенности, возвышенным мыслям о прекрасных человеческих отношениях, в романах же Гончарова они последовательно отрицают обращение к высоким идеалам. То, что было хорошим в стремлениях тургеневских героев, у Гончарова это выглядит как порок и бесперспективность.

Прекраснодушные мечтания главного героя романа «Обыкновенная история» Александра Адуева о счастливой жизни, любви дядя, Петр Иванович Адуев, с издевками и смехом, отвергает

как несостоятельные. Гуманистическое начало в племяннике дядя активно вытравливает, тем самым превращая его в черствого человека. Петр Иванович не просто убеждает Александра в беспочвенности его мечтаний, он проявляет значительную долю насилия над его личностью.

Гончаров показывает, что «Адуев-старший» поступает как запрограммированный механизм, как человек-машина, не желающий тратить времени даром и ждать, когда и как свершится естественный процесс эволюции племянника. И мягкому, податливому юноше, прибывшему в город из далекой провинции, уроки дядюшки идут впрок, о чем очень сожалеет жена Петра Ивановича Елизавета Александровна.

Она, прожившая несчастливую жизнь рядом со своим рационалистичным мужем, безнадежно больная, говорит преуспевающему племяннику правду о том, что не так давно он казался ей «прекрасным, благородным, умным».

На это Александр, как человек трезвый, верно объяснил происшедшую в нем перемену социальными причинами: «Что делать?... – век такой. Я иду наравне с веком: нельзя же отставать!»¹.

И как результат дядюшкиного воспитания в «Эпилоге» романа появляется Александр Адуев, сияющий, румяный, неся с достоинством «выпуклое брюшко и орден на шее». За орденом последовала сверхудачная женитьба без любви, но по расчету: 500 душ и 300 рублей приданого.

Оба Адуевых, дядя и племянник, даже на разных стадиях своего развития, составили то, что Толстой назвал «адуевщиной», считая ее главной особенностью *эгоизм* – неспособность жить общими интересами.

Гончаров на примере судьбы молодого дворянина, идущего в ногу со временем, отображает идеологию своего времени, когда деньги стали заменять собой сердечные отношения. Показывая путь дворянина к материально обеспеченной семейной жизни, Гончаров не дает своего видения семейных отношений, но созданный им образ Елизаветы Александровны, превращен-

---

¹ Гончаров И.А. Собр. соч. В 8 т. М., 1977-1980. Т.1. С.320.

ной мужем в вещь, ее судьба наводят читателя на грустные мысли.

Не проявляется у Гончарова как муж и отец Илья Ильич Обломов в романе «Обломов». Нет картин семейной жизни и предполагаемого хозяина России, предпринимателя Штольца.

Решительно выступая против нигилизма, проповедуемого «новыми людьми», Гончаров пытается оградить семью от модной теории свободных отношений между мужчиной и женщиной.

В романе «Обрыв», на замысел которого повлияла драма, происшедшая в семье Майковых, близких друзей Гончарова, писатель не показывает каких-либо путей выхода из сложившихся семейных тупиков.

Дочь знакомых Гончарова Е.П. Майкова (писатель симпатизировал ей) в 1866 году, оставив троих своих детей отцу, ушла с их учителем, недоучившимся студентом Федором Любимовым, как ей тогда представлялось, по указанной Чернышевским дороге «в светлое будущее». Но жизнь вне семьи у Майковой не получилась. Она оказалась неприспособленной к физическому труду и прочим атрибутам «комунной жизни» на Северном Кавказе. Из коммуны она вскоре ушла, но в семью так и не возвратилась, навсегда покинув ее. До конца жизни она прожила в окрестностях Сочи и до последних дней сохранила убеждение, что именно 60-е годы возродили ее к истинному существованию¹.

Майкова была не одинока. История сохранила имена женщин, подобно Екатерине Павловне расставшихся с домом, детьми, прежним образом мышления. Такой была А. Сулова, известная нам как женщина, оставившая глубокий след в судьбе и творчестве Ф. Достоевского, мать В. Гаршина, Е. Гаршина, расставшаяся со своими детьми. В письме к революционеру П. Завадскому Гаршина признавалась: «Я теперь не мать, не жена, не сестра, я гражданка моей родины и буду счастлива выше всякого земного счастья, если хоть одну лепту душевную прине-

---

¹ Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб. 1908. С.282-284.

су на общее дело»¹. Такими, по сути, были и А. Панаева, и Н. Сулова – участницы коммуны, организованной в Петербурге писателем В. Слепцовым.

Время 60-х годов создало женщин, утверждавших, что семейным кругом и благотворительной деятельностью жизнь их не может и не должна ограничиваться. Общественное поприще звало их. И, как показало время, жизнь вне семьи не принесла никому из них счастья и удовлетворения теми идеалами, которым они предпочли посвятить свою жизнь.

В центре романа Гончарова «Обрыв» – женщины Вера и Татьяна Марковна Бережкова. Вера представляла собой новый тип русской женщины, сформированной под влиянием идей переломной эпохи, бабушка Татьяна Марковна – олицетворение патриархальной России. Вера жила свободной от каких-либо забот жизнью. Она не переставала уставать от бездеятельности, праздности, чувствовала необходимую потребность в учебе: чтение обогащало ее, делало независимой и решительной, она, так же как Майкова, устремлялась к иному жизненному пути, потому что окружающее общество, его старые устои не устраивали ее.

Внимание Веры привлекает Марк Волхов, сильный, настойчивый, отвергающий мир крепостничества, стремящийся к новому образу жизни. Встречи-свидания с Волховом перерастают в идейную ошибку двух миропониманий, во взаимонеприемлемую форму союза мужчины и женщины.

Волхов, отрицавший духовную связь между мужчиной и женщиной, проповедует теорию «любви на срок». Вера, увлеченная Марком, поддается его влиянию: страсть приводит ее к «падению», к тяжелой драме, которая осмыслена писателем как трагическая ошибка, «обрыв» на пути к подлинному идеалу любви и счастья.

В «Обрыве» Гончаров показывает читателю различные «образы страстей» в духе нравственной истории человечества. Писа-

---

¹ Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб. 1908. С. 284.

тель изображает особенности любви сентиментальной (Наташа и Райский); эгоистически-замкнутой, мещанской (Марфинька и Викентьев); условно-светской (Софья Беловодова – граф Милари); старомодно-рыцарственной (Татьяна Марковна Бережкова – Ватутин); почти слепой, бессознательной (Козлов и его жена Ульяна); «дикой, животной» страсти крепостного мужика Савелия к его жене Марине; артистической, с преобладанием фантазии (Райский – Вера); и любви-страсти Веры и Волхова. Но дальше он не идет, дальше – обрыв... И история у него прекращает существование.

Придавая особое значение образу бабушки, Гончаров стремится показать не только стоящую за ней незыблемую старую правду, но и ту трещину, что прошла когда-то через ее собственную жизнь, а теперь обозначилась в судьбе Веры. На ее глазах рушится последний оплот – дом и семья, и оставаться в этой ситуации безучастным наблюдателем она не в силах. Татьяна Марковна, пережившая в своей жизни горе от любовной увлеченности, чтобы облегчить страдания Веры, некогда известные ей, теперь стремится принять внучку в ее падении.

И.Ф. Анненский, высоко оценив женские образы в романе, выделил образ бабушки Татьяны Марковны, которую он называет «вполне живым человеком». «Для нее все решается традицией, этим коллективным опытом веков, – она глубоко консервативна, но сердце ее полно любви к людям», – писал критик¹. Бабушка – хранительница родового дворянского гнезда, обычаев, норм, и ей принадлежит роль «проводника» жизненно важных идей Гончарова о семье.

В «Обрыве» писатель приходит к мысли, что истина жизни заключена не в разрыве общечеловеческих ценностей, а в их взаимосвязи и единстве. Доминантой в этом единстве должен быть вечный союз мужчины и женщины. «У меня, – свидетельствовал романист, – мечты, желания, и молитвы Райского кончают-

---

¹ Анненский И.Ф. Книга отражений. М., 1975. С.264.

ся, как торжественным аккордом в музыке, апофеозом женщин, потом родины России, наконец, Божества и Любви...»¹.

Тема семьи, не имея подробного описания, все же является центральной в творчестве Гончарова. Он с болью в сердце отвергал несупружеские отношения между мужчиной и женщиной, принимавшие в его время гипертрофированную форму. Писатель все-таки поддерживал существовавшие патриархальные семейные традиции. В жизни, не имея своей семьи, он помогал семьям родственников, опекал племянников, с благоговением и искренним восхищением относился к счастливым семейным союзам.

Однако в творчестве и Гончарова, и Тургенева семейная тема не носила определенного, ярко выраженного характера, вероятно, оттого, что оба писателя не состояли в браке, поэтому не могли пережить и лично осознать самоценность семьи, как это, к примеру, пришлось испытать Л.Н.Толстому и М.Е.Салтыкову-Щедрину.

---

¹ Гончаров И.А. Собр. соч. В 8 т. М., 1977-1980. Т.I. С. 20.

Глава III. ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ТВОРЧЕСТВО Л.Н. ТОЛСТОГО И М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

3.1. Путь писателей к семейным романам

Дом и семья, по мнению Л.Н. Толстого, являются защитным валом для общества. Писатель видел всему начало в семье, а в ее укреплении он усматривал крепость государства, сохранение его национальных традиций, залог надежности и долговечности. Насколько серьезно относился Толстой к проблеме семьи и семейных отношений можно судить по тому, что тема «дома» была в центре внимания писателя с самого начала его творчества. Иначе, как можно объяснить появление на свет первого произведения «Детство», написанного в период добровольного участия Толстого в Крымской кампании 1853 года, когда он, молодой неженатый офицер, побывавший в сражениях, вдруг рассказывает о самом сакральном: периоде своего становления в жизни, детских впечатлениях ребенка Николенки Иртеньева. Трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», повесть «Семейное счастье», пьеса «Зараженное семейство», а также сцены из домашней жизни романа-эпопеи «Война и мир» явились своеобразной подготовкой к созданию семейного романа «Анна Каренина».

Тема семьи глубоко волновала и М.Е. Салтыкова-Щедрина, известного в литературе как писателя-сатирика. В период 70-х годов Салтыков-Щедрин отходит в своем творчестве от сатирической направленности и создает произведение, которое имеет психологическую окраску. В центре романа «Господа Головлевы» изображена дворянская семья Головлевых, она представлена как некий обобщенный образ, воплотивший в себя противоречия предреформенной и пореформенной России.

Оба писателя проявили огромный интерес к семье, чтобы глубже осознать общественный кризис, происходящий в госу-

дарстве, потому что, по мнению их обеих семья – это основа государства.

В романах «Анна Каренина» и «Господа Головлёвы» Толстой и Салтыков-Щедрин открыто выступили против разрушения института семьи, попрания святости брака и нравственности в женщине, жене, матери, являющейся духовным центром семьи, считая, что это может привести к утрате национального, традиционного уклада, духовности и нравственности. Их творчество явилось эстетическим откликом на новую историческую действительность, напряженность которой сказалась на строе произведений, реализовалась в структуре «Анны Карениной» и «Господ Головлёвых», в сюжете, композиции, в повествовании, диалоге, художественном пафосе этих романов.

В литературных кругах к этому времени известные писатели высоко оценили творческие возможности Толстого и Салтыкова-Щедрина. Их имена впервые были поставлены Тургеневым в один ряд в 1869 году. В «Вестнике Европы» № 4 за 1869 год в статье «Воспоминания о Белинском» он писал: «...как бы порадовался он [Белинский] поэтическому дару Толстого, силе Островского, юмору Писемского, сатире Салтыкова, трезвой правде Решетникова»¹. Такая оценка Тургенева подтверждала художественную значимость обоих писателей, как бы уравнивая их таланты в литературном процессе.

И действительно, у крупных представителей своего времени, русских писателей Толстого и Салтыкова-Щедрина, было много общего, что объединяло их длительное время. Это «общее» определялось в первую очередь тем, что оба они, будучи современниками и почти ровесниками, в полном объёме вместили в себя свою эпоху с её преобразованиями, а общественная русская жизнь прошла через их души и сердца. И в этом можно легко убедиться, проследив за развитием жизни и творчеством писателей.

Толстой, осиротев в раннем детстве, самостоятельно постигал жизненную науку, как он сам говорил, «ошибаясь и пу-

---

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1983. Т.11. С.51.

таясь», «начиная и бросая», не оставаясь при этом равнодушным человеком¹.

Салтыков-Щедрин воспитывался под постоянным надзором сначала дома, а потом длительное время в государственных учебных заведениях, и, вероятно, эта оторванность от дома содействовала увлеченности идейными исканиями людей 40-х годов: он изучает социалистические идеи в кружке Петрашевского. Толстой также стремится самостоятельно постичь жизненные ценности, найти общий язык с яснополянскими крестьянами, занимается преобразованием хозяйства.

Житейские основания судеб обоих особенно ярко проявились и закрепились в самом характере важнейшего этапа жизни – периоде самоутверждения и самоопределения: Кавказ и Севастополь у Толстого, куда он едет добровольно, и Вятская ссылка на восемь лет у Салтыкова-Щедрина.

Жизнь давала возможность накопить опыт и определить свою позицию: одному – как офицеру Севастопольской кампании, другому – как чиновнику особых поручений в одной из отдалённых губерний.

Небывалый для начинающих литераторов успех принесли в 50-е годы Толстому его «Детство», «Отрочество», «Севастопольские рассказы», а Салтыкову-Щедрину – «Губернские очерки», с восторгом встреченные русской читающей публикой и литературной критикой.

Н.Г. Чернышевский ценил книги Салтыкова-Щедрина за непререкаемую правду, типичность характеров и изображаемых явлений. Он писал: «Губернскими очерками» гордится, и долго будет гордиться наша литература. В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя»².

Отдавал предпочтение первым опытам начинающего писателя-сатирика Н.А.Добролюбов, считая его творчество «направлением живым и действенным», не разбавленным либеральными

---

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. М.,1982. Т.18. С.489; Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 8.т. М., 1948. Т. IV. С.302.

иллюзиями предреформенных лет, «...до боли сердечной прочувствованным <...> к бедному человечеству ...»¹.

Искренне восхищаясь творчеством сатирика, Т.Г.Шевченко сравнивает его с Гоголем. «Как хороши «Губернские очерки», я благоговею перед Салтыковым, – писал он. – О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя гениальных учеников своих...»².

Признан был современниками и Толстой. После публикации в журнале «Современник» «Детства» Толстого Некрасов сообщал начинающему писателю: «...могу сказать точно, что у автора есть талант»³.

Чернышевский тоже отмечал новоявленного писателя, указывая на две наиболее существенные черты толстовского таланта: «Молодому писателю, – отмечал он, – свойственно глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства»⁴. Чернышевский определил психический процесс, изображенный Толстым в образах героев, как «диалектику души»⁵. Этот термин навсегда закрепился за Толстым – художником, сумевшим создавать человеческие образы в их духовном развитии.

Толстой и Салтыков-Щедрин особое значение в творчестве придавали своим детским годам, повлиявшим на дальнейший их жизненный путь. Детские впечатления легко прослеживаются в произведениях «Детство», «Отрочество», «Юность» раннего Толстого и романе-хронике «Пошехонская старина», к которому Салтыков-Щедрин обращается на склоне лет. В основу этих художественных произведений были положены автобиографические сведения – в первом случае жизнь Николая Иртеньева, во втором – дни пошехонского дворянина Никанора Затрапезного.

---

¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 244.

² Шевченко Т.Г. Собр. соч. В 5 т. М., 1965. Т. 5. С. 114.

³ Некрасов Н.А. Собр. соч. В 8 т. М., 1967. Т. 8. С. 110.

⁴ Чернышевский Н.Г. Собр. соч. В 8 т. М., 1948. С. 428.

⁵ Там же. С. 430.

В родном доме Салтыков рос в атмосфере лицемерия, ненависти и фискальства, родители его находились в постоянной вражде. Ему надолго запомнились безропотность образованного, слабохарактерного отца и крутая властность практичной и расчётливой матери, ее бесконечные угрозы и наказания детей.

Н.А. Белоголовый, врач, критик, человек, близко знавший семью Салтыковых, характеризовал её как «безнравственную и дикую», где отношения между её членами «отличались какой-то звериной жестокостью, чуждой всяких тёплых родственных сторон»¹.

Салтыков, отданный матерью десятилетним мальчиком для дальнейшего образования в московский Дворянский институт, где его содержали за счет государственной казны, через год продолжил учёбу в Императорском Царскосельском лицее, куда его перевели как лучшего ученика.

Своеобразные условия учёбы в Царскосельском лицее, где рядом уживались как жестокие наказания с карцером, так и влияние былых пушкинских традиций на неофициальный ход лицейской жизни, оставили глубокий след в душе писателя.

На формирование взглядов Салтыкова не могли не подействовать отношения и обстоятельства, бытовавшие в родительском доме, где слова расходились с делом и вовсе не соответствовали написанным правилам жизни в Евангелии.

Михаил Евграфович рано отошел от семьи, но родительский дом для него долго оставался самым главным обиталищем на земле, да и материальные отношения ещё долго удерживали, подчиняя его своим внутренним семейным законам.

Мать, Ольга Михайловна, длительное время помогала деньгами сыну, но не раз укоряла его за эту помощь.

Вопреки планам правительства, предполагавшим подготовку в Царскосельском лицее преданных чиновников, Салтыков не становится им, а, напротив, начинает считать существующую управленческую структуру власти лицемерной формой оправдания паразитирования одного класса за счёт другого.

---

¹Белоголовый Н.А. Из воспоминаний о М.Е. Салтыкове // Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.,1957. С. 608.

Салтыков и Толстой в период своей молодости, как и многие их ровесники, приняли активное участие в идейной жизни тех, кого принято называть «людьми сороковых годов».

Еще в лицейские годы Салтыков близко сошелся с М.В. Петрашевским и по окончании лицея длительное время посещал его кружок. В кружке изучались труды социалистов-утопистов, обсуждались вопросы, связанные с упразднением самодержавия в России, установлением демократических свобод для народа, что импонировало убеждениям молодого сатирика, было созвучным его внутреннему состоянию.

Однако Петрашевский остался для Салтыкова-Щедрина только дорогим и незабвенным учителем, а литературные интересы привели его еще в один кружок – В.А. Милютин и Вал. Майкова, известных своими прогрессивными взглядами на литературу¹.

По свидетельству А.Я. Панаевой, в лицейские годы Салтыков бывал у М.А. Языкова, где слушал горячие речи В.Г. Белинского². Именно 40-е годы способствовали развитию «творческого дарования Салтыкова-Щедрина», стали «той благодатной почвой, которая горячо и плодотворно восприняла действенные идеалы 40-х годов»³, что, несомненно, сказалось на дальнейшем творчестве писателя-сатирика.

Первые произведения Салтыкова – «Противоречия» и «Запутанное дело» – правительственные круги расценили как призыв к свержению самодержавия и потребовали для начинающего литератора самого сурового наказания. Идеалы литературных героев Салтыкова-Щедрина уже с того времени сводились к отрицанию образа жизни, укрепившегося в современном ему обществе.

Его современник Толстой, лишившись родителей в раннем возрасте, не зависел от семьи, рано привык принимать самостоятельные решения, часто необдуманные и очень рискованные, о чём говорят нежелание его учиться в университете, увлечение картами,

---

¹ Прокопенко З.Т. М.Е. Салтыков-Щедрин и И.А. Гончаров в литературном процессе XIX века. Воронеж, 1989. С.13.

² Там же. С.14.

³ Там же.

которое чуть было не привело его к разорению, и, наконец, добровольное участие в Крымской кампании 1853 года. Становление нравственно-этических взглядов молодого Толстого, его умственное и душевное формирование приходится на 40-е – начало 50-х годов. В это время им сделаны первые философские наброски, начат дневник, организующим стержнем которого становится проблема личного совершенствования. Решение оставить Казанский университет, потерпевшие крах практические начинания в Ясной Поляне, неожиданная поездка в Петербург и не менее неожиданное возвращение в Ясную Поляну Б.М. Эйхенбаум объясняет возможной связью Толстого с петрашевцами в этот период жизни в Петербурге¹.

По мнению Г.Галаган, Толстой был знаком с идеями петрашевцев. В статье «Л.Толстой и петрашевцы» Галаган предполагает, что «...Толстой, будучи далеким от каких бы то ни было революционных идей, проявил интерес все-таки к общественным исканиям 40-х годов». Галаган доказывает, что в период пребывания Толстого в Петербурге зимой и весной 1849 года, кроме непосредственного общения с В.А. Милютиным и другими правоведами (через Б. Озерова), возможно его знакомство с петрашевцами. Толстой мог присутствовать на одном из вечеров петрашевцев. «Во всяком случае, – продолжает Галаган, – этим предположением можно объяснить одну из причин решения, принятого им в период между 20 апреля и 1 мая 1849 года: опасаясь возможных неприятных последствий, Толстой прекращает сдачу экзаменов в университете и через месяц покидает Петербург»².

Вероятно, зная о преследовании властями всех, кто был замечен в связи с петрашевцами, Толстой уезжает из столицы. Возможно, именно это была одна из причин добровольного отъезда Толстого на Кавказ.

---

¹ Эйхенбаум Б.М. Собр. соч. Л.Н. Толстого. В 90 т. / «Русская литература». М., 1959. № 4. С.218-220.

² Галаган Г.Я. Л.Толстой и петрашевцы // «Русская литература». М., 1965. № 4. С.143.

Критическое отношение к институту государственной власти у Толстого возникло в крымский период жизни. Это чувство оставалось в нем навсегда. Возможно, именно оно привело Толстого к выработке этических и религиозных установок, которые обусловили неприятие им церкви, служившей, по его мнению, укреплению властных структур, а также пересмотру религиозного учения, проявившемуся впоследствии в идейных исканиях Левина в «Анне Карениной» и трактатах «Исповедь» и «В чём моя вера?».

После Севастополя Толстой с особенной силой ощущал в себе желание жизни физической и духовной, у него появился обострённый вкус к жизни.

П.В. Анненков, близко знавший Толстого в 50-е годы, характеризовал его следующим образом: «... у Л.Н. Толстого был оригинальный ум, с которым нужно было осторожно обращаться. Он искал пояснения всех явлений жизни и всех вопросов совести в себе самом, не зная и не желая знать ни эстетических, ни философских их пояснений, не признавая никаких традиций, ни исторических, ни теоретических, и полагая, что они выдуманы нарочно людьми для самообольщения или обольщения других... То был сектантский ум по преимуществу, очень логический, когда касалось выводов, но покорявшийся только вдохновенному слову, оказавшемуся, неизвестно как, в глубине его души»¹.

Такая характеристика Толстого современником даёт возможность яснее осознать духовные устремления писателя в период 50-60-х годов, приведшие его к началу осмысления собственной жизни и жизни всей его семьи.

Толстой, не принявший государственной системы управления так же, как и Салтыков-Щедрин, пытается осознать действительность через семью как исторически сложившуюся общность.

Оба писателя появились в московских общественных кругах в середине 50-х годов, где состоялось их личное знакомство.

Салтыков к этому времени был женатым и влюблённым в свою жену Е.А. Болтину. Он был словно окрылён большими планами и надеждами на будущее. И жизнь складывалась для него в

---

¹ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 390.

этот период самым лучшим образом: получение высокой должности государственного служащего в министерстве внутренних дел в 1855 году, выход в свет первого отдельного издания «Губернских очерков» в двух томах в 1857 году, получение места вице-губернатора в Рязани в 1858, а затем в Твери в 1860. Единственное, что омрачало бытие писателя, было неудовольствие матери Ольги Михайловны Салтыковой его женитьбой на бесприданнице, чему писатель поначалу не придавал особого значения, но, как покажет время, семья Салтыковых будет решительно вмешиваться в личную жизнь Михаила Евграфовича из-за этой причины, которая переросла в трудноразрешимую проблему родственных семейных отношений и пройдет потом через его творчество.

Толстой, как известно, тоже мечтал жениться на девушке, не имеющей за собой большого состояния, но получившей прекрасное воспитание в дворянской семье. Женой писателя становится Софья Андреевна Берс, девушка из дворянского круга, воспитанная в семье царского врача¹.

Семьями оба писатели обзавелись уже в зрелом возрасте: Михаилу Евграфовичу был 31 год, а Льву Николаевичу – 34, оба женились на молоденьких девушках, но жизнь распорядилась так, что Софье Андреевне и Елизавете Аполлоновне пришлось свою семейную жизнь, свои домашние неурядицы представить всему читающему миру.

«В пореформенную эпоху, – считает Е.А. Маймин, – семейный разлад был приметой времени, а одна из первых трещин, по логике вещей, всегда проходит через семью»². Это закономерное явление испытали на себе обе женщины – жёны гениальных мужей.

---

¹ Об этом можно более подробно узнать у Апостолова Н.Н. «Жизнь гениев. Живой Толстой». Л., 1995. С.112-192; Шкловского В.Б. Лев Толстой. М., 1967. С.250-260; Родионова. Н. Москва в жизни и творчестве Л.Н. Толстого. М., 1948. С.54-101; Гусева Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855-1869 год. М., 1957. С.268-297; Бирюкова П.И. Биография. Л.Н. Толстой. В 2-х кн. М., 2000. 1 кн. С.327-360; Кузминской Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. Тула., 1960. С.19-95 и др.

² Маймин Е.А. Лев Толстой. М., 1978. С.109.

3.2. Исповедальный характер романов «Анна Каренина» и «Господа Головлевы»

Одновременное обращение Толстого и Салтыкова-Щедрина к семейной теме стало в период 70-х годов объединяющим началом для обоих писателей.

В поле их зрения находилась пореформенная характеристика эпохи, сущность которой чётко сформулирована Толстым в словах Левина: «...у нас всё переверотилось и только укладывается» (8, 363).

Салтыков-Щедрин, в свою очередь, об этом скажет: «<...> Жизнь положительно сошла со своей наезженной колеи, <...> она не успела ещё наездить себе колеи новой <...>» (4, 28).

Остро ощущая общественные перемены и художественно их преломляя через себя, оба писателя на общем фоне происходящих преобразований переживают свой внутренний кризис¹, который привел каждого из них к изменению мировоззренческих позиций².

Именно в этот период Щедрина захватывают значительные семейные события, сказавшиеся на его дальнейшей судьбе и определившие дальнейший ход всего его творчества³.

Началом внутреннего кризиса Салтыкова-Щедрина стала смерть матери⁴. С этого момента в его душе происходит перелом, который долго зрел и завершился лишь к концу 70-х годов⁵. Этот болезненный переход был связан с разрывом личных отношений писателя со своими братьями. Причиной тому послужило неприятие образа жизни, какой вели члены семьи Салтыковых, а поводом стали имущественные отношения: Михаил Евграфович занимал у матери деньги на покупку имения Витнёво на оп-

---

¹ Такой кризис в современной синергетике называется *системным фазовым переходом*. См. сноску на с. 44, 46.

² Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика саморегулирующих систем. Ростов-на-Дону; Белгород, 1999.

³ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин М.Е. Последние годы жизни. 1875-1889: Биография. М., 1989. С.372.

⁴ Ольга Михайловна Салтыкова умерла 3 декабря 1874 года.

⁵ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Середина пути 1860-1870 годы. М. С.390.

ределённый срок, но, не справившись с семейными нуждами, задержал выплату долга – это вызвало раздражение матери¹.

Как известно, Ольга Михайловна занесла сына в разряд «постылых» с того момента, когда он пренебрег её требованием отказать от женитьбы на бесприданнице Е.А. Болтиной, а именно с 1856 года. Недовольная женитьбой сына, мать обделила его «по отдельному акту» в пользу других сыновей, видя в его лице лишь неисправимого должника (18, 2 кн., 225-229).

В переписке Салтыковых тех лет мы находим невысказанную боль писателя и презрительное отношение к нему со стороны матери: «Всего более я прошу Вас о сложении запрещения<...>, – просил он мать. – Мои письма служат доказательством, что я вполне признаю свой долг в той цифре, которая находится в Вашей последней расписке от 12 февраля...» (9 марта 1873 г.) (18, 2 кн., 226).

Далее шла его мольба о помощи: «Повторяю здесь то, что писал в прежних письмах: Вы решительно ничего не теряете со сложением запрещения...» (7 февраля 1873 г.) (18, 2 кн., 227); «Будьте так добры, дайте ход делу о снятии запрещения» (28 июня 1873 г.) (18, 2 кн., 227); «вспомните, что я с 63-го года ничего не получаю и содержу себя и семейство единственно тем, что сам вырабатываю... Прошу Вас уведомить, в каком положении дело о сложении с имени запрещения?» (20 октября) (18, 2 кн., 228).

Эти письма говорят об отсутствии тёплых отношений между Ольгой Михайловной и Михаилом Евграфовичем: мать, несмотря на трудности в семье сына, появившиеся с рождением внука, а потом и внучки, требовала возвращения долга, наказав должника наложением запрещения на его наследственное имущество. Главным же предметом спора в семье Салтыковых стало село Заозерье. После смерти младшего брата Сергея Евграфовича вопрос о разделе начался из-за заозерского наследства и принял между Салтыковым и сонаследниками враждебный характер. Столкновения эти из-за неразделённого наследства в 1872-1874 годах стали иметь образ

---

¹ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Середина пути 1860-1870 годы. М. С.498.

запутанной судебной тяжбы. Письма 1872-1873 годов к матери О.М. Салтыковой и брату И.Е. Салтыкову, а также юристу Якушкину с достаточной определённой показывают, что в этих отношениях самую неблагоприятную роль играл старший брат Михаила Евграфовича Дмитрий Евграфович, который настраивал всех родных против него (18, 2 кн., 156).

В письмах к матери Щедрин называет брата «злым демоном», человеком, который «руководствуется только одной склонностью к кляузам», делающим систематически «мелкие пакости» (18, 2 кн., 143-144). Эпитеты и выражения, употребляемые Салтыковым-Щедриным при характеристике Дмитрия, порой близки, почти тождественны тем, которые встречаются в описании образа Иудушки Головлева в романе «Господа Головлёвы». Существующее письмо Щедрина к матери подтверждает это: «Он может быть уверен, что я припомню ему это» (18, 2 кн., 163). Обещание своё Щедрин выполнил: в образ Иудушки основными чертами вошел Дмитрий Евграфович Салтыков.

Длительное время, находясь в немилости у матери, Михаил Евграфович ощутил, что только к концу её жизни отношение к нему и его жене смягчилось, однако испытать в полном объёме материнскую любовь писателю не довелось¹.

Михаил Евграфович знал также, что Ольга Михайловна поняла внутреннюю сущность бывшего «любимчика» Дмитрия Евграфовича, и её отношения с ним изменились, о чем свидетельствуют её письма, написанные в начале 70-х годов. «Любезные мои дети, Миша и Лиза! – Пишет Ольга Михайловна. – Благодарю тебя, что ты навел меня в четверг.<...> Теперь я еду домой, чтобы поговорить <...>, Митрия же я не видела и не располагаю видеться с ним<...>. По всем его действиям он мне противен <...>. Как до меня доходят слухи, так я его считаю самым дурным человеком»². Это было последнее письмо матери к сыну – 3 декабря 1874 года Ольга Михайловна Салтыкова скончалась.

---

¹ Макашин. С.А. Салтыков-Щедрин. Биография. Последние годы жизни. С. 481.

² Там же. С.493.

Михаил Евграфович, отмечая обиды, причинённые ему семьей, тяжело переживал кончину матери. Страдая от несправедливости и оттого, что так и не наступило взаимопонимание между ним и матерью, ощущая огромную утрату, свою оторванность от семейных корней, безысходность по поводу того, что ничего уже нельзя исправить, он сам подвергается жизненным испытаниям. После похорон матери, на которые Михаил Евграфович приехал и опоздал, он тяжело заболел. Болезнь приобрела затяжной характер, а затем хронический. По настоянию врачей писатель отправляется на лечение за границу, где с великим трудом, благодаря усилиям доктора Белоголового, поправился, но до конца так и не излечился.

На заграничный период, где писатель пробыл чуть больше года, приходится основная часть написанного им романа «Господа Головлёвы», который стал для Салтыкова-Щедрина местом покаяния перед обществом за свои не сложившиеся отношения с родными по крови людьми, за принадлежность к роду крепостников, за всё, содеянное его семьёй.

Кажется, что страдания Салтыкову приходят свыше как отмщение за жизнь предков, построенную на лжи и ненависти. В биографии Салтыковых были выявлены факты неподлинности их фамилии. Род Салтыковых носил фамилию Сатыковых, а предок Михаила Евграфовича вставил «л» в свою фамилию, так как Салтыковы были родовитее и богаче Сатыковых, и эта фальсификация приносила большие доходы и привилегии, полагающиеся только родовитым, какими и считались Салтыковы.

Семья Салтыковых обращалась за помощью к властям с просьбой наказать самозванца, однако даже после обнародования подделки Сатыковы не отказались от желания носить чужую фамилию¹.

Михаил Евграфович знал об этом, о чем можно догадываться по тому, как он быстро и с удовольствием принимает фамилию праведного мужика-старовера Николая Щедрина, с которым

---

¹ Макашин С.А. М.Е. Салтыков-Щедрин. Начало пути. Т.1. С.5-6.

знакомится в период ссылки в Вятской губернии, и в дальнейшем подписывает именно этой фамилией все свои творческие сочинения¹.

Связанный по происхождению с дворянской семьёй, наблюдавший в течение всего своего детства нравы крепостнической усадьбы, видевший в лицо своих ближайших родственников – типичных представителей помещико-дворянской среды – Салтыков-Щедрин решает порвать со своим классом. Желание «очиститься», освободиться от того морального гнета, который чувствовал писатель лично и характерного для большинства дворянских семей, отображается в очерках о господах Головлевых и присутствует в романе².

В изображении жизни «дворянского гнезда» господ Головлевых писатель показывает «ненормальность» современной ему семьи и подводит читателя к мысли о «неправильном» устройстве всего общества.

Собственно, обращение к дворянской теме впервые осуществилось у него ещё в 1857 году, о чём свидетельствует его письмо к С.Т.Аксакову от 20 ноября, где он впервые причисляет дворянство к числу «ветхих людей», предсказывая его ближайшую кончину (3, 391). И далее, на протяжении всего своего творчества, сатирик последовательно проводит мысль о неизбежной гибели дворянства.

Михаил Евграфович мучительно вынашивал обличительный приговор своему классу и семье, наконец, решил заявить о своём отречении от семьи Салтыковых, осудить деяния матери и всех членов их рода, а в их лице всех крепостников России.

В семье господ Головлевых Щедрин изобразил почти всю семью Салтыковых. Здесь нашли место брат – Дмитрий Евграфович, мать – Ольга Михайловна, отец – Евграф Васильевич, брат – Николай, страдавший алкоголизмом, «приехавший в Спасское на дожить», сестра Любовь Евграфовна, бывшая замужем за поме-

---

¹ Макашин С.А. М.Е. Салтыков-Щедрин. Начало пути. Т.1. С.152.

² Стремление «освободиться» присутствует и у Ф.М. Достоевского – за отца, убитого доведенными до крайности крестьянами, у И.С. Тургенева, в детстве испытавшего на себе нравы крепостницы матери и др.

щиком Н.А. Зиловым, умершая в молодом еще возрасте¹. После ее смерти остались пятеро детей сиротами, в большой нужде; младшую из них, Ольгу Зилу, по распоряжению бабушки дядя Николай доставил в Московский сиротский дом². Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Поведение родных по крови людей противоречило убеждению Михаила Евграфовича, считавшего Дом основой всех основ, центром жизнедеятельности человека, «последним убежищем, в которое он обязательно возвращается...» (14, 340).

Писателя также удручали взаимоотношения не только между родными по крови людьми, но и супружеские отношения. «Семья ему душу рвала», – эти слова из «Приключения с Крамольниковым» применимы и к самому писателю, хотя «у этого медведя с душою ребенка», как заметил Н.К. Михайловский, были все качества в высшей степени заботливого семьянина. Но ведь Крамольников – не Салтыков, а это обращение к герою не что иное, как обобщённое изображение русского просветителя-демократа, личная жизнь которого складывалась далеко не безоблачно³.

Неблагополучные отношения с женой Елизаветой Аполлоновной, которую он называл «куколкой» за её пристрастие к модным нарядам, желание выглядеть особой, приближённой к высшим дворянским кругам, угнетали его и разрушали здоровье. Тяжело переносит Салтыков свою отстранённость от воспитания сына Константина, поскольку жена по-своему представляла этот сложный процесс и не допускала его к сыну. Несогласованность в действиях супругов отрицательно сказалась на формировании личности ребёнка. Щедрин потом всю жизнь страдал от бессовестных и наглых выходок своего сына⁴.

От всех семейных неурядиц, особенно обострившихся в период 70-х годов, писатель находил успокоение в творчестве.

---

¹ Салтыков-Щедрин. 1826-1976. С.340-341.

² Ольгу Зилу в 1856 году по распоряжению Ольги Михайловны Салтыковой отправили в сиротский дом.

³ Макашин С.И. Предисловие // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С.15.

⁴ Оболенский В.А. Салтыков-Щедрин в своей семье. Там же. С.639.

«Господа Головлёвы» впитали в себя не только сложность семейных отношений Салтыкова с матерью и братом, но и супружеский разлад, боль за будущее детей, за будущее страны.

Русская монархия XIX века была преимущественно дворянской монархией, и русские самодержцы, вплоть до Николая II, видели в дворянстве опору престола. Вопрос о том, что же представляет собой эта опора престола, каков её умственный и нравственный уровень, её общественная значимость, для Салтыкова-Щедрина имел большое значение. Сатирик, оценивая драматическую ситуацию в дворянской среде, предсказывает в ближайшем будущем гибель всему привилегированному классу, так называемой опоре престола.

В.Е. Евгеньев-Максимов, оценивая роман «Господа Головлёвы», писал о Щедрина: «Как сатирик и бытописатель нигде свои знания не проявлял он с большим блеском, чем в «Господах Головлёвых»¹. Знания дворянского быта помогли Салтыкову-Щедрина показать всей читающей публике гнилость и несостоятельность дальнейшего существования дворянского семейства.

Роман «Господа Головлёвы» становится для Салтыкова-Щедрина трибуной покаяния перед обществом за принадлежность к семье угнетателей, носит исповедальный характер и определяет собой начало нового психологического направления в творчестве писателя².

Не исключено, что толчком к обращению к семейной теме Салтыкова-Щедрина и Толстого послужило и разложение семейных отношений в царской семье. Как известно, при дворе всегда царил разврат и фаворитизм, но Александр II это состояние фактически узаконил своим личным примером. Разложение царской семьи и близких ко двору семей не могло остаться вне поля зрения общества. И несмотря на то, что дворцовые семейные события получили свою развязку только в начале восьмидесятых годов, Достоевский по этому поводу писал в «Дневнике писателя» уже в 1877 году: «У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся, и

---

¹ Евгеньев-Максимов. Е.И. Вступление // Н.Щедрин. М.Е. Салтыков. Л., 1939. С.5.

² Жук А.А. Русская проза I пол. XIX века. М., 1981. С. 134.

семейство, стало быть, разлагающееся»¹. С точки зрения Достоевского, на распад семейных отношений в стране оказывала влияние реформа, способная действовать разрушительно даже при царском дворе, повлиявшая на образование «случайных семейств» во всём русском обществе.

Под «случайностью» семьи Достоевский понимал «отсутствие родственных связей, обезображенные внутрисемейные отношения, разобщённость и оторванность людей друг от друга», которые он изобразил в «Подростке» и «Братьях Карамазовых».

Эти же «обезображенные отношения» стали центром внимания семейных романов у Салтыкова-Щедрина и Толстого.

Толстой в отличие от Салтыкова-Щедрина, стремящегося отмежеваться от своих родственных связей, был близок со своими братьями и сёстрами, легко сходилась с родственниками любого ранга, собирал и привечал близких по крови людей в Ясной Поляне, переписывался и поддерживал тех, с кем был связан семейными отношениями. Об этом существуют многочисленные сведения, запечатленные в воспоминаниях родных и близких ему людей, в дневниках С.А.Толстой, воспоминаниях Т.А. Кузминской, Т.Л. Сухотиной-Толстой; в исследованиях биографов П.И. Бирюкова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера, Н.Н. Апостолова; в книге «Л.Н.Толстой и его близкие» и других источниках².

Толстой, выросший без родителей, был привязан к своим родственникам, ценил отношения с ними и их боль и беду принимал как свою.

Смерть братьев – горячо любимого старшего Николая, скончавшегося от туберкулеза в 37-летнем возрасте, так и не успевшего обзавестись семьёй; и Дмитрия, который жил то подвижнической строгой, то беспорядочной жизнью, опекаемого женщиной,

---

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1989. С. 450.

² Дневники С.А. Толстой 1860-1891 г. М., 1928; а также кн.: Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. Тула, 1978; Сухотина-Толстая Т.Л. (Дневники 1878-1932). М., 1987; Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого. В 2 т. М., 1994; Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855-1869 год. М., 1957; Гольденвейзер. А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959; Апостолов Н.Н. Жизнь гениев. Живой Толстой. СПб., 1995; Л.Н. Толстой и его близкие. М., 1986.

взятой им некогда из публичного дома, умершего тоже от туберкулёза в 29-летнем возрасте – сильно потрясли Толстого.

Неустроенность в семье ещё одного брата, красавца-аристократа Сергея Николаевича, выкупившего из тульского хора цыганку Машу, но живущего не по-христиански (брат венчался с ней, когда его старшему сыну, Григорию, было уже 15 лет); развод с мужем единственной сестры, Марии Николаевны, имеющей троих детей, влюбленной в Тургенева, её тайная связь за границей со шведом Гектором де Кленом, закончившаяся рождением дочери Елены, воспитывавшейся втайне – всё это тяжким бременем ложилось на душу Льва Николаевича и находило воплощение в начатом романе.

В письмах Льва Николаевича и Марии Николаевны того времени, когда она жила за границей, отмечено ее непосредственное отношение к роману «Анна Каренина».

Все происходило одновременно: Мария Николаевна переживала свою беду, а Толстой писал роман. Еще не зная, чем закончится его произведение, которое она читала в «Русском вестнике», Мария Николаевна написала брату 16/28 марта 1876 года: «Я не могу, и другого выхода, как смерть кого-нибудь из нас, я не вижу»¹. Она говорила о себе или дочери, потому что де Клен умер в 1873 году². Мария Николаевна в письме признавалась брату: «Мысль о самоубийстве начала меня преследовать, да, положительно преследовать так неотступно, что это сделалось вроде болезни или помешательства... Боже, если бы знали все Анны Каренины, что их ожидает, как бы они бежали от минутных наслаждений, которые никогда и не бывают наслаждениями, потому что все то, что незаконно, никогда не может быть счастьем» (16/28 марта 1876 года). Мария Николаевна подчеркнула слова «что незаконно», считая, что даже интимные отношения должны иметь общественное позволение, признание, только тогда воз-

---

¹ Переписка Л.Н. Толстого с братьями и сестрой. М., 1990. С.352-353.

² Опульская Л.Д. Вступительная статья // Переписка с братьями и сестрой. С.12.

можно счастье¹. Конечно же, такое признание сестры не могло не волновать писателя.

Тревожное состояние усугубляется ещё и печальными трагическими событиями, происходящими непосредственно в его семье в 70-е годы, о которых Т.Л. Сухотина-Толстая в «Воспоминаниях» пишет: «... Начиная с осени этого года [1870] и в продолжение следующего, смерть начала посещать нас раз за разом². В этот период скончались тётушки Ергольская и Юшкова, умерли младенцы Петя и Варя, дочь Кузминских Даша. Все эти события окончательно повергли в унынье Толстого, он начал задумываться о смерти и даже указал место, где желал быть похороненным³.

В жизни Толстого начался кризис, точкой отсчета в этом процессе явилось событие, называемое литературоведами и биографами «арзамасским ужасом»⁴.

После 40 лет (1868) Толстой достиг всего того, чего может достичь человек. Он имел богатство, литературную славу, прекрасную жену, большое потомство, казалось бы, писатель поднялся на вершину своей жизни, но на деле наступил момент жестокого душевного разлада, когда он был на волоске от самоубийства.

Разлад в жизни Толстого начался с определенного события.

В августе 1869 года Толстой поехал в Пензенскую губернию, чтобы приобрести по выгодной цене имение, по дороге он заночевал в гостинице города Арзамаса, где он испытал ужасное состояние. В письме к жене он спрашивает: «Что с тобой? С детьми? Не случилось ли чего? Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня <...> я ночевал в гостинице города Арзамаса, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 ч. ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело, но вдруг на меня напала тоска, страх и ужас такие, каких я никогда не испытывал <...> и никому не дай Бог испытать. Вчера это чувство возврати-

---

¹ М.Н. Толстая в 1888 г. ушла в Шамардинский монастырь. См. «Прометей»-12. С.279-287.

² Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.,1981. С157.

³ Об этом подробно в кн. Гусева Н.Н. Лев Толстой. Материалы к биографии с 1870-1881. С.62; С191-216.

⁴ Концевич И.М. Истоки душевной трагедии Л.Н. Толстого. М., 1995. С.23.

лось во время езды, но я был подготовлен и не поддался ему, тем более, что оно было слабее. Нынче чувствую себя здоровым, весёлым, насколько могу быть без семьи»(17, 683).

Более обстоятельно об этом состоянии ужаса писатель расскажет спустя 15 лет в «Записках сумасшедшего», когда взгляды его приобретут устойчивый характер. Мастерство гения даёт нам возможность образно и ярко представить тот тяжёлый, напряжённый момент, психическое состояние, с которого начался внутренний переворот писателя: «Заснуть, я чувствовал, не было никакой возможности. Зачем я сюда приехал? От *чего*, куда я убегаю? Я убегаю от *чего-то* страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то мучителен себе. Я – вот он, я весь тут. Ни пензенское и никакое имение ни прибавит, ни убавит меня. Я надоел себе. Я несносен, мучителен себе. Я хочу заснуть, забыться – не могу. Не могу уйти от себя <...>. Я вышел в коридор, думая уйти от *того*, что мучило меня. Но *оно* вышло за мной и омрачило всё. Мне так же и ещё больше страшно было.

«Да что это за глупость, – сказал я себе, – чего я боюсь?» «Меня, – неслышно отвечал голос смерти, – я тут». Мороз продрал меня по коже. Да, смерти. Она придёт действительно, смерть. Я не мог бы испытать того, что я испытал. Тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, я видел, чувствовал, что смерть наступает, а вместе с тем чувствовал я, что её не должно быть. Всё сущее моё чувствовало потребность права на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздирание было ужасное...» (12, 49)¹.

Смерть действительно была в Толстом: рушились прежние взгляды, устои. После приступов страха перед физическим умиранием писатель начинает впадать в состояние депрессии. «На меня стали находить минуты отчаяния, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, как только думать, думать о том ужасном положении, в котором я находился», – так писал он в первой редакции «Исповеди» об этом жизненном периоде. «...Человек переживает 3 фазиса, и я переживаю из них

---

¹ Толстой Л.Н. повесть «Записки сумасшедшего» не завершил.

3-й», – писал в дневнике писатель. – Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни, <...>. Эта основа есть служение Богу, исполнение Его Воли по отношению к той Его сущности, которая есть во мне»¹.

Толстой начинает пересматривать смысл человеческой жизни, отказывается от своих прежних взглядов, от своей принадлежности к дворянскому классу, пересматривает творчество, стремится к постижению какой-то высшей правды.

Литературовед К.Н. Ломунов в статье «Духовные искания Л.Н.Толстого» пишет: « ... до «Исповеди» жил и творил жизнелюбивый художник Лев Толстой, в «Исповеди» он осудил нерелигиозное искусство и предстал другим Львом Толстым – религиозным мыслителем и проповедником»².

Софья Андреевна это состояние мужа, происходящие в нем изменения ощутила по-своему: «Что-то пробежало между нами, – писала она в дневнике, – какая-то тень, которая разъединила нас. С прошлой зимы, когда Лёвочка и я, мы были так больны, что-то переменилось в моей жизни. Я знаю, что во мне переломилась та твёрдая вера в счастье, которая была»³.

«Что-то пробежало» Софья Андреевна отождествляет с «болезнью», разрушившей её счастье. Действительно, наметившийся в этот период разлад во взаимоотношениях с женой впоследствии приведёт к полнейшему непониманию между супругами и окончательному разрыву.

Члены семьи тоже понимали болезненное состояние Толстого в этот период, что подтверждают воспоминания сына Льва Львовича: «Мне было около 6-7 лет во время страшного кризиса отчаяния и ужаса перед лицом жизни, лишённого разумного смысла, который переживал отец. Это было между 1876-1880 годами. Я отлично помню это время. На балку между гардеробом и спальней, на которой он хотел повеситься, мы смотрели с ужа-

---

¹ Толстой Л.Н. Т.50. С.170-171.

² Ломунов К.Н. Духовные искания Л.Н. Толстого (из истории изучения оценки) // Толстой о Толстом. М., 1998. С.137.

³ Дневники С.А Толстой. В 2 т. М., 1978. Т.1. С.84.

сом, так как мы всегда были в курсе того, что происходило в семье. В течение этого периода мой отец неожиданно погрузился в верования Православной церкви»¹.

Но обращение к религии было нелёгким и непростым событием для Толстого. 27 февраля 1874 года Лев Николаевич делает наброски о своём понимании веры: «Есть язык философии, я им не буду говорить. Я буду говорить языком простым <...>. Я ищу, <...> хочется проникнуть в тайну того, что значит та жизнь, которую я прожил, и ещё большую тайну того, что ожидает меня в том месте, к которому я стремлюсь»².

Содержание романа «Анна Каренина», размышления Левина о религии и смысле жизни помогают глубже понять формирование иных мировоззренческих представлений у писателя. Левин – alter ego Толстого, получивший свою фамилию от собственного имени писателя.

Не случайно же философ и литератор В.В.Розанов назвал роман «Анна Каренина» прологом к учению Толстого³. Ведь в годы работы над романом Толстой не писал дневников, все искания его мысли и сердца сразу же становились достоянием произведения: «Содержание того, что я писал, было мне так же ново, как и тем, которые читают», – говорил он неоднократно (17-18, 788).

Духовный кризис привёл Толстого к изменению жизненной позиции и мировоззрения, в результате чего он отказывается от ранее написанных произведений, от материального состояния, начинает считать народ основным хранителем и носителем жизненных ценностей, переходит к опрощению, создаёт свою религию. Этот мучительный переход Толстой запечатлел в образе Левина в VIII части «Анны Карениной», которую он сумел написать только после посещения Оптиной Пустыни в 1876 году⁴.

---

¹ Цитируется по книге Концевича И.М. Истоки душевной трагедии Л.Н.Толстого. С.23.

² Толстой Л.Н. Т.48. С.347.

³ Розанов В.В. Братья Карамазовы. Критический комментарий к соч. Ф.М. Достоевского. М., 1906. С.4. С.11.

⁴ Толстой несколько раз посещал Оптину пустынь. Об этом «Прометей-12» в гл. «Оптина пустынь. Почему туда ездили великие?» С.84-91.

В 1898 году Толстой признавался Маковицкому, близкому человеку, домашнему доктору Толстых: «Два раза переставали меня интересоваться художественные сочинения. В первый раз в 1875 году, когда я писал «Анну Каренину», и второй раз в 1878, когда я снова взялся за «Декабристов», а потом начал «Исповедь»¹.

И действительно, если пристально посмотреть на творческую деятельность Толстого этого периода, то можно отметить то, что некая хаотичность в его поступках присутствует. Писатель не перестаёт «начинать и бросать сочинительство»: то увлечение историей и разработка романа об эпохе Петра, которая так и осталась незавершённой, то работа над «Азбукой», то он пишет роман из современной жизни «Анна Каренина», потом разочаровывается в нём и начинает опять заниматься просветительской деятельностью – выпускает русские и славянские книги для чтения, потом опять возвращается к «Анне Карениной», и снова возникают новые мучения по поводу того, что никак не удаётся закончить этот роман. Всё это происходило потому, что в переходный период Толстой не имел ещё устойчивых взглядов: старые распадались, а новые только начинали выкристаллизовываться.

Е.Н.Купреянова по этому поводу отмечала: «...на почве художественного самоанализа, подготовленного предшественниками Толстого (образ автора в «Евгении Онегине», форма автобиографического «журнала» в «Герое нашего времени», мемуарная форма «Былого и дум»), возникает автобиографизм основного героя романа Толстого как особый эстетический принцип познания и критического отображения действительности»².

Художественный самоанализ Толстого приводит его к изменению принципов и взглядов. В начале 80-х в «Исповеди» Толстой заявит о случившемся в нём перевороте, когда для него жизнь «круга богатых, учёных – не только опротивела<...>, но и потеряла всякий смысл»³.

---

¹ Маковицкий М.В. Яснополянские записки // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960. Т.2. С.243.

² Купреянова Е.Н. «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа. В 2 т. М.-Л, 1964, Т.2. С.270-349.

³ Толстой Л.Н. Т.23. С.7.

Отказавшись от своего дворянского сословия, к которому принадлежал по рождению, Толстой своей жизнью, своим примером пытался изменить окружающую действительность, привлечь дворянство к тем духовным ценностям, которые хранил народ, примирить дворянство и крестьянство, исправить существующую несправедливость в человеческих отношениях, создать новые, гармонирующие с природой и угодные Богу отношения между всеми людьми. Пореформенный период становится для Толстого переходным к иному мировоззрению.

Интересно, что творческая история создания «Господ Головлевых» так же неровна: сам Салтыков-Щедрин считал, что роман написан «неуклюже и кропотливо» (18, 2 кн., 315). Начатый еще за границей рассказ «Выморочный» (пятый по порядку написания и появления и шестой по порядку расположения в романе) вышел в свет в августе 1876 года. Следующий за ним – «Недозволенные семейные радости» – в декабре 1876 года, а последний – «Расчет», наиболее интересный и сложный в идейно-художественном отношении – только через три с половиной года, в мае 1880 года. Причем, публикуя главу «Семейные итоги» вместо обещанного продолжения «Культурных людей», Салтыков-Щедрин считает необходимым извиниться перед читателем за этот факт, объясняя его своей болезнью, в то же время писатель не испытывает такой потребности относительно мотивировки более чем трехлетней задержки публикации последней главы «Господ Головлевых».

Очевидно, *это* свидетельствует об определенных противоречиях у Салтыкова между воззрениями художника и публициста, обострившихся именно в период работы над романом. Одной из причин такого обострения, видимо, следует считать тот психологический переворот, который произошел в душе писателя в это время, спровоцированный жизненными неурядицами и семейной драмой.

Толстой в 80-е годы в своем творчестве от психологической направленности переходит к сатирическому тону, Салтыков-Щедрин, наоборот, в переходный период отступает от сатирического начала и делает поворот к психологическому роману.

Именно в пореформенный период начинается процесс сближения двух великих русских писателей, объединяющим началом для них становится семейная тема, к которой они обращаются одновременно, несмотря на то, что тема Дома как непререкаемой ценности у Салтыкова-Щедрина обретает иное звучание, чем у Толстого.

Салтыков-Щедрин, вопреки мнению Толстого, не видит выхода из порочного круга крепостников, но говорит о возможном пробуждении в людях дворянского круга *Совести и Покаяния*, которое осуществляется в «Господах Головлевых».

Внутренний кризис Толстого и Салтыкова-Щедрина повлек за собой желание покаяния обоих писателей, которое и осуществилось в полной мере в романах «Анна Каренина» и «Господа Головлевы».

В центре внимания обоих писателей находился социальный кризис, связанный с переходом России на новый буржуазный путь развития, повлекший за собой развал царской семьи, упадок старинных дворянских родов, обезображенность семейных отношений, атмосферу нервозности и неуверенности в завтрашнем дне. Оба подходят к осмыслению социально-психологической значимости семьи в общей жизни людей, но, используя личный опыт, решают её каждый по-своему, творчески переосмысляя и обобщая жизненные явления, имея свою эстетическую платформу, формально взаимонеприемлемую.

Романы «Анна Каренина» и «Господа Головлевы», являясь по сути автобиографическими, носят *исповедальный* характер и тяготеют по своему содержанию *к покаянию*, поскольку представляют собой своеобразный итог духовного опыта писателей, символизирующий их поворот к христианской этике.

Глава IV. ПРАВОСЛАВНЫЕ ПОНЯТИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО О СЕМЬЕ В «АННЕ КАРЕНИНОЙ»

4.1. Нравственно-философская сущность «семейности» – «бессемейности» в романе

Л.Н.Толстой в семейном романе «Анна Каренина» предстает прежде всего как человек, стоящий на православных позициях, а затем уже как величайший психолог, описывающий тончайшие движения души человека, осмысливающий те душевные порывы, которые овладевают людьми и кардинально меняют их жизнь. Вместе с тем, он выступает и в качестве философа, социолога, отражающего противоречия семейной жизни как противоречия общества и страны в целом.

В сознании отечественного читателя сложился образ Толстого-бунтаря, сектанта и даже богоотступника, активно расшатывающего церковные и государственные устои. В последние годы все более популярной становится иная идея – идея Толстого как религиозного учителя всего человечества, идея «духовного экуменизма» писателя, стремящегося к объединению разных религий.

Личность писателя, сложность его романа «Анна Каренина» вызывали противоречивые суждения во все времена не только у соотечественников, но и зарубежных читателей.

Современники Толстого писали работы о романе, пытались по-своему истолковать произведение и, надо сказать, к этим исследованиям сам гениальный писатель проявлял заметный интерес. Ему было небезразлично мнение о нем читающей публики.

Среди критической литературы Толстой особенно выделял работу М.С. Громеки «Последние произведения графа Л.Н. Толстого: «Анна Каренина». Критик, оценивая главное содержание романа «Анна Каренина», отмечая его значительность, написал: «Роман обнажает не одни внешние устои общественного здания,

он раскрывает таинственные вопросы самой души общества, его важнейших духовных потребностей, воплощая в художественном образе поворот общественного духа от старинного рационализма к непосредственному общению с природой и Божеством»¹. Это было действительно так.

Сегодня наше общество вновь повернулось к религии, вновь пытается принять ее и понять тех писателей, которые внесли свой вклад в трактовку сложных религиозных неоднозначных вопросов.

Официальная церковь творчество Толстого так до сегодняшнего дня не приняла, считая гениального русского писателя, признанного во всем мире, чуждым русской идеологии. Несмотря на то, что выходят все новые и новые исследования, изобличающие Толстого как еретика, в его трудах каждый внимательный читатель может увидеть великую гуманистическую основу.

В книге «О жизни»² Толстой знакомит читателя с системой собственных взглядов на проблему подлинного и мнимого бытия человека. Жизнь представляется Толстому двойственной по своей природе. С одной стороны, она кажется писателю внутренней духовной субстанцией, вечной, неисчерпаемой, не имеющей ни пространственных, ни временных характеристик, с другой – определяется как пространственно-временное бытие материи, подвластное разрушению законам необходимости. Первая формула жизни – истинна, вторая – ложна, ибо по ней человек всецело мыслит себя существом только материальным; первая – связана с утверждением в сознании людей «идеала всеобщего братства и единения», гармонии личного и всеобщего, вторая – с торжеством отрицательных сил.

Сам писатель для счастья и достижения благополучия в личной жизни определял пять реальных условий.

Первым из них является жизнь в деревне, создающая эстетическое наслаждение. Второе условие – необходимость добровольного труда, обязательно в сочетании с трудом физическим, без которого невозможно хорошее здоровье.

---

¹ Громека М.С. Последние произведения графа Л.Н. Толстого. М., 1884. С.93.

² Толстой Л.Н. Т.72. С.416.

Третье условие – благополучная семейная жизнь, однако, по мнению Толстого, при современном состоянии культуры и воспитания оно практически недостижимо. Следующим, четвёртым условием является общение с людьми и любовь к ним.

Пятым, неизменным – он считал здоровье и безболезненную смерть¹.

Итак, семейную жизнь и брак Толстой называет необходимым условием для счастья человека.

Будучи уже пожилым человеком, Толстой высказывает в послесловии к повести «Крейцерова соната» более уточнённое видение им брака и брачных отношений. Не отрицая безбрачия, писатель усматривает в браке некий подвиг, так как он требует от человека воспитания следующего поколения, которое будет служить Богу и людям². Толстой считал, что он «выследил жизнью» существование обязательного для всех людей нравственного закона, совпадающего с требованиями христианской религии³.

Для Толстого мир, добро, семья есть основа существования человечества. В семье, построенной на высоконравственных, выработанных обществом законах, по мнению писателя, сосредоточены необходимые жизненные энергии, такие как сила, разум, свет, любовь, милость... Эти светлые силы оказывают благотворное влияние на социальное поведение каждого человека, определяют характер общественных отношений всех социальных институтов и культуры в целом.

Исследователь-литературовед С.Г. Бочаров в своей работе «Война и мир» Л.Н. Толстого» отмечает, что истинные отношения между героями романа-эпопеи, построенные на любви и единении, соответствуют понятию «мира», а ложные взаимоотношения, в основе которых лежит разъединение – понятию «войны».

Такое же видение прослеживается и в романе «Анна Каренина»: идейно-художественные полюса «войны» и «мира» являются центром притяжения всех персонажей романа, но получают

---

¹ Толстой Л.Н. Т.72. С.416.

² Там же. Т.64. С.15.

³ Там же. Т.72. С.8.

здесь иное словесно-образное выражение: «миру» соответствует то, что мы вкладываем в смысл слова «семейность», «войне» – то, что мы понимаем в значении «бессемейность».

Оппозиционные лейтмотивы «семейности»-«бессемейности» человеческой жизни, организуя сюжетные ситуации романа, выявляют нравственную суть героев, сопоставляя и противопоставляя развитие их сюжетных линий, тем самым создавая целостность художественного мира в произведении.

Толстой в романе «Анна Каренина» «любил мысль семейную», но именно в этом романе он сказал: «У нас всё перевернулось и только укладывается». Семейная мысль и перевернувшееся общество являются определяющими мотивами романа.

Нравственно-философская оппозиция «семейности»-«бессемейности» в «Анне Карениной» выходит за рамки понимания «семьи» в узком смысле и приобретает обобщающий, многозначно-символический характер.

Вариациями лейтмотива «бессемейности» являются мотивы заблуждения, притворства, фальши, лжи, искусственности, непонимания, ненависти, смерти.

Лейтмотиву «семейности» соответствуют мотивы детскости, правдивости, поэтичности, естественности, любви, жизни. При этом проблемы семьи и брака решаются писателем через призму его собственных нравственных и религиозных идеалов.

Толстой в романе «Анна Каренина» обращает своё внимание на московскую семью Щербацких. По мнению писателя, именно в устойчивом семейном кругу Щербацких сохранились старые русские семейные традиции. Каждый из членов семьи выполняет свою функцию, важную и необходимую для остальных живущих в домашнем коллективе. Это как раз и является, по теории Толстого, основой здоровой семейной жизни.

Созданный писателем мир семьи Щербацких воплощается «по-русски» в семейной троице: муж-отец, супруга-мать, дитя. Климат их семейных отношений писатель даёт через восприятие Левина, предупреждая читателя, что семейство «не являло собой что-либо выдающееся», а, напротив, существовало, основываясь на глубоких семейных традициях» (8,32).

Говоря о климате пространства, ограниченного стенами и крышей, писатель отмечает, что «дома Левиных и Щербацких были старые дворянские московские дома и всегда были между собой в близких отношениях.<...> Константин Левин часто бывал в доме Щербацких и влюбился в дом. <...> Левин был влюблён именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи» (8, 29).

Существование «честного семейства» привлекает обаянием «женской половины», а также общими устремлениями всех её членов, где каждый делает свое дело.

Князь и княгиня Щербацкие представляют собой старшее поколение, являясь образцом типичной русской патриархальной семьи, какими были семьи Ростовых или Болконских в «Войне и мире», основанные на старинных нормах и правилах семейной жизни, пришедшие от дедов и прадедов...

В то же время – это и есть образец благополучного счастливого брака, построенного на взаимоуважении и понимании друг друга, когда каждый из супругов выполняет обязанности не в тягость другому члену семьи, а забота о детях становится здесь главным делом родителей. Именно такой брак, по мнению Толстого, может считаться состоявшимся и достойным уважения.

В семье Щербацких Толстой воплощает те лучшие черты семейных отношений, которые были свойственны семьям помещичьего уклада патриархальной России.

Одновременно писатель показывает, что в современных для него условиях подобный семейный уклад разрушается не только изнутри, но и снаружи, и не является образцом для подражания.

Семья Вронских ассоциируется у Толстого с государством, испытывающим на себе те социальные преобразования, которые проводились царем и правительством. Брак Кити Щербацкой с Вронским невозможен, потому что семейный уклад, к которому каждый из них принадлежал с детства, был диаметрально противоположен.

Толстой, посвящая читателя в мир семьи Вронских, представляет графиню Вронскую – главу семейства – типичную пред-

ставительницу старшего поколения петербургского светского общества, которая прекрасно знает законы и правила этого общества, дорожит ими и не просто их соблюдает, она охраняет их. В молодости графиня, «...блестящая светская красавица, имела во время замужества, и в особенности, после, много романов, известных всему свету...» (8,73).

Писатель только одной фразой обращает внимание читателя на недостойное поведение и свободу поступков Вронской, не скрывающей своих любовных связей и не задумывающейся о репутации семьи. Имея солидный опыт светской жизни, Вронская поощряет (до определённого момента) увлечение сына замужней женщиной, рассматривая это вначале как обычную светскую интригу, которая может придать сыну желанный лоск, нужный в общественных кругах.

Отсутствие религиозной морали, посягательство на устои семьи почтенного человека Каренина, эгоизм показывает автор во Вронской с начала её появления в романе. Впоследствии писатель сумеет разоблачить и лицемерную сущность графини, так и не обретшей представлений об истинных ценностях человеческого общения. Особенно отчетливо это проступит в момент, когда Вронская, отзываясь об Анне как о дурной женщине, и прежде всего как о женщине без религии, скажет: «Нет, как ни говорите, самая смерть её – смерть гадкой женщины без религии. Прости меня Бог, но я не могу не ненавидеть память её, глядя на гибель сына» (9, 401). В этот момент Вронская окончательно обнажает свою безбожность, отсутствие христианской морали, ведь на Руси не позволялось вспоминать плохо о мёртвых.

Толстой указывает читателю на то, что сама графиня не соответствует утвердившемуся в обществе мнению о людях, принадлежащих к аристократическим кругам, являющих собой идеальное воплощение человеческих качеств, в том числе и религиозных.

По этому поводу литературовед В.Г. Одинокоев заявит: «Толстой писал свой роман для того, чтобы всей силой своего художественного гения опровергнуть мнение графини Вронской.

Семь частей романа раскрыли читателю внутреннюю структуру переворотившегося дворянско-аристократического общества, гонителя и преследователя живой жизни»¹. Толстой воспринимает в перевернутом обществе графиню Вронскую *оборотнем-радетелем*, защищающим то, что Толстой считал опасным для существования всего русского общества – отсутствие нравственного закона в поведении.

Характерно, что ещё до появления графини на страницах романа, Толстой счёл необходимым показать отношение сына к ней: «Он [Вронский] в душе своей не уважал матери и, не отдавая себе в этом отчёта, не любил её, хотя <...> не мог себе представить других к матери отношений, как в высшей степени покорных и почтительных, и тем более внешне покорных и почтительных, чем менее в душе он уважал и любил её» (8, 76).

Сын к матери относится покорно и почтительно потому, что этого требуют светские приличия, у самого же нет ни малейшей привязанности, родственных чувств и душевного тепла к родному существу, как это было, например, у Долохова или у Ростова в «Войне и мире».

Противопоставляя внешнюю благопристойность и внутреннюю ложь людей светского общества, писатель разоблачает их безнравственное существование, вызывающее у него чувство брезгливости и отторжения, которыми он наделяет своего героя Левина.

Левин не принимает суждения Облонского о Вронском как аристократе: «Человек, отец которого вылез из ничего пронырством, мать которого Бог с кем была в связи... Нет, уж извини, но я считаю аристократом себя и людей подобных мне, которые в прошедшем могут указать на три-четыре честные поколения семей, находившихся на высшей степени образования (дарование и ум – это другое дело), и которые никогда ни перед кем ни подличали, никогда ни в ком не нуждались, как жили мой отец и мой дед <...>. Мы аристократы, а не те, которые могут существовать

---

¹ Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск, 1978. С.128.

только подачками от мира сего и купить кого можно за двугривенный» (8, 221).

Толстой прямо высказывает своё неприятие морали и образа жизни аристократической верхушки общества, изобличая их ложные авторитеты, их формальное исполнение даже своих родственных обязанностей, не говоря уже о тех делах, которые они должны были выполнять по долгу их высокого положения.

Писатель представляет читающей публике родословные корни Вронских как негативные, тем самым указывает на заблуждение в общественном сознании по поводу истинных аристократов.

Изображая различие и несоответствие морали двух общественных сил, Толстой на конкретном примере представителей двух сторон – Левине и Вронском – показывает отношение этих героев к самому святому, к проблемам брака, или иначе – к проблеме дальнейшего существования.

О Вронском Толстой скажет, что тот «не только не любил семейной жизни, но в семье, и в особенности в муже, по тому общему взгляду холостого мира, в котором он жил, он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более смешное» (8, 75).

Левин же, в отличие от Вронского, только в семье видит своё счастье и приезжает в Москву «с твёрдым решением сделать предложение и жениться...» (8, 32).

Вронский имел свой «кодекс чести», которому следовали все молодые люди светского общества. По этому их «кодексу» «все люди» у них «разделялись на два совершенно противоположные сорта». Низший сорт: «пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одной женой, с которой он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержанным и твёрдым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги – и разные тому подобные глупости. Это был сорт старомодных людей и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих <...>, в котором надо быть, главное, элегантным, красивым, великодушным, смелым, весёлым, отдаваться всякой страсти, не краснея, и над всем остальным смеяться» (8, 147).

Толстой раскрывает бесчеловечную сущность Вронского – представителя высшей аристократической знати. Он с иронией отмечает, что естественные законы семейной жизни для Вронского не существуют, он считает их старыми и ненужными. Вронский выступает у писателя одним из тех, кто в очередной раз переделывает по-своему христианские законы, разрушая устоявшиеся правила жизни, внося своим поведением хаос и неразбериху в человеческое бытие, не видя перспективы дальнейшего жизненного пути.

Бабаев увидел во Вронском «вечного странника, человека без корней в почве»¹, о чем сам Вронский говорит: «Я родился цыганом и умру цыганом» (9, 487). Бабаев связывает образ Вронского с демоническим началом, характеризуя его, как «одного из толпы цивилизованных кочевников, исчезающего и появляющегося среди железнодорожных «намадов»... Страшную обреченность, предначертанную судьбой, видит во Вронском литературовед Бабаев, когда говорит: «Звезда полынь» – звезда Вронского».

Вронский вводится писателем в роман вне семейной идеи, однако «русская семейная ситуация вовлекает и его в своё колесо, подчеркнув законченную трагичность этой личности»².

У писателя Вронский – плоть от плоти высшей аристократической верхушки: кавалергард, воспитанный в Пажеском корпусе, вхожий в круг доверенных царю людей (не случайно ему поручают развлекать иностранного принца), но не знающий образца семейности, потому интуитивно его влечёт «отдохнуть» в дом Щербацких, куда он приезжает из столичного Петербурга. Толстой подозревал, что изначально, как в каждом человеке, во Вронском всё-таки заложен инстинкт семейности, оттого и тянет его в дом Щербацких, но это чувство семейности у Вронского не развивается из-за отсутствия соответствующего образца в родном доме. Вронский, по мнению исследователя Одинокова, «ближе к профессиональным грешникам»³, потому и понятие «семейности» для Вронского звучит в романе у Толстого в значении «бессемейности».

---

¹ Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л.Н.Толстого. М.,1978. С.49.

² Там же.

³ Одинокоев В.Г. Поэтика романов Л.Н.Толстого. С.129.

Представителя патриархального дворянства Левина Толстой изображает иначе. Известно, что семью Щербацких посещает он не ради «отдыха», а любит Кити и решительно желает на ней жениться. В такой связи интересным является высказывание В.Соловьева о земной любви к женщине, которую он называет «первым шагом к религиозной любви»: «...живой идеал Божьей любви, предшествуя нашей любви, содержит в себе тайну ее идеализации. Здесь идеализация низшего существа есть вместе с тем начинающаяся реализация высшего, и в этом истина любовного пафоса»¹.

У Толстого это осуществилось в романе в полной мере: от любви к женщине Левин приходит к Божественной любви, о чем и говорит писатель в VIII части романа. Мысль Толстого еще глубже: Божественная любовь – любовь *ко всем*; она отчасти противостоит ограниченной, эгоистической любви *к своему* семейству.

Представления Левина обо всём строе патриархальной отцовско-дедовской жизни были для него священны. «Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать. Они жили той жизнью, которая для Левина казалась идеалом всего совершенства и которую он мечтал возобновить со своей женой, со своей семьёй» (8, 119). Толстой неоднократно повторяет мысль о том, что Дом для Левина – надёжный оплот, крепость против всего того непонятного, что он ощущал в городской атмосфере. Отмечая, что семья для Левина – самое высшее единение, какое только возможно между людьми, Толстой передаёт глубинное ощущение через героя своих родственных корней, выполняющих связующую цепь времён. Именно в семье Левин видел смысл дальнейшего существования: в мечтах ему сначала представлялась семья, потом та женщина, которая будет вместе с ним создавать семью.

Для более полной характеристики Левина и Вронского писатель помещает героев в различные ситуации и сопоставляет их поведение в масштабах общества как семьи.

---

¹ Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Минск, 1999. С.499.

Левина писатель изображает в общении с простым народом, даёт ему возможность проявить себя в труде, приобрести опыт, прийти к иным идеалам; Вронскому автор создаёт ситуацию для разоблачения его ущербности в условиях развлечений высокопоставленного общества.

В этом плане массовая сцена косьбы является в романе «апогеем темы единения», темы семейности, скачки же показывают «общественное разъединение», бессемейность. Эти сцены литературовед В. Ермилов считает «узловыми в романе» «Анна Каренина», определяющими основную идею произведения»¹.

Обе эти центральные сцены имеют у Толстого два художественных плана: первый непосредственно реальный, второй, символический, образующий внутреннее содержание. Каждая реплика, необходимая для естественного и простого хода покоса, имеет для Левина иное (второе) смысловое значение, символизирующее собой «семейное» начало, характерное для русской нации в целом, также как для Вронского в сцене «скачек» во всем обнаруживается знак разрушения, разъединения не только конкретных судеб, но и всего российского общества. Известно, что сам Толстой многократно участвовал в покосах и никогда не был на скачках.

Писатель показывает процесс перехода героя от конкретных задач покоса (заготовить сено на зиму) к обретению ощущения другого плана – всеобщего единения и трудового праздника. «Хозяин... для себя старается», – говорит один из мужиков, наблюдавший за началом работы Левина вместе с крестьянами. Левин сначала действительно «старался для себя», однако очень скоро автор показывает, как, увлеченный трудом, Левин переходит в иной ритм. И все происходит незаметно для него: Левин, постепенно преодолев «первоначальную тяжесть усилий, входит в ритм общего труда», сначала он испытывает только *это* «наслаждение общих трудовых усилий», своего включения в «простой и торжественно радостный ритм» здоровья, силы, непринуждённой лёгкости в овладении мастерством работы, согласия со

---

¹ Ермилов.В. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». М., 1963. С.95.

всеми, но постепенно «бессознательная радость согласия со всеми переходит в счастье единения со всем миром», народный праздник общего дела. Толстой после *этого* заявляет, что «уже нет барина и мужиков», нет никакого разделения людей, есть друзья и братья, объединённые простым и великим делом. Слово «барин» сохраняется тут только во внешнем житейском плане картины, но в её внутреннем, идеальном плане Левин – такой же мужик, как и все остальные...» (8, 278-279).

Толстой подчёркивает, что связь, скреплённая трудом, сильнее, чем какая-либо другая. Единственным и главным условием для осознания отношений истинного братства становится общий труд, поддерживающий, «несущий» жизнь для «блага целого». Впервые прилив особого рода чувств близости, родства, любви, даже нежности Левин переживает во время косьбы с мужиками Калинова лога.

Вслед за косьбой и уборкой покоса изображается реальной основой и одновременно образно-символической параллелью пробуждающееся чувство любви. В стихии (в море) общего труда просыпается «молодая», вполне земная любовь в крестьянской семье Ивана Парменова. На примере молодой семьи Парменовых писатель создаёт образец счастливой крестьянской четы: «Левин внимательнее присмотрелся к Ваньке Парменову и его жене. Они недалеко от него навивали копну. Иван Парменов стоял на возу, принимая, разравнивая и отаптывая огромные навилыны сена, которые сначала охапками, а потом вилами ловко подавала ему молодая красавица хозяйка. Молодая баба работала легко, весело и ловко» (8,282). Гармоничность в труде молодых супругов автор переносит на их семейные отношения, предполагая такой же ЛАД во всем, ведь неслучайно в славянской мифологии первых супругов божественного происхождения звали Лада и Лад¹.

В период любования крестьянским трудом, участия в нём его самого появляется у Левина желание жениться на крестьянке и жить, как живёт трудовой народ. «Левину в первый раз ясно пришла мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягост-

---

¹ Щукалин В.В. Мифы русского народа. Екатеринбург, 1995. С.118.

ную, праздную искусственную жизнь, которою он жил, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь» (8, 283).

Толстому виделось, что решение проблем, в которых он хотел отыскать залогом и истоки возрождения семейного начала, можно найти в жизни именно патриархального крестьянства. Автобиографичность этих фактов, нашедших свое отражение в мыслях Левина о крестьянской жизни, станет началом пути самого Толстого к «опрощению».

Исследователь И.И. Виноградов, отмечая идеализированный подход Толстого к изображению своего героя, считает, что именно в сцене покоса особенно настойчиво проявляются элементы народной утопии¹. Здесь, в сцене покоса Левин ощущает себя народом, работает вместе с ним, входит в его интересы, стремится быть близко к нему, забывая о своем истинном состоянии и своих корнях. А ведь, как нам известно, «прародители Толстого <...> были родовитыми аристократами, гордившимися знатностью породы в 32-х коленах»².

Однако путь героя к обретению гармонии не так прям и однозначен, как может показаться вначале. Участие в тяжелом физическом, но дружном и потому радостном труде во время косыбы Калинова лога дает Левину ощущение полноты счастья жизни. Иное переживает герой, защищая от посягательства крестьян на интересы своей сестры во время уборки сена в ее имении. «Разудалая» песня баб, кончивших работу, надвигается на лежащего на копне Левина, как «туча с громом веселья», рождает в нем чувство «тоски за свое одиночество, за свою телесную праздность, за свою враждебность к этому миру» (8, 304). Толстой подводит героя к выводу, что слияние с общим, народным дает человеку счастье; обособленное от народа, своекорыстное существование обрекает человека на духовное одиночество и делает его несчастным. Таков, примерно, круг нравственно-философских вопросов, который стоит за всем пережитым Леви-

---

¹ Виноградов И.И. Критический анализ религиозно-философских взглядов Л.Н. Толстого. М. Знание, 1981. С.34.

² Толстой С.М. Толстой и Толстые // Неизвестный Толстой в архивах России и США. М., 1994. С.460.

ным в течение ночи, проведенной на копне. У Левина возникло желание жениться на крестьянке.

Но тут же весь этот сложный нравственно-философский комплекс вступает в еще более сложное «сцепление» с семейной и любовной темой романа. Возвращаясь домой, ошарашенный только что принятым решением, Левин видит Кити, промелькнувшую в окне кареты. «И все то, что волновало Левина в эту бессонную ночь, все те решения, которые были взяты им, все вдруг исчезло. Он с отвращением вспомнил свои мечты жениться на крестьянке. Там, только в этой быстро удалявшейся и переехавшей на другую сторону дороги карете, там только была возможность разрешения столь мучительно тяготившей его последнее время загадки его жизни... Лай собак показал, что карета проехала в деревню, – и остались вокруг пустые поля, деревня впереди и он сам, одинокий и чужой всему, одиноко идущий по заброшенной большой дороге» (8, 306). Как видим, повествование внезапно переключается с лирической интонации в трагический план. Казавшееся Левину до того уже столь близким счастье слияния с общей трудовой жизнью крестьян развеялось, как дым, после встречи с Кити. «Нет, – сказал он себе, – как ни хороша эта жизнь, простая и трудовая, я не могу вернуться к ней. Я люблю ее [Кити]» (8, 306). И эта любовь возвращает Левина к его прежней «тягостной и мучительной жизни», почему он и почувствовал себя «одиноким и чужим всему».

Литературовед Е.Н. Купреянова верно отметила, что, хотя счастливый брак Левина и Кити является антитезой обоим несчастливым бракам Анны, но это не абсолютная, а только относительная антитеза¹. Относительная в том смысле, что даже и такой благополучный брак, как брак Левина и Кити, не дает человеку полного блага и не может составить истинный смысл человеческой жизни. Потому «счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, боялся ходить с заряженным ружьем, чтобы не застрелиться» (9, 387).

---

¹ Купреянова Е.Н. «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа. В 2 т. С.335.

Самоубийство – крайняя стадия проявления своеволия, апофеоз гордыни как антипода христианского смирения. И в данном случае – балансирование героя на грани самоубийства символизирует собой кризис религиозного сознания не только Левина, но и его создателя.

Проблема Левина в его рационализме, его попытке «проверить алгеброй гармонию» окружающего мира, постичь разумом логику Божественного. Полное нравственное удовлетворение ему может принести только единство личного и общественного, что, вероятнее всего, невозможно, поскольку лишает душу стимула для совершенствования. Но разум Левина хочет объять необъятное и мечется в поисках выхода, не давая душе в полной мере насладиться счастьем отмеренной ей земной любви. Семейное счастье героя остается его личным и в силу этого – эгоистическим счастьем и как таковое оно не приносит ему полного нравственного удовлетворения, которое дает человеку только духовное единение с общим и целым. Таким образом, даже самые благополучные, гармонические супружеские отношения не составляют наивысшего блага и конечного смысла человеческой жизни. И они превращаются в величайшее ее зло, когда людей не соединяет ничего кроме физического влечения, как бы сильно оно ни было.

Но вернемся к Вронскому. В противовес сцене всеобщего единения и «семейности» дворянина Левина и крестьян на лоне природы, писатель рисует сцену скачек, происходящую в столичном Петербурге, где показывает неспособное к жизни миром столичное общество, в котором центральное место отведено Вронскому.

Влюбленный только в себя, Вронский не задумывается над словами жокея, предупреждающего его об опасности, которая может последовать, если он не даст отдых лошади перед выступлением, и губит прекрасное животное. Да и само участие в таких развлечениях говорит об отсутствии в нем высокого гуманного начала. Именно в этой сцене Вронский был впервые представлен автором плохим наездником как в прямом, так и в переносном

значении, а для Толстого плохой наездник – человек несамодостаточный, не имеющий ни естественности, ни природности.

Внутреннее значение скачек у Толстого прослеживается в подтексте фраз, брошенных как бы невзначай высокопоставленным военным и Карениным.

«– Вы скачете? – Пошутил ему военный.

– Моя скачка труднее, – почтительно отвечал Алексей Александрович» (8, 306).

На втором плане этой сцены звучит мысль о том, что Алексей Александрович участвует в «жизненных скачках» наравне с Вронским.

Определяя внутреннее значение этой сцены, писатель укажет ей поворот к трагической развязке: со скачек начнётся *иная* жизнь супругов Карениных, раскроются «тайные отношения» Анны и Вронского, которые Анна не в состоянии больше скрывать, наметится падение карьеры Алексея Александровича, возникнет проблема бракоразводного процесса, обнажатся вопросы, связанные с судьбой Серёжи, появится необходимость отставки Вронского. Именно с этой сцены «все три участника драмы выпали из привычного им строя жизни»¹.

Роман как бы повернулся в другое русло, все стало выглядеть иначе. Толстой, изображая сцены покоса и сцены скачек, показал два различных пути героев: путь Левина – путь христианина, основывающийся на национальных русских корнях, путь созидания и обретения личного счастья, духовного самоусовершенствования и стремления к семейным отношениям; и путь Вронского, определённый автором как путь, чуждый русскому обществу, ведущий к бессемейности, отрыву от народа.

В сопоставлении двух представителей общественных направлений Вронского и Левина – сторонника и противника реформ – Толстой настойчиво проводит мысль о том, что лучшие русские традиции сохранены и утверждаются в дворянских кругах, их патриархальных семьях, представленных Левиным. Под-

---

¹ Ермилов В. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». М., 1963. С.27.

держивающий же реформы столичный Петербург, представленный Вронским, становится рассадником греховности и распространителем бессемейных отношений, пагубно влияющих на русское общество.

***

Исходной ситуацией семьи Облонских Толстой предопределяет сюжет и наделяет её «прогнозирующею» ролью, предсказывая характер развития будущего действия.

Толстой, первоначально заявив в ключевой фразе – «всё смешалось в доме Облонских...», тем самым определил целый узел нравственно-философских проблем, характеризующих «бессемейное» состояния всего общества.

Писатель, сосредоточив внимание на моральных устоях главы семьи, указывает, что у Стивы отношение к браку приближено к представлению о нём Вронского, а чтобы придать этому «представлению» обобщенность и значительность приводит взгляды либералов на брак: «либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его...» (8, 14). Для Облонского брак действительно был обузой, которую и не скинуть, и нести особого желания нет.

Анна приехала помочь брату помириться с семьей, необходимой ему только лишь затем, чтобы сохранить свою внешнюю благопристойность в московском обществе. Толстой изображает момент оценки ситуации в доме Облонских с позиции Анны: она в разговоре с Долли утверждает, что люди, подобные Стиве, «делают неверности, но свой домашний очаг и жена – это для них святыня» (8, 91). Вероятно, Анна сама не понимала своего брата, от этого она выглядит не совсем искренней, и ее рассуждения воспринимаются читателями как святая ложь ради сохранения семьи. Суждения Анны неубедительны на фоне размышлений самого Облонского о семье и браке. Анна явно преувеличивала значимость семьи для брата. Ведь Степана Аркадьевича устраивает именно такое положение, когда можно совместить семейную жизнь и любовные развлечения и при этом заручиться поддерж-

кой сестры и либеральной партии, утверждающей, что «брак есть отжившее учреждение и его необходимо перестроить».

Не случайно по этому поводу литературовед Я.Г. Билинкес скажет об Анне: «Анна – родная сестра Стивы. Она принадлежит к «роду», «породе» Облонских¹, а народная пословица гласит: «Яблочко от яблоньки далеко не откатывается». Анна, успокаивая невестку, еще не знает, что готовит ей судьба, чем станет для нее самой ее семья и как отнесется к ее судьбе Долли.

В образе Долли Толстой воплотил лучшие черты женщины-матери. Долли приносит себя во служение своим детям, растворяясь в них. В самый критический и решительный момент, когда она собирается покинуть дом Облонского, ее останавливает плачущий ребёнок, умиляет ее душу и заставляет забыть свои унижения. Долли, заботливая, хлопотливая, терпеливая, сносит все оскорбления и равнодушные поступки своего беспутного мужа.

В Ергушове, куда отправляет её Облонский на лето с детьми, надеясь на этом сэкономить семейный бюджет, Долли преодолевает массу бытовых трудностей. Она заботится о достойном и благонамеренном воспитании детей, стремится строить отношения с ними так, как было поставлено в ее родительском доме.

Сцена подготовки Долли к причастию детей и его осуществление в деревенской церкви является самой светлой сценой романа. Писатель придает особую значимость моменту причастия. Автор изображает здесь «не отличавшуюся религиозным рвением» Долли, но свято чтившую семейные традиции, потому что «это так было принято в их семье».

Долли устраивает праздник души себе и детям, старается ничем не омрачить его святость. Растворяясь в заботах о каждом ребенке, она не только продумала наряды, угощения и развлечения для своих чад, но и позаботилась о себе, желая хорошо выглядеть.

Когда наступил день причастия, «Дарья Александровна причёсывалась и одевалась с заботой и волнением. Прежде она одевалась для себя, чтобы быть красивой и нравиться; потом, чем

---

¹ Билинкес Я.Г. О творчестве Л.Н.Толстого. Л., 1959. С.309.

дольше она старелась, тем неприятнее ей становилось одеваться; она видела, как она подурнела. Но теперь она одевалась с удовольствием и волнением. Теперь она одевалась не для себя, а для того, чтоб она, как мать этих прелестей, не испортила общего впечатления...» (8, 338).

Любуясь своей героиней, писатель называет ее в это время не Долли, как это делал все время, а почтительно – Дарья Александровна.

«В церкви никого, кроме мужиков и дворников и их баб, не было. Но Дарья Александровна видела, или ей казалось, что видела, восхищение, возбуждаемое её детьми и ею. Дети не только были прекрасны собой в своих нарядных платьицах, но они были милы тем, как хорошо они себя держали...» (8, 338).

Долли была довольна, что они произвели своим появлением приятное впечатление на присутствующих в церкви. Общая радость была устроена ею для всех. И именно здесь, в этой сцене Долли поднята Толстым на высоту, соответствующую его личному представлению об идеальной матери.

Поэтизируя образ Долли, подчеркивая естественность и правдивость ее, писатель сближает Долли с простым народом. И особенно это ясно проявилось в разговоре Долли с деревенскими бабами, в сцене, когда проходившие мимо женщины остановились посмотреть на ее купающихся детей. Тема беседы для каждой женщины, независимо от сословия, понятна и дорога – это разговор о детях. Долли объединяют с простыми женщинами общечеловеческие идеалы и принципы, для нее и этих женщин одно и то же дорого. Для Долли, как и для присутствующих крестьянок, семья и дети – главный смысл жизни.

Зато муж Долли, Степан Аркадьевич – полная ей противоположность, никогда не бывает озабочен семейными проблемами, он всегда живёт в своё удовольствие, растраниживая деньги на личные развлечения. Как глава семейства Стива выдает Матвею, приказчику, на день для семьи, дворни, прислуги десять рублей, сам же в английском ресторане за один обед тратит в несколько раз больше.

Поведение Облонского по отношению к самым близким ему людям, мягко говоря, безнравственное. Его эгоизм и безалаберность как отца семейства до конца романа так и не меняется. В то время, как Стива в Петербурге посещает дорогие светские увеселительные мероприятия, совершенно не задумываясь есть ли пальто у Тани, во что обувать Гришу и других детей, Долли экономит на всем.

В богатом доме Вронского, в Воздвиженском, она перед служанкой Анны стесняется своей заштопанной блузки, понимая, что изменить своего положения ничем не может. И потому сущей нелепицей предстаёт перед ней телеграмма Степана Аркадьевича после выборов, на которых он, как всегда и везде, присутствовал: «Неведовский выбран 12 шарами. Поздравляю», получив которую, Долли вздохнула о рубле за ее отправку и поняла, «что дело было после обеда», так как Стива злоупотреблял телеграфом после хорошего обеда.

Долли и не помышляет о возобновлении дела о разводе со Стивой, она знает, что, сохраняя семью, исполняет священный долг. Ведь не случайно в православном писании предъявлены самые строгие требования к женщине, соблюдению всех норм и правил, разработанных религией. И именно эти религиозные и старые нравственные представления о браке, сложившиеся в семье Щербацких, впитала в себя их дочь Долли. Она смогла перешагнуть через своё оскорблённое самолюбие ради существования семьи, потому что «детям от этого будет лучше» (8, 18).

Но Облонского можно оправдать, ведь у него не было своего родительского образца семьи, какой был в родной семье Долли. Не имея представления о семейных основах, почти бездомный Облонский является инициатором различных преобразований. Через незащищённое родительскими оберегами восприятие Стивы автор показывает разницу жизни в Москве и Петербурге.

«Москва, несмотря на свои *cafes shantants* и омнибусы, была всё-таки стоячее болото. Это всегда чувствовал Степан Аркадьевич. Пожив в Москве, особенно в близости с семьёй, он чувствовал, что падает духом. Поживя долго безвыездно в Москве, он

доходил до того, что начинал беспокоиться дурным расположением и упрёками жены, здоровьем, воспитанием детей, мелкими интересами своей службы, даже тем, что у него есть долги».

Толстой насмешливо рассказывает о неприятии Стивой всего лучшего, семейного, что исстари ценилось на Руси. В силу своей духовной неразвитости Облонский отвергает истинные ценности, утвердившиеся в обществе испокон веков. Нравственный уровень жизни в Москве не устраивал Стиву: «... Но стоило только приехать и пожить в Петербурге, в том кругу, в котором он вращался, где жили, именно жили, а не прозябали, как в Москве, и тот час все мысли эти исчезали и таяли, как воск от лица огня ...» (9, 342).

Словосочетание «воск от лица огня», взятое Толстым из молитвы «Да воскреснет Бог!»¹, обозначает защиту человека высшими силами от греховных деяний. Используя это выражение, писатель иронично указывает на изменения, происходящие во внутреннем состоянии своего героя в Петербурге так же легко, как легко происходит исчезновение воска, соприкасающегося с огнем.

Стива чувствовал себя в Петербурге моложе лет на десять, «...в Москве он так опускался, что в самом деле, если бы пожить там долго, дошёл бы, чего доброго, и до спасения души; в Петербурге же он чувствовал себя опять порядочным человеком» (9, 344). Выходило так – что было хорошим в Москве, это же в Петербурге отвергалось как неприемлемое и устаревшее. Петербург привлекал людей с неустойчивыми моральными основами, усугубляя эту неустойчивость, доводя её до ущербности. Писатель выступает против утвердившегося в светском обществе понятия «порядочный человек». Здесь Толстой проводит мысль о нравственном превосходстве Москвы, являющейся религиозным центром России, над Петербургом. Именно Москва становится альтернативой по отношению к ориентированному на Европу Петербургу.

---

¹ Новый завет. Московская патриархия, 1988. С. 342.

Толстой начинает действие романа в Москве, как бы подтверждая исконность условий существования русского общества, живущего по московским правилам, или иначе – в **Московии**.

Отмечая заразительность и вредность недостойного образа жизни потомка Рюриковичей для общества, писатель показывает быстрое распространение этого примера: кризис семьи Облонских влечет за собой кризис в семье Карениных, который Анна, как инфекцию, привозит из семьи брата. Но если кризису семьи Облонских, благодаря Долли и правилам жизни московского общества, суждено разрешиться мирно, то у Карениных он приводит всех членов семьи к трагическому концу.

Толстой особо заостряет внимание на том, что семья может сохраниться за счет пожертвования одного из супругов своим душевным покоем, как, например, происходит у него с Долли. В семье же Карениных этого стержня нет: и Анна, и Каренин руководствуются, прежде всего, эгоистическими устремлениями. Они оба признают верными лишь чувства и убеждения, которые были приняты в обществе. Они впитали в себя эти чувства из искусственной атмосферы жизни Петербурга.

Семья Карениных уже в начале романа характеризуется Толстым значительной и известной, но эта оценка образа Анны как идеальной гранд-дамы, и благополучие ее семьи затеняется сентенцией Долли. «Я о ней [Анне] ничего кроме самого хорошего не знаю и в отношении к себе я видела только ласку и дружбу», – говорит Долли, но вспоминает при этом своё впечатление от дома Карениных, который не нравился ей, и сам дом, и «что-то фальшивое во всём складе их семейного быта» (8, 82-83).

Эта мысль самого искреннего персонажа романа отображает личностное отношение Толстого к тому, что скрывается за внешне респектабельной семьёй Карениных, представляющей собой семью столичной аристократии.

Вступивший в расцвет кризис в институте брака Толстой раскрывает, прежде всего, размышлениями княгини Щербацкой, которая со страхом взирает на новые порядки при заключении

брака, когда молодые сами должны делать выбор будущего супруга, не прислушиваясь к советам родителей.

По мнению писателя, в выборе жениха и невесты должны обязательно принимать участие люди, умудрённые жизненным опытом. Потому у Толстого старый князь Щербацкий душевно расположен к Левину и видит в нём достойного жениха для дочери. Глава семьи осуждает жену за то, что она не помогла разобраться дочери в её сердечных делах. По мнению Толстого, помогать молодым в создании семьи должны в первую очередь родители: отец – сыну, мать – дочери. Автор приводит высказывание князя о Вронском и молодых людях, воспитанных в нравственно-нездоровой атмосфере света, без доброго участия родителей: «...Левин в тысячу раз лучше человек, – говорит князь. – А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну статью, и все дрянь» (8, 72). По мнению Толстого, только в деревне можно быть свободным от исполнения выдуманных светом условий существования и жить свободной естественной жизнью мыслит старый князь Щербацкий (8, 73).

Супружеские отношения нового поколения строятся иначе, чем это было у людей старшего поколения. Причиной, побудившей заключить брак Константина Левина и Кити, стала любовь. Выбор здесь делали не родители, а сами молодые люди, которые в этой связи пережили свой первый кризис, который мог бы закончиться не столь благополучно, как разрешилось на самом деле. Писатель указывает на причины кризиса молодых людей, обозначившегося для Кити в ответственности за принятие решения о выборе будущего мужа, для Левина – в неумении отстоять свое решение при выборе жены. Неопытность Кити приводит её к тому, что она совершает ошибку, чуть ли ни стоившую ей жизни: отвергнув одного, она становится отвергнутой другим. Толстой подводит героиню к осознанию своей вины за отказ достойному человеку, которого, может быть, любила, и тем самым нанесла ему незаслуженную обиду. Автор несколько раз подчёркивает это «может быть», когда говорит о чувствах Кити, что свидетельствует о её неопытности.

Кити понимает свою ошибку только тогда, когда оказалась отвергнутой своим избранником, Вронским. Свой первый суровый жизненный урок она переживает болезненно, но именно этот урок помогает приобрести опыт и взглянуть на жизнь и на людей более трезво, осознанно.

Отношение Левина к несостоявшемуся браку происходит так же болезненно, в результате чего осуществляется решительный пересмотр его взглядов на проблему: «...с этого дня он решил, что не будет больше надеяться на необыкновенное счастье, какое ему должна была дать женитьба, и вследствие этого не будет так пренебрегать настоящим» (8, 123). Левин тяжело страдает из-за отказа Кити на предложение о женитьбе: «Он чувствовал, что в глубине его души что-то устанавливалось, умерялось и укладывалось» (8, 123).

Толстой указал на начало внутреннего поворота в душе героя: именно с этого момента Левин начинает двигаться от «футлярных» представлений, через нравственные искания и труд, к пониманию «всеобщей любовной жизни».

Стимул личного счастья, выдвигаемый Толстым как естественное начало, на время затихает в мечтах Левина. Автор ведёт своего героя к мысли о всеобщей коллективной деятельности, которая может срастись с личным, и приводит его к идее о необходимости устройства сельскохозяйственной артели.

Кажущееся умершим чувство любви к Кити писатель лишь уводит в глубину души Левина, в его подсознание, тем самым, образуя подтекст. Внешний разрыв отношений Левина и Кити Толстой подаёт, как желание героя устроить жизнь по-другому, на холостяцкий манер, однако на более глубинном уровне у Левина обозначилось начало новой духовной жизни, поворот от «бессемейности» к общей «семейности».

Значительным явлением у Толстого оказалось участие в кризисный период Левина и Кити их родственников, разделивших горе будущих жениха и невесты. Именно родственники приложили усилия и способствовали примирению Левина и Кити, а затем и помогли в подготовке и проведении свадьбы.

Счастливному браку Кити и Левина, построенному на чувстве любви, помогает состояться дружеское участие всех членов семьи Щербацких, основанной на нравственных принципах.

Несмотря на то, что московское и петербургское высшее общество было единое общество титулованной знати России, к которой по происхождению принадлежал и сам Толстой, писатель всё время подчёркивает между ними разницу, прямо противопоставляя одно другому. Писатель проводит на московском обществе лейтмотив «семейности», на петербургском – «бесемейности», придавая этому различию многозначный символический характер.

***

Толстой открывает для современного ему общества «новый тип семьи» – *светское общество*, диктующее законы для людей своего круга. Именно петербургский аристократический круг людей показан *новым условным трансформированным типом семьи*, живущим по своим определенным законам.

Толстой, изображая строго регламентированную жизнь в светском обществе, где все подчиняется определённым правилам и законам, внешне, якобы, защищающим родовые интересы, открывает страшную бездуховность и отсутствие человеческой морали между членами самого этого общества и в их семьях.

Писатель заостряет внимание на внешних характеристических чертах «семьи нового типа». Члены такой семьи должны обязательно соблюдать строгость этикета, норм и правил поведения, не допускать посторонних в свой круг, отвергать посмевших бросить вызов обществу, как разрушителей тех норм, законов и канонов, благодаря которым общество существовало.

Яркой представительницей семьи нового типа в романе выступает Бетси, она у Толстого утверждает собой «бесемейность».

Княгиня Бетси Тверская, исполняет условности света, отвечает всем правилам приличия светского этикета, никогда не показана Толстым в кругу своей семьи, с мужем и детьми. Она фигурирует во всех ключевых сценах романа, выражает взгляд обще-

ства на ту или иную проблему, но в ней нет самого основного – души. Толстой рисует ее безликой, не даёт портрета, он лишь двумя-тремя штрихами создаёт её облик: то подчеркнет освеженное лицо и причёску при приёме гостей, то умную улыбку, то умный и насмешливый взгляд и т.д. Не важен для Толстого и возраст Бетси, и, тем не менее, она – олицетворение светских женщин вообще.

Далеко не безобидной рисует писатель базирующуюся на игре и интриге мораль Тверской. Низкие бездуховные качества проявляются в Бетси в период ее сводничества Анны и Вронского.

Своеобразно выглядит у писателя завязка любовной интриги, происходившая в доме Бетси, вечером, у самовара – типичного атрибута русской кухни. Самовар – символ русской национальной семейственности – представлен Толстым здесь символом разъединения. Зеркальностью изображения этой детали писатель еще раз подчёркивает существующую фальшивость в жизненном укладе света, где все искажается до такой степени, что начинает принимать противоположное значение.

Бетси провоцирует разговором, происходящим у самовара, Анну, замужнюю женщину, на то, чтобы «ошибиться, а потом поправиться», явно подыгрывая ей и Вронскому, видя их взаимное тяготение. Она не пытается вразумить или остановить их от греховных поступков, а развивает идею о различии любви и брака, утверждая, что «любить можно и после брака, т.е. одно другому не мешает».

Об отношениях Бетси и Тушкевича все догадываются и даже позволяют себе говорить об этой связи в гостиной княгини, но так, чтобы она не слышала, однако никто не смеет бросить в нее камень или открыто выразить упрек ее поведению, так как все внешние приличия соблюдаются ею неукоснительно. Эта связь не была вызвана сильными чувствами, и свидетельство тому – сообщение в конце романа о том, что Бетси бросила Тушкевича.

Исследуя нюансы взаимоотношений в аристократическом обществе, писатель отмечает и снисходительное отношение Бетси к Сафо и двум её поклонникам, к той свободе нравов, которые

они показывают, ведь они не покушаются на институт брака, как это происходит с Анной, а лишь вносят новые правила в светскую игру. Толстой подробно описывает внешность и наряды Сафо Штольц и Лизы Меркаловой. Сафо лишь однажды появляется на страницах романа, демонстрируя так называемый «новый тон», более свободный, экстравагантный, раскрепощенный, диссонирующий с поведением княгини Мягкой и Анны. Контраст между ними автор еще более оттеняет, подробно описывая Сафо и Лизу, причем описание это дается через восприятие Анны (8, 351-352). Сафо и Лиза искренне скучают в кругу гостей Бетси тверской и своим поведением эпатируют общество, но не разрушают его законы.

Разговор о Лизе Меркаловой и Стремове, который ведут Бетси и Анна перед их приездом, подробный портрет Лизы являются очень важными моментами для понимания того, какая же любовная интрига поощряется и прощается обществом, а какая нет (8, 349-350).

Не случайно, во всем контрасте их взглядов, интересов, манеры поведения Толстой указывает на взаимную симпатию, возникшую между Лизой и Анной, подчеркивая некое родство душ, их общую черту, а именно: искренность в чувствах, открытость и простоту в общении, и прежде всего – обаяние. Но Лиза приняла условия игры, диктуемые обществом, Анна же не смогла и, главное, не захотела этого сделать.

Лиза Меркалова, жалуясь на тоску в своем кругу, чувствуя в Анне цельную и сильную натуру, обращается к ней: «Нет, как вы делаете, чтобы вам не было скучно?.. Стоит взглянуть на вас, и видишь – вот та женщина, которая может быть счастлива <...>. Научите, как вы это делаете?.. Нет, вы скажите, отчего нельзя заснуть и нельзя не скучать?». На ответ Анны «чтобы заснуть – надо тоже поработать», – Лиза парирует в духе самой Анны: «Зачем же я буду работать. Когда моя работа никому не нужна? А нарочно притворяться я не умею и не хочу» (8, 354).

Но ведь по этому же принципу живет и Анна. Признание Лизы сближает этих как будто совсем разных женщин, является

намеком на некую общность их судеб. Пошлая светская жизнь развратила и испортила Лизу, погубила чистую душу ребенка. Нравственное падение Лизы и физическая гибель Анны – это две трагедии, происшедшие по вине общества. Фальшь, ложь, интриги, злословие губят, прежде всего, правдивые души, ибо им тяжелее всего приспособляться к такому окружению. Изображая Анну натурой неординарной, писатель отмечает, что трагичность её в том, что она по природе своей, по воспитанию – носитель «семейности», но по образу жизни и условиям, в которых она находится в развращённом Петербурге, становится воплощением «бесемейности». Внутренний конфликт «семейности-бесемейности» приводит её не только к физическому уничтожению, но, что ещё страшнее, к духовной деградации и гибели души.

Княгиня Берси Тверская является своеобразным флюгером общественного мнения. Это она сначала приезжает к больной Анне и уговаривает ее принять у себя Вронского перед отъездом его в Ташкент, не сообразуясь с тем, желает этого Анна или нет не учитывая тяжесть ее положения в семье и душевное состояние. По светскому этикету Анна должна была принять человека, который стрелялся из-за нее, и теперь уезжал из Петербурга.

Но скоро Бетси, участвующая в возобновлении отношений между Анной и Вронским, отворачивается от них. Резкий поворот происходит у нее после такого, казалось бы, искреннего разговора с Облонским о положении Анны: «Весь город об этом говорит. Это невозможное положение. Она тает и тает. Он [Каренин, *ут. мое, П.Т.*] не понимает, что она одна из тех женщин, которые не могут шутить своими чувствами. Одно из двух: или увези он ее, энергично поступи, или дай развод. А это душит ее», – так оценивала, до поры до времени, она действия Каренина. Но, осознав бесперспективность своих суждений, очень скоро начинает придерживаться совершенно других взглядов. (*Уточн. автора*) (8, 498).

Бетси, убедившись, что любовь Анны и Вронского не напоминает ничем общепринятый светский роман, меняет свое мнение. Теперь она считает, что в глазах света Анна, бросившая мужа и сына и открыто живущая с любовником, стала падшей, дур-

ной женщиной. По нравственным нормам того времени женщина, открыто живущая в незаконной связи с мужчиной, не могла считаться порядочной. Перед Анной закрылись все двери, и Тверская немедленно принимает мнение света, хотя пытается оправдаться: «В меня кинут камень, – я знаю, – сказала Бетси Вронскому, – но я приеду к Анне...».

Падение Анны в глазах света давало пищу злословию. К ней не могло быть никакого снисхождения, ибо очень высокий авторитет был у нее до романа с Вронским, и слишком высокое общественное положение она занимала.

Светское общество выражает свое отношение, положительное или отрицательное, к людям таким образом: принимает ли оно их в своих гостиных, или нет. Свое осуждение «свет» демонстрирует тем, что закрывает двери своих домов перед человеком, который, в их глазах, провинился. И такое положение касается всех.

Светское общество держит всех своих членов в страхе, диктует условия каждой отдельной семье, покушаясь даже на отношения между мужем и женой. Люди высшего круга имели право проникать в чужие семьи и диктовать свои условия. Толстой изображает открытую боязнь Вари Вронской за своё отлучение от верхушки общества по причине благосклонного её отношения к Анне; показывает вынужденность Каренина во время болезни Анны принимать в своём доме и посвящать в семейные дела Бетси, выполнять её рекомендации.

Графиня Лидия Ивановна умела формировать и изменять общественное мнение. В описании ее внешности Толстой использует легкую иронию, да и весь ее образ занимает в системе женских образов романа не самое лучшее место. Писатель замечает: «...ей, в солидном преклонном возрасте, были присущи юношеская восторженность и девичья влюбчивость» (9, 94-95). Лидия Ивановна сначала любила Анну и симпатизировала ей, пока она в ее глазах оставалась высоконравственной, порядочной женщиной. После ухода Анны от Каренина графиня резко изменила свое отношение к ней и стала называть ее отвратительным человеком. Прикрываясь маской благочестия, Лидия Ивановна

способствовала дальнейшему разрушению семьи Карениных. Она ни разу даже не попыталась примирить супругов или хотя бы быть снисходительной по отношению к Анне. Чужая в семье Карениных, всю свою деятельность она направляла на то, чтобы унизить Анну в глазах мужа и сделать невыносимым и без того тяжелое положение для них обоих. Особенную бессердечность проявила княгиня по отношению к Сереже, сообщая ребенку о мнимой смерти его матери. И эта миссия формировать и изменять общественное мнение ей удастся вполне.

А истинная причина, по мнению В.Ф. Тендрякова, состоит в том, что человеческая система, в которую Толстой поместил свою героиню, представляла собой обособленное высшее сословие, состоящее из привилегированных семей. Семье принадлежали жизнеобеспечивающие средства, дающие материальные блага. Развал семьи неизбежно нес в себе «подрыв экономической базы»: наследственные имения начали бы дробиться, сам процесс наследования «утратил бы строгую определенность», стал бы запутанным, а отсюда, родовые привилегии потеряли бы свое значение, иерархическая сословная система начала бы рушиться. Но достаточно было сохранить внешнюю форму семьи, и эти опасения не возникнут¹. Из этого следует, что внутри семьи могут быть самые непрочные отношения – муж изменяет жене, жена – мужу, важно только, чтобы не дошло до полного разрыва, до разрушения узаконенного союза – и сословная система окажется невредимой. Анна сломала семью, а значит, невольно представляла угрозу той системе, к которой сама принадлежала, потому Анне мстят не отдельные люди, а система.

По мнению Толстого, лучшие люди страны – аристократы – в пореформенный период живут и действуют в сместившихся представлениях (зеркально отраженных) о добре и зле, совершая при этом (неосознанно) дискредитирующие их поступки.

Писатель настойчиво подводит к мысли, что разрушение семейного уклада в государстве происходит не только по причине

---

¹ Тендряков В.Ф. Божественное и человеческое Льва Толстого // Л.Н.Толстой и русская литературная общественная мысль. Л., 1979. С.288.

неблаговидной нравственной политики царя и его аристократического окружения, но и от той атмосферы, которая создается по каким-то неизвестным мистическим законам, способствующим возникновению «злого духа».

4. 2. О семейной свитости и разъединенности в истории семьи Карениных

Начало трагического пути Анны определено Толстым с момента встречи ее с Вронским на балу, именно тогда и обозначился на внешнем и внутреннем уровнях поворот Анны к «бессемейности».

Толстой берет в негласные свидетели Кити, увидевшую Анну и Вронского, которые на переполненном людьми балу чувствовали себя наедине, и отметившую: «...что-то чуждое, бесовское и прелестное есть в ней [в Анне, ут. мое, П.Т.]».

Голос *животной личности* в душе Анны проснулся, замеченное Кити «что-то бесовское» заняло ведущее в ней место.

Толстой высокохудожественно нарисовал процесс изменения душевного состояния Анны. Это происходило под воздействием *какой-то неведомой силы* в период возвращения Анны в Петербург.

При воспоминании о Вронском «чувство стыда усиливалось, как будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспоминала о Вронском, говорил ей: «Тепло, очень тепло, горячо». Она не отвергла эти воспоминания, а продолжала спорить с собой, со своим *вторым духовным я*, а когда состояние беспричинной радости неожиданно овладело ею, «она чувствовала, что нервы её, как струны, натягивались всё туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки. Она чувствовала, что глаза её раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыханье, и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайной яркостью поражают её. На неё беспрестанно находили минуты сомнения,

вперёд едет ли вагон, или назад, или вовсе стоит, Аннушка ли подле неё или чужая? «Что там, на ручке, шуба ли то или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?» (8, 115). «Ей страшно было отдаваться этому забытию. Но что-то втягивало в него <...>. Но потом опять всё смешалось... Мужик этот с длинною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его черным облаком; потом что-то страшно закрипело, застучало, как будто раздирали кого-то, <...> Анна вышла из вагона <...>. Согнутая тень человека проскользнула под её ногами, и слышались стуки молотка по железу» (8, 117). Мужик этот теперь будет преследовать Анну до самой смерти – это авторское воплощение злого духа, он станет являться Анне и Вронскому во сне.

Встретившись на железной дороге в снежную бурю с Вронским, Анна поняла, «...что этот минутный разговор страшно сблизил их, и она была испугана и счастлива этим». И, несмотря на то, что «мысли о доме, муже, о сыне и заботы предстоящего дня и следующих обступили её» в эту ночь, утром у Анны всё представилось в другом свете: и муж с оттопыренными ушами, и чувство недовольства собой при встрече с ним, и Серёжа казался ей лучшим и вызвал в ней «чувство, похожее на разочарование» (8, 118).

Толстой при помощи художественных средств передаёт внутренний переход героини к другой жизни. Ночью в Анне произошли изменения, но они ещё до конца не были определены. Эту неопределённость автор рисует при помощи неопределённых местоимений, которых в небольшом эпизоде оказывается семь: *какой-то* внутренний голос именно тут <...> говорил ей, *какие-то* завинчивающиеся колышки, *что-то* давит дыхание, *что-то* втягивало её, грызть *что-то* в стене, *что-то* страшно закрипело, раздирали *кого-то*. Поворот к греховности в душе Анны автор изображает словами «колеблющийся полумрак» при помощи точных и метких определений: «беспричинная радость», «мужик с длинной талией», «чёрным облаком». Слова, обозначающие действие, ещё больше нагнетают обстановку. Они показывают процесс, происходящий внутри Анны: «спорила с собой», «нервы

натягивались», «пальцы нервно движутся», «давит дыхание», «звуки поражают её», «что-то втягивает», «всё смешалось». Уже само слово «смешалось» даёт нам повод для суждения о разрушающем воздействии **чего-то** на семейное начало в Анне; можно сравнить – «всё смешалось в доме Облонских».

Толстой как психолог-аналитик мастерски прослеживает «смещение», смятение в душе одного человека – Анны, то же самое в семье Облонских, доказывая неизбежность перехода губительного воздействия, согласно законам диалектики, на всё общество. Многозначной является фраза «...вперёд едет ли вагон, или назад, или вовсе стоит...». На таком же перепутье находится судьба Анны: она не знает, в каком направлении двигаться, её как будто «бес попутал». Многозначительна и фраза «Анна вышла из вагона». Если в самом начале Толстой выделяет такую деталь, как появление Анны в проеме двери вагона, окружённой рамой, как оберегом (такой впервые увидел ее Вронский), то теперь, «выйдя из вагона», она стала незащищённой. Литературовед Г.Я. Галаган отмечает, что «мотив двери» в качестве метафорического символа вводится в роман одновременно с изменением первоначального замысла образа героини¹. Возникновение «мотива двери» помогает осознать глубину мысли Толстого, заложенной в этом эпизоде. Результат «выхода Анны из вагона» незамедлительно сказывается на ее поведении. Вернувшись домой, Анна стремится уйти в свои повседневные заботы, но тревожное состояние не оставляет её, а руководит ею изнутри. Анна будто погружается в сон, теряет способность думать и анализировать свои поступки. На даче у Бетси она дольше, чем положено, разговаривала с Вронским, что привлекло внимание общества, и это показалось Алексею Александровичу необдуманном поступком с её стороны. Попытка Алексея Андреевича сказать дома об этом жене ни к чему не привела. Супружеского разговора не получилось. «Анна говорила, что приходило ей на уста, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. <...> Она чувствовала, что **какая-то невиди-**

---

¹ Галаган Г.Я. Л.Н.Толстой. Художественно-этические искания. Л.,1981. С.135.

мая сила помогала ей и поддерживала её» (8, 187). Для Каренина, «знавшего, что всякую свою радость, веселье, горе она тотчас сообщала ему, – для него теперь видеть, что она не хотела замечать его состояние, что не хотела ни слова сказать о себе, означало многое. Он видел, что та глубина её души, всегда прежде открытая перед ним, была закрыта от него.<...> Теперь он испытал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, возвратившийся домой и нашедший дом свой запертым» (8, 187).

Толстой называет душу Анны «домом», который закрылся для Каренина, потому что там нашел себе обиталище «злой дух». Злой дух проявлял себя все чаще и чаще, изменяя Анну в своем ракурсе.

Толстой, несмотря на свою несимпатию к Каренину, показывает его в проявившейся ситуации как христианина, как мужа, отца, наделённого огромным желанием вразумить Анну. Каренин пытается объяснить Анне: «Твои чувства – это дело твоей совести; но я обязан перед тобою, перед собой, перед Богом указать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана, и связана не людьми, а Богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечёт за собой тяжёлую кару» (8, 189). Каренин предупреждает Анну о предстоящей расплате за избрание неправедного пути ею, но в его словах нет живого чувства. Скоро он сам разделит возмездие судьбы вместе с женой: покорный своей судьбе, Каренин «чувствовал, что тот «дух зла и обмана», который владел ею, овладевал и им, и он говорил с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел говорить» (8, 191). Показывая, как разрушительная сила зла, не останавливаясь ни на минуту, последовательно уничтожает семейный мир и покой Карениных, Толстой даёт название виновнику семейной катастрофы Карениных – «дух зла и обмана», а иначе бес. И эта невидимая дьявольская сила разрушала семью Карениных; эту силу Толстой сам чувствует и боится (17, 36-37).

И. Мардов в статье «Отмщение и воздаяние», с точки зрения учёного-философа, повествует о существовании некой вневре-

менной человеческой силы, низменной, агрессивной и злорадной – той, которая губит всякое движение жизни духовного я¹. Страх перед силой животной личности заставил писателя искать выход из жутких жизненных лабиринтов; образом Левина он и предлагает альтернативное решение жизненного пути, дабы противостоять мощи разрушительной силы.

Толстой, предвидя незащищенность брачных отношений от темных сил, начал роман фразой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Писатель считает плоть человеческую носителем греховной сути, способной к падению². Потому всё, что связано с телесными наслаждениями, Толстой относит к дьявольским наслаждениям. Подробно описывая внешнюю красоту Анны, её лицо с красными губами, полное тело, которое она легко несла, маленькие руки, писатель словно подчёркивал, что именно здесь слабое место, именно сюда может поселиться зло, способное разрушить жизнь и привести к смерти.

Сцену падения Анны Толстой рисует как состоявшееся убийство. «Она, глядя на него, физически чувствовала свое унижение <...>. Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишённое им жизни. Это тело, лишённое жизни, была их любовь. <...> Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этой страшной ценой стыда. Стыд перед духовной наготой своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы перед телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством. И с озлоблением <...> бросается убийца на это тело, и тащит и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи (8, 192)».

Толстой опускает описание любовных наслаждений Анны и Вронского и, не скупясь на сравнения, подробно рассказывает о чувствах стыда, опустошенности, брезгливости, которые посетили любовников после свершившегося с ними.

---

¹ Мардов И. Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы, 1998. № 6-7. С.144.

² Толстой Л.Н. Т. 45. С. 199.

Толстой выступал как враг плоти и чувственности ещё в первом своём произведении, специально посвящённом проблеме брака и семьи, в повести «Семейное счастье». Исследователь Е.Н. Купреянова отметила, что в повести «на вопрос о возможности семейного счастья Толстой категорически отвечает: да, возможно, и не в качестве исключения, а как норма человеческой жизни, свободной от обмана чувственных вожделений и других себялюбивых желаний»¹.

Писатель длительное время вынашивал мысль о том, что супруги должны подавить и преодолеть чувственное влечение, то есть заменить плотские отношения чистыми отношениями брата и сестры². Скоро он поменяет своё мнение по отношению к прежнему своему утверждению. И об этом мы узнаем из письма к Страхову от 19 марта 1870, где на его статью «Женский вопрос» писатель сообщает, что «обеими руками» подписывается под всеми его положениями, кроме одного – «отрожавшая женщина и не нашедшая мужа женщина – всё-таки женщина» и такая женщина найдёт своё дело в своей или чужой семье – как повивальная бабка, нянька или экономка³. В этом письме Толстой оправдывает проституцию, вероятно, находясь под впечатлением от творчества Шопенгауэра⁴.

Но, спустя время, писатель вновь возвращается к прежним взглядам о положении женщины в обществе. И это уже проявляется в «Анне Карениной», в сцене обеда Левина и Облонского в ресторане: Левин, презренно отнесясь к размалеванной особе, встретившей их в коридоре, говорит Облонскому о том, что не признаёт «пошлых милых созданий» и для него «все женщины разделяются на две категории: женщины и стервы» (8, 43). Уста-

---

¹ Купреянова Е.Н. Структура и эволюция типического характера в системе русского и французского реализма; «Мадам Бовари» Флобера и «Анна Каренина» Толстого // Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С.351.

² Жураковский Е. Супружеское счастье (у Льва Толстого и его современников). М., 1903. С.12.

³ Толстой Л.Н. Т.61. С.231-234.

⁴ Толстой в 70-е годы увлекался учением А. Шопенгауэра; См. Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.,1974. С.170.

ми Левина Толстой отвергает чувственные отношения между мужчиной и женщиной вне брака, не приемлет и таких отношений, в которых отсутствуют нравственные начала.

В более поздний период жизни Толстой придёт к выводу, что жениться надо не по чувственной любви, а по тому расчёту, насколько вероятно, что будущая жена станет помогать, а не мешать жить мужу целомудренной жизнью¹.

В одной из центральных сцен романа – обеда у Облонских – писатель вновь обращается к женскому вопросу. В разрешении этого деликатного вопроса принимает участие Долли, она выражает мысли Толстого о женском труде, о чем было написано Толстым в письме к философу Страхову. На вопрос Облонского «что же делать девушке, у которой нет семьи» Долли, понимая, что её муж имеет в виду артистку Чибисову, отвечает: «Если хорошенько разобрать историю этой девушки, то вы найдёте, что эта девушка бросила семью, или свою, или сестрину, где бы она могла иметь женское дело» (8, 427). По мнению Долли, женщина, если не вышла замуж, может иметь женское дело в семье родственников, помогать кровным родным в воспитании их детей или стать помощницей в доме родителей.

И это было мнением Толстого, который сам был противником приглашения кормилиц для своих детей, требовал от Софьи Андреевны, чтобы она не прерывала беременности даже в то время, когда она из-за состояния здоровья не желала рождения детей.

Софья Андреевна именно **это** считала началом разлада их семейных отношений, потому что излишняя принципиальность мужа угнетала состояние ее духа, пагубно воздействовала на здоровье. Воспитанная в семье врача, Софья Андреевна подходила к своим женским проблемам с материалистических позиций, Лев Николаевич усматривал в этих проблемах религиозный смысл, что впоследствии сыграло свою печальную роль в их семейной жизни (21, 545-546).

---

¹ Соловьев А.Е. Отрицает ли Толстой семью и брак (по поводу «Крейцеровой сонаты»). М., 1993. С.261-269.

О взаимоотношениях мужа и жены Толстой снова возобновляет разговор в послесловии к «Крейцеровой сонате». Писатель ратует за духовный или спиритуалистический, сверхчувственный брак, при котором муж остаётся, точнее, стремится остаться женихом, а жена – невестой¹. Отношение к супружеству у Толстого освещено каким-то светлым ореолом, он желал видеть святость в брачных отношениях, внутреннюю гармонию между мужем и женой.

Такая философия Толстого относительно назначения брака определяется как «...симбиоз двух, условно говоря, бесполок существ, питающихся духовным общением, которые, помогая друг другу, пытаются освободиться от бремени земной жизни с целью проникновения в мир абсолютного добра и правды»². Оттого в иерархии ценностей писатель и приравнивает семью к Добру, Истине, Богу. Для него все начала и концы идут из семьи и в семью, которую необходимо сохранять, ограждать от внешних влияний, стремиться к укреплению ее основ.

Толстой обращает свой взор к человеку как высшему творению Господа, настойчиво проводя разграничение между духом и человеческой плотью. Это разграничение проявляется у него в противопоставлении созидательной, смиренной и почти, в прямом смысле слова, целомудренной любви Левина и Кити и разрушительной, иступлённо чувственной страсти Анны к Вронскому. Объектом резкого осуждения со стороны писателя является постоянное желание Анны любовных наслаждений, которая сама заявляет, что она не хочет и не может быть никем, кроме как любовницей Вронского, страстно желающей его ласки.

Исследователь М.С. Громека утверждал: «Анна умерла потому, что в ней угас источник жизни, в ней умерла любовь. Анна

---

¹ Соловьев А.Е. Отрицает ли Толстой семью и брак. Послесловие к «Крейцеровой сонате». М., 1893. С.165.

² Коста Солев. За что и почему Толстой полюбил «Душечку» (новое о Толстовской версии чеховского рассказа) // Молодые исследователи Чехова. М., 1998. С.298.

разлюбила всё, кроме своего прелестного тела и в нём тела красивого чувственного Вронского»¹.

Действительно, гибель Анны предопределила её слепое стремление к телесному, физическому единению с Вронским. Преступление Анны не только в том, что она бросила мужа и сына, но и в том, что она не захотела создать новой семьи. На протяжении почти всего романа Анна – лишь рабыня страсти. Грех Анны, наверное, мог бы быть прощён, если бы она стала настоящей матерью и оплотом семьи, но она эту возможность упустила сознательно. Биологически Анна действительно стала матерью, но стать настоящей матерью, собрав воедино черты няньки, кормилицы, воспитательницы – не захотела.

Долли одна из первых сочувствует Каренину из-за распада их с Анной семьи, зная о тех трудностях, которые больше всего придётся испытать Серёже. Жертвенность – Долли, её желание раствориться в детях, вырабатывают в ней любовь и чуткость ко всем людям. Только по одному ответу на вопрос Анне: «Сколько зубков у Анечки?» (на который Анна затруднилась ответить) Долли поняла весь ужас ее нового положения.

Толстой не случайно соединяет Долли с Вронским, который перед ней открывает тайники своей души. «Мы соединены самыми святыми для нас узами любви. У нас есть ребёнок, у нас могут быть дети ещё. Но закон и все условия нашего положения таковы, что <...> я не могу не видеть. Моя дочь по закону – не моя дочь, а Каренина. <...> И завтра родится сын, мой сын, и он по закону Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния, и как бы мы счастливы ни были в семье, и сколько бы у нас ни было детей, между мной и ими нет связи. Они Каренины. Вы поймите тягость и ужас этого положения!» (9, 248). Вронский просит Долли воздействовать на Анну, чтобы она согласилась на развод с Карениным. Долли, видя неестественность и игру Анны в ее взаимоотношениях с Вронским, чувствуя тяжесть этих от-

---

¹ Громека М.С. Критический этюд по поводу романа «Анна Каренина». 6-е изд. М., 1881.

ношений, устаёт от всего этого и желает быстрее уехать к своим детям, где она ощущает себя счастливой.

Анна в начале романа искренне любит сына и проявляет большой интерес к его воспитанию. Она, выросшая в патриархальной Москве, впитавшая в себе старые русские традиции, вносит их в жизнь великосветской столичной семьи. Но если до встречи с Вронским от общения с сыном она «испытывала почти физическое наслаждение в ощущении его близости и ласки и нравственное успокоение, когда встречала его простодушный, доверчивый и любящий взгляд и слышала его наивные вопросы», то теперь материнские чувства поглощаются в Анне чувством страстной любви к Вронскому. При этом любовь к сыну ещё сохраняется в глубине души воспоминаниями о далёком спокойном этапе её семейной жизни. Любовь к дочери, которая, казалось бы, должна быть сильнее, чем к сыну, практически отсутствует в ней. И этот процесс подавления материнских чувств у Анны Толстой раскрывает не сразу.

Также во время встречи Вронского и Анны на даче Карениных Толстой отмечает неприязненное отношение и Вронского к Серёже. Вопрошающий взгляд мальчика вызывает во Вронском чувство отторжения к нему. «Присутствие этого ребёнка всегда и неизменно вызывало во Вронском то странное чувство беспричинного омерзения, которое он испытывал в последнее время» (8, 220). Только беспредельный эгоизм, какой был у Вронского, мог вызывать такое чувство к ребёнку любимой женщины.

Для Анны мальчик «чаще всех других был помехой их отношений» (8, 220). Она чувствовала, что сын стал между Вронским и ею и что она не в состоянии также отдавать свою любовь сыну, как это было раньше, и сын тоже это чувствовал. При этом Анна чувствовала, что сын, её любовь к нему – это единственное спасение от роковой и губительной преступной любви. Желая разорвать запутавшиеся отношения с мужем и Вронским, она, как за соломинку, хватается за сына. Но это желание длится в ней недолго. «...Она вспомнила ту, отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную, роль матери, живущей для сына, которую она

взяла на себя в последние годы, и с радостью почувствовала, что в том состоянии, в котором она находилась, у ней есть держава, независимая от положения, в которое она встанет к мужу и к Вронскому. Эта держава был сын» (8, 340). Анна страдает, мечется, решает уехать с Серёжей и от мужа, и от любовника, но не исполняет этого...

Однако как ни сильна была ее любовь к сыну, при выборе между ним и Вронским, она предпочла Вронского.

Оставив мужа и сына, она с Вронским и дочерью уехала за границу. Казалось бы, потеря сына, рождение дочери должны были развить материнские чувства Анны, однако происходит обратное. Любовь к дочери практически сходит «на нет». А любовь Анны к сыну Толстой сравнивает с приливами. Так, отмечая, что одной из причин возвращения Анны в Петербург была её любовь к сыну и желание его увидеть, писатель в то же время подчёркивает: «Во время разлуки с ним и при том приливе любви, который она испытывала всё это последнее время, она воображала его четырёхлетним мальчиком, каким она больше всего любила его» (9, 119-120). Физическая потеря сына повлекла за собой и потерю духовного с ним общения. Тем не менее, новая любовь оказалась сильнее материнских чувств. Символичен эпизод в романе, когда Анна, рассматривая фотокарточки Серёжи, самую лучшую из них вытаскивает из альбома карточкой Вронского.

Разлука с сыном не лишает Анну ощущения счастья, потому что в новой жизни, которую она выбрала, не было для него места. Отношение Сережи к ней тяготит и волнует её: «Ведь он вырастет, презирая меня, у отца, которого я бросила. Ты пойми, что я люблю, кажется равно, но обоих больше себя, два существа – Серёжу и Алексея <...>. Только эти два существа я люблю, и одно исключает другое. Я не могу их соединить, а это мне одно нужно», – признается она Долли (9, 243).

Взгляды Анны на материнство шокируют Долли, которая сомневается в нравственности и обоснованности их. Узнав, что Анна не хочет больше иметь детей, которые, по её мнению, будут отдалять её от Вронского, Долли поразила ее смелости и пожа-

лела её как женщину, которая не понимает, что одна только любовь и цветущий внешний вид не удержат мужчину.

Толстой противопоставляет истинные материнские чувства Долли чувствам Анны к своим детям, которые вызывают всё время сомнения. Чувство материнской гордости за детей, присутствующее Долли, совсем отсутствует в Анне. Анна-женщина предстает у Толстого в роли разрушительницы семьи, что символизирует глубокий разрыв человека и природы, бесперспективность существования рода человеческого. А причины возникновения подобных аномальных явлений в обществе, где женщина попирает своё изначальное, природой заложенное предназначение, автор видит в изменившемся строе пореформенной России. Экономические преобразования, пагубно влияющие на людей, могут привести все общество к нравственной гибели, апокалипсису, о чем Толстой предупреждает эпиграфом к роману: «Мне отмщение, и Аз воздам».

***

Жизнь своих героев Толстой условно делит на две части: светлую и тёмную. Светлая сторона обусловлена тем добром, которое несёт человек людям, тёмная заключает в себе силы зла, что тяготеют над человеком и подчиняют его себе. Неправедная жизнь ассоциируется у Толстого со злом, тьмой, со смертью. Трансформация образов «света» и «тьмы» в романе «Анна Каренина» рассматривалась в работе литературоведа Э.И. Денисовой «Образы «света» и «тьмы» в романе «Анна Каренина»¹. Необходимым и важным компонентом, в котором заключается ключ к пониманию общей идеи романа, Денисова считает цепочку: **Свет – Любовь – Жизнь – Бог**. Бог несёт **Свет, Любовь и Жизнь**. Именно этой проблемы касался в своей работе исследователь З. Хайнади, который заметил, что «*зло* у Толстого нефигуративно», то есть неощутимо. Левин подчиняется «уму» «ума», Анна же следует своим чувствам, «уму сердца», но оба они при-

---

¹ Денисова Э.И. Образы «света» и «тьмы» в романе «Анна Каренина» // Яснополянский сборник. 1980. Тула, 1981. С.103.

ходят к мысли о самоубийстве под воздействием абстрактных сил. Толстой дает в романе «синтез трагической русской жизни своего времени»¹. Хайнади утверждает, что проблема жизни и смерти лежит в русле романа.

Литературоведы И.Г.Фролов² и Н.В. Живолупова³ считают проблему смерти в романе Толстого сквозной и определяющей. Заявленный в исходной ситуации мотив смерти, изначально носивший пророческий характер, постепенно выходит из подтекста и образует ситуацию «смерти-родов» Анны.

Известно, что Ф.М.Достоевский в своём «Дневнике писателя» дважды обращался к этой сцене болезни Анны, считая главу 17 четвёртой части смысловым узлом романа и его вершиной.

В отличие от критики 70-х годов, называвшей Толстого за этот эпизод «полумистическим мыслителем», видя в нём «произвол» и «преднамеренность»⁴, Достоевский стремится передать общий смысл этой сцены, которая в сюжетной канве романа содержит величайшую значимость, раскрывает смысл человеческого бытия. «Ненависть и ложь заговорили словами прощения и любви», суэта, «тупые светские понятия « отошли на задний план, «мелкие, ничтожные и лживые люди» стали вдруг «истинными и правдивыми», потому что они поняли великую жизненную правду, в которую надо верить и к которой надо стремиться⁵.

История семейных отношений Каренина и Анны показана Толстым как общечеловеческая и сверхчеловеческая история воскрешения и гибели духовного «я» в душах людей. Здесь, считает Страхов, Толстой задаёт вопрос самому себе и Богу⁶. Исследуя это суждение, мы обращаемся к учению Толстого о двух ду-

---

¹ Хайнади Золтан. О природе трагического в романе «Анна Каренина» Толстого: Автореф. дис... канд. филолог. наук. М., 1980. С.15.

² Фролов И.Г. О жизни смерти и бессмертии // Вопросы философии. № 2. 1983. С.52-64.

³ Живолупова Н.В. Смысловый комплекс «Жизнь – смерть – бессмертие» в художественном сознании трех русских писателей (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов) // Жизнь. Смерть. Бессмертие: Мат. науч. конф. СПб., 1993.

⁴ Критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1903. Ч.8. С.199.

⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 476 с.

⁶ Страхов Н.Н. Толки о Толстом. М., 1883. С.103.

шах, о том, что *духовное я* и *животная личность* живут порозному. Девиз животной личности – «она моя», «я так хочу», её любовь эгоцентрична. Любовь духовного я выражается в стремлении отдать себя, быть *его* другим я и знать: «я – твоя». Животная личность желает брать и покорять в любви и потому пребывает в состоянии борьбы (17, 99). Духовное я пробуждается у постели умирающей Анны у Вронского и Каренина. «Ждали конца каждую минуту. Вронский уехал домой, но утром приехал узнать, и Алексей Александрович, встретив его в передней, сказал: «Оставайтесь, может она спросит вас...». <...> На третий день <...> доктор сказал, что есть надежда...». Объяснение Каренина с Вронским было необходимо: «Алексей Александрович, – сказал Вронский, чувствуя, что приближается объяснение, – я не могу говорить, не могу понимать. Пощадите меня! Как вам ни тяжело, поверьте, что мне ещё ужаснее. Он хотел встать. Но Алексей Александрович взял его за руку» (8, 454). Толстой показывает момент, когда Каренин, обманутый муж, протягивает руку любовнику своей жены, своему сопернику, разорителю своего семейного гнезда и открывает ему душу: «...я увидел её и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность<...>. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю Бога только о том, чтобы он не отнял у меня счастье прощения! – Слезы стояли в его глазах, и светлый, спокойный взгляд их поразил Вронского. – Вот моё положение. Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину её и никогда слова упрёка не скажу вам, – продолжал он. – Моя обязанность ясно начертана для меня: я должен быть с ней и буду...» (8, 459). В этой сцене действуют уже не люди, а «высшие существа», писал об её участниках Достоевский¹.

Толстой, говоря о супругах Карениных, отмечает, что поженились они, не зная взаимной любви. То была «ошибка», пояснял Стива Облонский. В результате этой «ужасной ошибки» Анна полюбила Вронского. Это, по словам Стивы, был «факт». Но было, оказывается, в их супружеской жизни то, чего не знал Стива.

---

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 476 с.

Только в сцене «смерти-родов» становится известно, что Каренин «всю жизнь свою хотел следовать идеалам Нагорной проповеди». Ранее нам Толстой об это не поведал, как не поведал и о том, о чём, по-видимому, и нельзя было рассказать. Мардов называет это явление в Анне и Алексее Александровиче «сокрытой духовной связью», образовавшейся в них и бывшей «прежде», называющейся *супружеской связью духовных я* в их душах»¹. Оказывается, что в супружеских отношениях Карениных была не только фальшь, (которую заметила Долли), по мнению Мардова, «от неприятия друг другом их животных личностей», но была и «святость на глубинном уровне их духовных я»². Толстой замечает, что сам Каренин «не знал своего сердца», но за него знала его сердце жена, знала в силу этой сокрытой от всех их духовной святости. «Он – святой», – говорит о нём Анна. Духовное *я* воскресло в Анне. Это воскресение супружеской одухотворённости, сплочённости их «духовных существ», живущей в них «прежде», но поруганной ею (оттого ей и «тяжело стало»), проявилось именно в критический момент. «Сцена прощения» – это сцена, в которой обнаруживается метафизическая (и даже мистическая) связь душ супругов Карениных. Такая связь, по мнению философа Мардова, обеспечивается «не таинством брака и не восторгом влюблённости, а неприметно наживаемой связью «высших существ в душах мужа и жены»³. Мардов поясняет: «... никогда не знаешь, состоялась ли эта связь или нет. Наступает момент, и она обнаруживается в супружеской жизни. Или никогда при жизни так и не проявляется»⁴. Связующую нить между мужем и женой, то невидимое соединение, что делает их единой плотью и духом, Толстой сумел понять, ощутить у Карениных, хотя они сами не знали, что связаны таким образом. И в этом, явленном духовном единении супругов, есть, как любил говорить Толстой, «рука хозяина», которую каждый из них ощущает по той могучей метафизической силе взаимной ответственности, которая держит их ду-

---

¹ Мардов И. Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 153.

² Там же. С.154.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 155.

ши вместе и не отпускает их друг от друга. И Анна, и Каренин в минуту откровения любви духовных существ вполне узнали эту силу в себе. «Он стоял на коленях и, положив голову на сгиб её руки, которая жгла его огнём через кофту, рыдал, как ребёнок. Она обняла его плешивеющую голову, подвинулась к нему и с вызывающею гордостью подняла кверху глаза: – Вот он, я знала! Теперь прощайте все, прощайте...» (8, 529) (*курсив автора*).

Но вскоре они разрушили ту сплочённость, которую духовные *я* образовали в них и ими. В сплочённости, которую они посмели разрушить, считает Толстой, присутствует Бог. Поясняя это событие, Мардов говорит: «Тут не вина прелюбодеяния, не супружеская измена, а измена Богу, духовная измена нарушения замысла Бога на человека». Отсюда становится ясно – за что им отмщение от Бога: не будь духовной свитости Анны и Каренина, не было бы, возможно, и вины Анны перед Богом, не было бы и отмщения. Духовное существо Анны связано с мужем, а её животная личность с её любовью-страстью – замкнута на другом Алексее. Облик животной личности мужа стал отвратительным для Анны, оттого что «он мертвит её земную личность, а Вронский эмоционально оживляет ее»¹. Но с Вронским у Анны не может быть духовной свитости, а с мужем они завязаны в такой узел, развязать который не дано человеку. Во сне, когда Анна не имела власти над своими мыслями (ей каждую ночь снился один и тот же сон), она видела, «... что оба Алексея, вместе, были её мужья, что оба расточали ей ласки. <...> И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидение, как кошмар, давило её, и она просыпалась с ужасом» (8, 343).

Неестественное положение Анны Толстой рисует как сон, как ирреальный мир, где все не так, как у живых на земле людей. Эта ситуация нужна Толстому, потому что она наиболее ярко высвечивает трагедию изначальной раздвоенности, заложенной во

---

¹ Мардов И. Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 155.

внутренней жизни человека. Устами Анны Толстой говорит об этих двух «я» внутри человеческой души. «*Я всё та же... Но во мне есть другая, я её боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся*» – говорит Анна в предсмертном бреду (8, 452) (*курсив автора*).

Как видим, в напряженный, критический момент Анна ощущает в себе присутствие «злого духа»: она сама говорит об этом – «*та не я*». И в разговоре с братом Анна сообщает о себе уже после болезни, что она «*хуже, чем погибла*». Толстой показывает, что Анна осознает весь трагизм своего положения, демоническое присутствие в ней самой *того*, что она не в состоянии победить, изгнать из себя. «*Я – как натянутая струна, которая должна лопнуть*» – предчувствует гибель духовного *я* Анна (8, 468). Толстой считает, что трагедия Анны содержится в самом строении человеческой души, в которой вместе обитают два человека, способные противостоять друг другу. Даже говоря о Каренине, Толстой отмечает, что у постели умирающей жены Алексей Александрович стал высшим существом «не сам по себе», а под прямым воздействием *того*, что неведомо как произошло в душе его жены. *Её* состояние сообщилось *ему*, по *только для них двоих существовавшему каналу духовной связи, и дало им двоим высочайшее благо*. Воскресение духовного *я* Анны, объясняет Толстой, было рождено ощущением близости смерти, и как только опасность миновала, Каренин заметил, что она тяготится им. Вскоре Анна скажет Вронскому: «Да, ты овладел мною и я твоя...» (8, 476). Оставшись один, Каренин понимает, что не в силах более выдержать роль твердости и спокойствия. «Он почувствовал, что ему не выдержать того всеобщего напора презрения и ожесточения, которые он ясно видел на лице <...> приказчика, и Корнея, и всех без исключения, кого он встречал в эти два дня. Он чувствовал, что не может отворотить от себя ненависти людей, потому что ненависть эта происходила<...> оттого, что он постыдно и отвратительно несчастлив. Он чувствовал, что за это, за

то самое, что сердце его истерзано, они будут безжалостны к нему. Он чувствовал, что люди уничтожат его, как собаки задушат истерзанную, визжащую от боли собаку. Он знал, что естественное спасение от людей – скрыть свои раны...». Толстой сам в ужасе перед этой метафизической силой, силой совокупной животной личности, которая безраздельно правит в мире людей и которая, как объяснено в его работе «В чём моя вера?», есть главное зло этого мира.

В разрушении семьи Карениных Толстой более всего усматривает деяния «вневременной человеческой силы, низменной, агрессивной и злорадной, той, которая с радостью губит всякое движение жизни духовного я¹.

Современники Толстого осознавали глубину видения им структуры человеческой души: «Серьёзность Вашего тона просто страшна, – писал Страхов Толстому в марте 1877 года, – такого серьёзного романа ещё не было на свете»². Толстой ощущал не только пагубное влияние на сознание и духовное состояние людей событий пореформенного времени, но и неотвратимость противостояния метафизической силе зла, которая воздействует на душу всякого человека разрушительно. И как следствие этого, писатель показывает мучительный и опасный путь Анны, на который она становится после ухода из дома.

Существование Анны и Вронского, изображенное Толстым, по внешним приметам поразительно похоже на подлинную семейную жизнь, но эта похожесть зеркала, она мертвенна, что становится ясно на фоне изображения настоящей семейной жизни Левина и Кити. «Семья Анны-Вронского» организована теми же вариациями лейтмотива «бессемейности», что и исходная сюжетная ситуация семьи Облонских: мотива лжи, притворства, одиночества и непонимания.

---

¹ Мардов И. Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы. 1998. №6. С.158.

² Толстовский музей. Переписка Толстого со Страховым. 1870-1894. СПб., 1914. Т.2. С.138.

4.3. Реальное и мистическое на пути становления семейной жизни Левина и Кити

Линия Левина в «Анне Карениной» – это воспоминание о счастье молодого семейства Толстых.

Женитьба Левина и Кити представлена Толстым в романе альтернативой двум неудачным бракам Анны Карениной.

Отношения Левина и Кити проходят несколько этапов и складываются постепенно. Сначала Толстой показывает идеальную, романтическую любовь, в которой Левин обожествляет Кити, потом период сватовства и жениховства и, наконец, свадьбу и семейную жизнь. Писатель передаёт чистоту и серьёзность своего героя в его намерениях: в мечтах Левина, его искренних чувствах Толстой ни разу не отмечает его плотских вожделений к предмету своей любви. Мысли Левина о Кити очень чисты и возвышенны.

Об отношениях Левина к Кити известно всем окружающим их людям, все знают и ощущают искренность и неподдельность его чувств. Апогеем любви стала сцена объяснения Левина и Кити, высокохудожественно нарисованная Толстым: Левин пишет мелком на карточном столе начальные буквы слов, обозначающие его мысли, а Кити чутьём угадывает слова и их значение. Именно такое объяснение в любви произошло в жизни Льва Николаевича и Софьи Андреевны¹.

Показывая любовь, пробуждающую самые светлые и благородные стороны души Левина, автор отмечает стремление героя быть достойным своего идеала. И любовь Левина достигает своей вершины в день свадьбы.

В сцене венчания изображен важный момент «обнародования» события начала совместной жизни Левина и Кити, соучастие и сопереживание при религиозном обряде образования семьи всех присутствующих. Но именно в момент счастья Толстой не забывает напомнить о предстоящих трудностях семейной жиз-

---

¹ Апостолов Н.Н. Жизнь гениев. Живой Толстой. СПб., 1995. С.112.

ни невесты, будущей жены, вкладывая в уста случайных людей, присутствующих в церкви, слова, выражающие грусть и сочувствие к ней: «Эка, милочка, как овечка убранный! Как ни говорите, а жалко нашу сестру», – с явным сожалением говорили между собой женщины (9, 19).

О трудностях, которые непременно возникнут сразу же после рубежа – свадьбы, знала каждая замужняя женщина, и, вероятно, потому у Толстого вся женская половина с особым волнением и грустью воспринимала церковный обряд венчания молодых.

Чувствуя всеобщую напряженность, пытаюсь оградить Кити от посторонних сопереживаний, ее сестра, графиня Львова, словно защищаясь, шепчет графине Нордсон: «...мы все покорные жёны, это у нас в породе». В этой характеристике Львовой заключено представление Толстого об идеальной жене как «покорной жене». Именно такими были у него все жены из образцовой семьи Щербацких.

Писатель в романе постоянно подчеркивал, что формирование семьи – это великий труд. И, действительно, долгожданная семейная жизнь для Левина начинается с разочарования в представлениях о семейном счастье. «Несмотря на то, что Левин полагал, что он имеет самые точные понятия о семейной жизни, он, как все мужчины, представлял себе невольно семейную жизнь только как наслаждение любви, <...>, но он <...> забывал, что и ей надо работать...» (9, 57).

Это заблуждение Левина было близко и понятно самому Толстому, его дневниковые записи – свидетельство тому. 24 сентября 1862 года была свадьба Льва Николаевича и Софьи Андреевны. В этот день Толстой записал в дневнике «...В день свадьбы страх, недоверие и желание бегства. Торжество обряда. <...> Ясная Поляна. <...> Ночь. Тяжелый сон. Не она» (21, 242). 30 сентября. «Ее люблю все так же, ежели не больше...» (21, 243). 14 октября. «Было у нас еще два столкновения <...>. Я еще больше и больше люблю, хотя другой любовью, были тяжелые минуты... Нынче я пишу оттого, что дух захватывает, как я

счастлив...» (21, 244). 15 октября. «<...> мне становится тяжела эта праздность. Я себя не могу уважать. <...> Мне все досадно и на мою жизнь и даже на нее...» (21, 244).

Толстой постоянно заостряет внимание на том, что процесс начального становления семейной жизни сложен и противоречив, оттого что происходит слияние двух семейных жизненных укладов, в которых жили молодые до женитьбы.

Притирка характеров, неумение на первых порах понять друг друга, вызывали в жизни молодых супругов непонимание и огорчение. Левина раздражала мелочная озабоченность Кити, пытающейся создать уют в доме и, как ему казалось, думающей только о быте. Он видел, и это ему не нравилось, что Кити постепенно оттесняла от всех обязанностей Агафью Михайловну, пожилую экономку, доброго советчика и друга Левина. Ему не нравилось, что Кити меняла порядки в доме, которые складывались годами и были дороги ему. Чувство досады не покидало его и тогда, когда он видел «щербацкое засилье» в своём доме, установление «гостями» новых, неизвестных ранее ему правил.

Показательной в этом плане является сцена варки варенья. Несмотря на то, что за эту сцену Толстого неоднократно критиковали, как далеко не совершенную в художественном плане, для нас она интересна отображением момента *процесса притирки* двух семейных укладов, Левиных и Щербацких, происходящей с большим напряжением душевных сил как с одной, так и с другой стороны.

В семье Левиных шла заготовка ягод на зиму. Варилось варенье «<...> по новой для Агафьи Михайловне методе, без прибавления воды. Кити вводила эту новую методу, употреблявшуюся у них дома. Агафья Михайловна, выполнявшая это дело, считала «... то, что делалось в доме Левиных, не могло быть дурно: всё-таки налила воды в клубнику и землянику, утверждая, что это невозможно иначе, и была уличена в этом, теперь малина варилась при всех...». Княгиня Щербацкая, теща Левина, присутствующая здесь, чувствовала, что «на неё, как на главную советчи-

цу при варке варенья, должен быть направлен гнев Агафьи Михайловны, старалась делать вид, что она занята другим...» (9, 154). Толстой изображает внутреннее неприятие одной семьей, того, что в другой считалось нормой, и это как раз вызывало чувство недовольства друг другом. Взаимопроникновение двух семейных систем, стирание граней между ними, по мнению Толстого, является одним из самых болезненных этапов становления новой семьи Левина. Именно в этот начальный период определяется путь дальнейшего существования семьи, требующий дополнительных душевных усилий и даже мужества с обеих сторон. А суть была в том, чего Левин не понимал и не видел – Кити-хозяйка начинала «вить своё гнездо»¹.

Процесс перехода Левина в статус свояка и зятя тоже оказался нелегким. Обращение к теще для Левина становится очередным испытанием: он «никогда не называл княгиню татап, как это делают зятья, и это было неприятно княгине. Но Левин, несмотря на то, что очень любил и уважал княгиню, не мог, не осквернив чувства к своей умершей матери, называть её так» (9, 159). Это привыкание к изменившемуся положению было мучительным не только для новоявленного зятя, но и для тёщи. Левин не понимал: почему княгиня, видя его любовь к Кити, заботу и уважение к ней как к матери Кити, внимание к Долли с её детьми, грустно вздыхает, хочет уехать от них под предлогом пожелания тестя, «что молодых надо оставлять одних на первое время» (9, 171).

И тут Толстой поясняет ситуацию: «...как ни хорошо было княгине у дочери, как она ни чувствовала себя нужною тут, ей было мучительно грустно и за себя, и за мужа с тех пор, как они отдали замуж последнюю, любимую дочь, и гнездо совсем опустело» (9, 172). Писатель указывал на окончание жизненного цикла князя и княгини, которые выполнили свой основной

---

¹ Агафья Михайловна (1812-1896) бывшая горничная бабки Толстого Пелагеи Николаевны (из записок И.М. Ивакина) // Неизвестный Толстой в архивах России и США. С. 120; Толстой вводит Агафью Михайловну в роман в качестве экономки в доме Левина...

долг по отношению к детям. Осознавать им это было, конечно же, тяжело.

То, что для князя и княгини Щербацких было ясно и понятно, для начинающего же семейную жизнь Левина – только предстояло пережить.

Через множество испытаний проводит своего женатого героя писатель, и главные из них – это испытание ревностью, верностью, любовью.

Самым болезненным и трудным явлением оказалась для Левина появившаяся в нем ревность. Ревность, возникшая стихийно, как болезнь, изматывающая душу, превратилась для него в бурный протест против присутствия в его доме человека, которому он не мог доверять.

Васенька Весловский, приехавший вместе со Стивой в гости к Левину, стал, как это было принято в светском обществе, ухаживать за Кити. Левин, заподозрив неладное, без всяких церемоний выгоняет прилипчивого гостя из своего дома¹. Толстой показал способность и готовность Левина защитить жену, свой дом от «влияний извне», чего не сумел сделать Каренин в своей семье.

Испытание верностью проходило для Левина также нелегко. Новые отношения, возникшие у него со Стивой, приняли какой-то тайный враждебный характер, «как будто с тех пор, как они были женаты на сёстрах, между ними возникло соперничество в том, кто лучше устроил свою жизнь, и теперь эта враждебность» проявлялась открыто в разговоре, затеянным Стивой.

«– Разве я не вижу, как ты себя поставил с женою? Я слышал, как у вас вопрос первой важности – поедешь ли ты или нет на два дня на охоту. Всё это хорошо как идиллия, но на целую жизнь этого не хватит. Мужчина должен быть независим, у него есть свои мужские интересы. Мужчина должен быть мужественен, – сказал Облонский <...>.

– То есть что же? Пойти ухаживать за дворовыми девками? – спросил Левин.

---

¹ Семейная хроника. Ильи и Светланы Толстых // «Ясная Поляна» 1997. № 2. С.137. Рафаил Алексеевич Писарев (1850-1906) стал прототипом Васеньки Весловского.

– Отчего же и не пойти, если весело <...>. Жене моей от этого не хуже будет, а мне будет весело. Главное дело – блюда святыню дома. В доме, чтобы ничего не было. А рук себе не завязывай» (9, 201-202).

Испытание Левина верностью у Толстого имеет два плана и подтекст. Первый план определяет прямое значение – отношение Левина к супружеской верности. **Что** для Стивы очередное развлечение вне дома, **это же** Левин не может принять, потому что он не желает обманывать жену, для него обман есть обман самого себя, а Левин не изменял себе ни при каких обстоятельствах.

Второй план – это отказ от пути становления животной личностью, желающей удовлетворить плотские потребности. Его выбирает Стива, этим путем идет после встречи с Вронским и Анна. Левин же стремится на своем пути к постижению смысла жизни, осознанию своего предназначения в ней. Он не может переступить через внутренний закон, который есть в нем, и потому он ближе к истине.

Однако до постижения Истины Левину еще далеко.

Женившись на любимой женщине, Левин понимает: **то, что** тревожило его душу до брака, не покинуло ее и продолжает жить в нем: долгожданный покой, к которому он так стремился и все время рисовал в своих мечтах, не наступил. Женитьба Левина не принесла гармонии в его внутренний мир. Ни взаимоотношения с Кити в период ожидания ребёнка, ни забота о ней не принесли Левину должного умиротворения, его продолжал волновать и мучить вопрос: «Зачем всё это делается?». Левин пытается объяснить свое предназначение, смысл жизни на земле.

Испытание любовью не делает Левина счастливым, более того, происходит дальнейшее разочарование в жизни. Состояние безысходности, трагического ожидания **чего-то** постоянно ощущалось и нагнеталось внутри него.

В этом плане символическое значение приобретает глава «Смерть» – единственная в романе глава, имеющая название.

Писатель соотносит смерть Николая Левина в романе с событиями, непосредственно происходящими в семье Толстых.

Умершие от туберкулёза в молодом возрасте братья Льва Николаевича Николай и Дмитрий, с одной стороны, открыли трагическую страницу в его жизни, с другой, способствовали осознанию им важнейших явлений бытия. Свое состояние души в связи с кончиной брата Николая, умершего у него на руках, Толстой передает в сцене смерти Николая Левина. Писатель воплотил в образе Николая Левина историю жизни брата Дмитрия и историю последних дней брата Николая, обнажив, таким образом, свои потаенные мысли и чувства. Толстой подробно описывает последние дни его жизни, в которые он отчаянно боролся за жизнь, безумно надеялся на исцеление и страстно молился Богу.

Николай Левин жил чувственной жизнью, забыв Бога и христианские заповеди. Беспорядочная бессемейная жизнь, сожительство с женщиной, находившейся ранее в публичном доме, нежелание поддерживать родственные отношения со своими родными братьями, приближение к себе чужих людей и общение с ними не принесли счастья Николаю и доставляли огорчение его брату Константину Левину. Как следствие безбожной жизни, Толстой показывает смерть Николая в грязном номере гостиницы. Николай Левин не приобрёл ничего: ни дома, ни жены, ни детей. Грешная любовь с Марией Николаевной не дает счастья ни ему, ни ей и не способствует созданию нормальной семьи. Отчужденность Марии Николаевны у постели умирающего Николая сразу бросилась в глаза Константину и Кити. Она боится его перевернуть, не знает, что ему сделать и как помочь. Роль сиделки здесь выполняет Кити.

Кити понимает брата своего мужа сердцем и помогает ему, Николай за это благодарен ей. Мария Николаевна же, несмотря на близкие отношения с Николаем, исполняет в этой ситуации лишь роль прислуги. И причина здесь не в сословном различии, а в отсутствии духовной близости между ними.

Перед смертью Николай обращает свой взор к Богу, прося его о спасении, но это обращение не являлось его внутренней потребностью, а происходило от корыстной жажды исцеления.

Трагедия Николая Левина – это своего рода предостережение: такова участь всех, кто отворачивается от Бога и попадает под власть чувств и ложных идей. Эта смерть не случайно предшествует гибели Анны. В судьбе Николая, как в кривом зеркале, отражается судьба Анны.

На образе Николая писатель раскрывает тему падшей личности, незащищённой родственными отношениями. Но именно смерть брата Николая стала для Левина началом обретения веры в Бога. Писатель изображает момент обращения к **Нему** Левина, присутствующего на переходном рубеже брата между жизнью и смертью. Находясь у постели умирающего Николая, Левин независимо от себя начинает молиться Богу, прося спасти брата и его самого. И **Тот**, кого просил Левин, услышал его молитву, не прекратил жизнь, а дал её продолжение рождением ребёнка в его семье.

Толстой считает, что рождение ребенка – есть еще один рубежный момент на пути Левина к осмыслению им **основного вопроса**, не переставшего его мучить. В минуты душевного высочайшего напряжения, в период ожидания рождения ребенка Левин снова начинает молиться: «Господи, помилуй! прости, помоги! – твердил он как-то вдруг неожиданно пришедшие на уста ему слова. И он, неверующий человек, повторял эти слова не одними устами. Теперь, в эту минуту он знал, что все не только сомнения его, но та невозможность по разуму верить, которую он знал в себе, нисколько не мешают ему обращаться к Богу» (9, 3). Левин понимал, что стал свидетелем **чего-то**, ему ранее неизвестного, связанного с силами высокими, недоступными пониманию земного человека. Но **то**, что происходило с Левиным у двери комнаты, где рожала Кити, и что он, сам не осознавая, чувствовал только, «было подобно тому, что свершалось год назад в гостинице губернского города, на одре смерти брата Николая. Но **то** было горе – **это** была радость. Но и **то** горе и **эта** радость одинаково были в необычных условиях жизни, как будто **отверстия**, сквозь которое показывалось **что-то высшее**» (9, 358) .

Толстой изображает момент осознания Левиным понятия **Высшей силы**, дает ему возможность увидеть **то место**, где на-

ходится эта сила, всякий раз приближая и приближая его к заветной цели.

А. Фет, будучи в период написания романа «Анна Каренина» особенно дружным с Толстым, в письме к нему пишет: «Но какая художницкая дерзость – описание родов. Ведь этого никто от сотворения мира не делал и не сделает. Дураки закричат, а тут всё идеально. Я так подпрыгнул, когда дочитал до двух дыр в мир **духовный и нирвану**¹. Фет радуется тому, что Толстой сумел показать эти необычайные явления жизни и смерти, представленные писателем в виде двух дыр, возникающих на рубежах жизни и смерти.

Значительность появления на свет **новой жизни** в доме Левиных писатель распространяет на всех членов семьи. У двери спальни, за которой рожала Кити, из старой княгини, недолюбивавшей Левина, рождалась теща. Княгиня Щербацкая после появления ребенка, «увидав зятя, обняла его и заплакала», признав «**своим**», а Левин, отбросив предрассудки, впервые назвал ее «**мамой**».

Но Толстой **не считает продолжение рода высшим смыслом жизни**: и с появлением в семье ребенка успокоение не приходит к Левину. Левин, ожидавший душевного равновесия и внутренней гармонии, став отцом, не обретает их.

После осознания Левиным Божественного присутствия в существующем мире он все еще не признает христианства, не принимает тех ответов на вопросы, которые **оно** даёт. Верили и Кити, и Львов, и старый князь, но эта вера не удовлетворяла Левина. Левин перечитал множество книг и пришел к выводу, что его жизнь бессмысленна, что состояние успокоения в его душу принесёт только **смерть**. «И счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был близок к самоубийству, он прятал шнурок, чтобы не повеситься на нём, и боялся ходить с ружьём, чтобы не застрелиться» (9, 456). Так изображает Толстой духовный кризис Левина, несущего свой крест за жизнь без веры, за то научное мировоззрение, которым руководствовался он на своем пути.

---

¹ Литературное наследство. Т. 37-38. С. 223-224.

Писатель поясняет, что Левин жил так, как жили его отцы и деды: выполнял ту же работу, что делали они, и внутри него была **какая-то определяющая сила**, которая направляла его деятельность на то **«как надо»**. Эта сила внутри Левина шла к нему от Бога, пишет Толстой. Писатель приводит Левина к мужицкой правде Фоканыча, о которой искатель истины узнает от Федора, подавальщика снопов на молотилке. Федор говорит о Фоканыче как о праведном человеке, который живет и Бога в душе помнит.

Слова эти: **«жить для души, помнить Бога»**, – осветили душу Левина. В понимание Левиним Высшей Божественной силы Толстой вкладывает свою концепцию веры, отличающуюся от христианской, и разрешает ее просто и естественно. Рассуждая с самим собой, Левин вдруг осознает, что Бог – это добро, которое нельзя объяснить разумно, зачем оно делается людьми. «Если добро имеет причину, оно уже не добро, если оно имеет последствия – награду, оно тоже не добро. Стало быть, добро вне цепи причин и следствий» (9, 465).

Показывая момент обретения Левиним истины, писатель считает, что никакого открытия не произошло, что эти понятия жили в нём всегда, руководили им, были его внутренним судьёй, что он всосал их с молоком матери. Поясняя это явление, Толстой указывает, что одни люди постигают эти Высшие законы сразу, другие же живут с ними, руководствуются ими неосознанно.

Так от любви к женщине, через множество испытаний и разочарований Толстой приводит своего героя к миру, ко всеобщему примирению, к ладу, а «мир или космос значит именно согласие и лад»¹.

Изображая встречу Левина и Анны, Толстой мыслит ее как звучание мотива «греха-грешницы». Встреча эта неспособна изменить общее направление коллизии Анны к полюсу смерти, потому что безлюбивый закон существования светского общества Анна принимает за всеобщий закон жизни. Эта встреча осуществляет лишь внешнюю фабульную связь сюжетных линий Анны и

---

¹ Соловьев В.С. Чтения о богочеловеке. Духовные основы жизни. Минск, 1999. С. 265.

Левина, однако и Анна, и Левин решают здесь один и тот же вопрос: «А когда видишь правду, что же делать?» И в связи с этим возникают ситуации «смерти-самоубийства Анны» и «соблазна самоубийства Левина», но, оказавшись перед решением одного и того же вопроса, герои принимают различные решения. Анна признаёт закон «бессемейности», и для неё единственным выходом становится смерть. Левин в поисках смысла своего предназначения в конце концов приходит к Богу.

Идея «семейности»-«бессемейности», осуществляя собой внутреннюю связь, «сопряжение» всех уровней сюжета, дает нам возможность говорить, что роман «Анна Каренина» построен на внутренней, нравственно-психологической и религиозно-философской коллизии.

Эпиграф романа «Мне отмщение, и Аз воздам» в предельно-лаконичной художественной форме обозначил один из глубинных уровней конфликта, лежащего в основе романа – **человек и Бог**.

Нравственно-философский смысл эпиграфа и обозначенный им аспект конфликта обусловили развитие и сопряжение коллизий и сюжетных линий главных героев романа. Так, нарушение Божественного закона Анной ведёт ее к постепенному забвению Бога, безлюбности, сиротству, бессемейности, а значит, к восприятию мира как царства хаоса, от которого лишь одно спасение – смерть.

Грех прелюбодеяния в Библии рассматривается как один из тяжчайших грехов, за который следует тяжелое наказание. В романе духовно богатые, верующие персонажи не обвиняют и не осуждают Анну за этот грех. И Долли, и Левин, и, в конце концов, Кити проявляют к ней сострадание и жалость как к погибшей душе. Никто из людей не может наказать себя больше, чем он сам себя. Анна наказывает себя, но это наказание спущено ей сверху. Мера наказания исходит только от Бога.

Толстой, рисуя смерть главной героини, подробно описывает ее душевное состояние перед смертью. Она, как и Николай Левин, измученная внутренней неудовлетворённостью, ревностью и

подозрительностью, стремится избавиться «от того, что беспокоит» (9, 386). Этого избавления она не ищет у Бога, а, наоборот, приходит к греховной мысли, противоречащей христианской морали. «Отчего не потушить свечу, когда гадко смотреть на всё это? <...> Всё неправда, всё ложь, всё обман, всё зло! (9, 386-387). На какой-то миг жизнь позвала её, но неумолимая страшная сила уже повлекла её за собой, она, чувствуя невозможность борьбы, лишь успела подумать: «Господи, прости мне всё!». «Злой дух» одержал верх в душе Анны, и мрак поглотил её. Образ Анны – это образ женщины, забывшей Бога и нарушившей христианские заповеди. Судьба давала Анне возможность спасти свою душу, примириться с Богом и людьми, но животная личность победила в Анне, и результат оказался трагическим.

Однако у этой трагедии есть другая сторона – социальная. Изображая петербургское общество и московское, создавая целую галерею образов светских женщин, Толстой показывает несостоятельность нравственных норм их жизни, отсутствие естественности, человечности, связи с природой и всем живым и здоровым. Знаменательно, что в описании быта семей высокопоставленных людей нет места природе. Подробно описана и передана писателем искусственная жизнь высокопоставленной верхушки: ее поведение в условиях роскошных дач, курортов, вод; выдумывающей правила игры жизни и не позволяющей их нарушать. Тот же, кто посмеет нарушить эти правила, будет обречен на презрение, оскорбление и одиночество. Таким смелым, своеобразным приемом, построенным на контрасте и иронии, Толстой обнаруживает и вскрывает пороки современного ему общества: лживость нравов и мнений, несостоятельность жизненных принципов светского общества.

Поэтому все попытки (особенно экранизацией) вычленив из романа только любовный сюжет и перечеркнуть его социальное звучание оказываются несостоятельными. Роман Толстого так же сложен и многогранен, как и сама жизнь. «Мы любим себе представлять несчастье чем-то сосредоточенным, – говорит Толстой, – фактом совершившимся, тогда как несчастье никогда не

бывает событие, а несчастье есть жизнь, длинная жизнь несчастная, то есть такая жизнь, в которой осталась обстановка счастья, а счастье, – смысл жизни – потеряны»¹. Эти слова Толстого соотносятся с судьбой Анны. Действительно, обстановка счастья окружает Анну. Но Долли, удивляясь той роскоши и красоте, которые окружают Анну, понимает, что за внешне счастливый вид заплачено дорогой ценой. И цена эта – потеря нравственного, духовного стержня.

В пореформенный период легко рухнет семейное счастье Долли, хотя она идеал нравственной женщины писателя, и легко распалась семья Анны, несмотря на все усилия Каренина хотя бы внешне сохранить ее, но она так и не восстановилась. Нет семьи у графини Лидии Ивановны, несчастна Лиза Меркалова.

Толстой не случайно эпиграфом к своему роману взял слова из Библии: «Мне отмщение, и Аз воздам». Слова эти взяты из песни, которую дал господь Моисею: «У Меня отмщение, и Аз воздаяние, когда поколеблется нога и; ибо близок день гибели их, скоро наступит уготованное для них», – это сказано о тех, которые, забыв Бога, поклоняются другим «богам».

Забывших Господа ждет его наказание. Все в руках Господа, он один наказывает и прощает. «Человечество подчинено Божескому» – такова поздняя (1885) установка Толстого.

Представление о семейном счастье, счастливом браке связано с Левиным и Кити. Толстой подчеркивает, что только совместными усилиями можно обрести семейное счастье, построить прочную семью. Но совместные усилия обоих супругов должны быть освящены верой в Бога и подчинены религиозным нравственным нормам. Поиски смысла жизни Левина заканчиваются осознанием сущности бытия. По его мнению, Бог – это Добро, которое должен совершать каждый человек во имя любви к ближнему, а самыми близкими людьми для него были члены его семьи.

Вывод Толстого таков: только на религиозной, нравственной основе можно обрести счастье в браке. Любовь – светлое и бла-

---

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. (Юбилейное). М., 1939. Т.20. С.370.

городное чувство – есть благо только с соблюдением законов Добра, но если эти законы нарушаются, то Любовь превращается в страшную разрушительную силу, которая калечит человека и делает его несчастным.

Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина» предстал как человек верующий в Бога и как психолог и пророк, понимающий внутреннее состояние человека, как великий мыслитель и защитник семейных отношений.

Вместе с тем, он выступает и в качестве философа, социолога, отражающего противоречия семейной жизни как противоречия общества в целом.

Глава V. ПОДМЕНА ПОНЯТИЙ СЕМЬИ В РОМАНЕ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
«ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ»

5.1. Истоки бездуховности «выморочного семейства»

Толстой, Салтыков-Щедрин и Достоевский практически одновременно запечатлели в своих романах верные признаки тяжелой социальной болезни, охватившей русское общество.

Разговор о распаде семейных отношений в петербургском и московском дворянском обществах, начатый Толстым, нашел продолжение в «провинциальной жизни», которую «никто из писателей не знал так <...>, как знал ее Щедрин»¹.

М.Е. Салтыков-Щедрин, осознавая существующее положение дел, предсказывал в ближайшем будущем полнейший крах дворянства как основы монархии. Писатель ставит проблемы семьи пореформенного периода в один ряд с глобальными проблемами общества и государства.

Салтыков-Щедрин показал причины деградации крепостнического помещного дворянства, некогда крупной социальной силы, оказавшейся выброшенной из колеи «исторического жизнеустройства»².

Можно сказать, что Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлевы», вскрыв «выморочный» мир изнутри, нанес первый сокрушительный удар по дворянской идиллии, показав подноготную существования самой интимной ячейки общества – семьи. Головлевы, равно как и Карамазовы у Достоевского, далеко не похожи на патриархальных дворян типа Ростовых и Болконских, Обломовых и Кирсановых, населявших «дворянские гнезда».

---

¹ Горький А.М. Цитируется по статье А.С. Бушмина «Салтыков-Щедрин» // История всемирной литературы. М., 1991. Т. 7. С.99.

² Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875-1889. Биография. М., 1989. С.223.

В черновой тетради к «Дневнику писателя» за 1876 год, запись, сделанная Достоевским, извещает: «У нас нет семьи», – вспомнились мне слова одного из наших талантливейших сатириков, сказавшего мне это».

С.И Макашин, поясняя эту запись, утверждает, что запомнившиеся Достоевскому слова относились не к частному, а к общему явлению: Салтыков-Щедрин, по мнению литературоведа, имел в виду развал семьи под натиском «колупаевской» революции в условиях буржуазного развития общества¹. При этом, считает исследователь, в словах писателя был и автобиографический подтекст. В его содержание позволяет проникнуть позднейшая недатированная записка Салтыкова, относящаяся, по предположению биографа, к середине восьмидесятых годов, гласящая следующее: «Брак вот язва и ужас современной жизни, – писал в этой записке Салтыков-Щедрин, – и ежели я ропщу на свою болезнь, то единственно потому, что она не дает мне работать и изобразить во всех подробностях эту язву, которой я испытал все стадии. Брак – это погибель и людей, и детей, и только одну может пользу принести – это познакомить человека с высшим мучительством, какое можно испытать. Все болезни, все раздражения, все неудачи, все глупости, все измены и пошлости- всё оттуда. Ежели я слажу когда-нибудь с собой, то напишу картину, перед которой побледнеют все атласы с изображением венерических болезней».

Такого произведения сатирик не написал, но наброски к нему встречаются на многих страницах его поздних произведений – в «Мелочах жизни», «Сказках», «Пошехонской старине».

Существуют примеры попыток Щедрина написать произведение о браке как трагедии для человека. Так, в сказке-элегии «Приключение с Крамольниковым» Салтыков-Щедрин отмечает трагизм семейного начала, не опирающегося на фундамент гармоничных согласованных «страстей-интересов» (по Фурье). Конечно, Крамольников – не Салтыков, а обобщенное изложение о русском

---

¹ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы жизни: Биография. М.,1989. С. 420.

просветителе, вынужденном вторгаться в жизнь только пером, но при всем том эмоционально-автобиографическая окраска образа Крамольникова очевидна. Она признавалась всеми современниками, упоминавшими об этом образе, не отрицал ее и сам Салтыков.

«Отчуждение человека от социума и миропорядка» было отмечено М.М. Бахтиным как доминирующее в жанре романа. Роман, по мысли ученого, запечатлевает «распадение эпической (и трагической) целостности человека»¹, что в полной мере прослеживается на щедринских героях, членах семьи Головлевых.

Макашин в биографии сатирика отмечает о том, что тот во все времена считал семью «центром жизнедеятельности человека», «последним убежищем», в которое человек «обязательно возвращается отовсюду, куда бы ни призывали его профессия и долг»². Будущее дворянских семей болью отзывалась в душе литератора, поскольку их судьба стала трагедией для целого класса.

В период создания романа Салтыкову-Щедрину, находившемуся за границей, не хватало дома, ему казалось, что именно поэтому ему «плохо пишется», «недостает необходимых материалов о текущей жизни России», хотя в заграничный период было написано четыре из семи глав «Господ Головлевых»³.

Роман этот есть явление эпохальное, оставившее след в мировой литературе. Сатирик «избирал объектом изображения типичную помещичью семью», которая становится воплощением порочного общества⁴. В произведении автор указывает на начало конца существования людей, заразившихся бездуховностью, и эта его идея прямо созвучна идее романа Толстого «Анна Каренина». Если Толстой, выступая «суровым обличителем дворянства», «стремился из её среды выделить лучших представителей»⁵, то Щедрин отклоняет традицию поисков положительных типов в привилегированной среде, «заняв по отношению к ней позицию

---

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С.480.

² Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875-1889. Биография. М., 1989. С.405.

³ Бушмин А.С. Художественный мир М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л.,1987. С. 160.

⁴ Видуэцкая И.П. «Пошехонская старина» в ряду семейных хроник русской литературы // Салтыков-Щедрин. 1826-1976. Л., 1976. С.207.

⁵ Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. С.28.

беспощадного отрицания»¹. Сатирик изображает образ бессовестного мира на примере родной семьи, отрицая таким образом в дворянских кругах наличие лучших человеческих качеств в их представителях.

В работе литературоведа Д.П. Николаева «Сатира Щедрина и реалистический гротеск» отметил, что именно это произведение Салтыкова-Щедрина «глубже и полнее всего отразило социально-политические противоречия эпохи и приобрело мировое общественное и литературное звучание»².

Щедрин, изображая «семейное гнездо», где появились на свет божий, проводили детство, женились, хозяйничали, развлекались, старели, уходили из жизни Головлёвы, стремятся к развитию мысли о границах выживаемости этого семейства. Сатирик, называя Головлёво склепом, родовым моргом семейства, считает, что к такой участи неизбежно придет человечество, если оно предаст забвению заветы Совести. Стремясь отыскать причины болезни, писатель большую часть определяет их в Ари-не Петровне, матери четверых детей, человеческие качества которой погибли, потому что именно «страсть к накоплению» превзошла ее «материнские качества»³.

Характеризуя социально-экономическую основу семьи такого типа, Макашин отмечал присущее ей стремление к «собственности, идеологически-патриархальному «домостроевскому» патернализму и бытовому православию», т.е. то, что Щедрин с особым чувством и настроением раскрывает в произведении, создав при этом незабываемые образы, ставшие впоследствии типами в литературе⁴.

Многие исследователи отмечали, что обстоятельства автобиографического характера оказали существенное влияние на созревание и осуществление замысла романа, проникновение в со-

---

¹ Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. С.28.

² Николаев Д. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М., 1977. С.7.

³ Бушмин А.С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М., 1976. С.158.

⁴ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875-1889. Биография. С.215.

держание жизненных фактов и портретных черт из рода Салтыковых¹.

Образ Арины Петровны вобрал в себя впечатления писателя от властной фигуры его матери Ольги Михайловны, образ же Владимира Михайловича Головлёва близок отцу сатирика, Евграфу Васильевичу Салтыкову². Современница сатирика А.Я. Панаева вспоминала, что Иудушкой Щедрин звал одного из своих братьев, Дмитрия, которого через несколько лет «воспроизвел в «Головлевых»³. «Даже язык Иудушки, – по мнению Е.М. Макаровой, – является, в основном, пародированной речью Дмитрия Евграфовича»⁴.

В период службы Салтыкова-Щедрина в Твери консервативное дворянство зорко смотрело за новым вице-губернатором, который вместо того, чтобы защищать интересы дворянства, защищал крестьян. Именно за такое поведение брат Дмитрий Евграфович (в будущем Иудушка) назовет Салтыкова-Щедрина «предателем своего древнего рода, предателем всего дворянского сословия...». В самом же деле Салтыкова-Щедрина глубоко волновал тот климат общественной среды, в котором росли и жили люди, считавшиеся лучшей частью населения страны.

***

Салтыков-Щедрин, называя свой роман «Господа Головлевы», а не «Семейство Головлевых» преднамеренно подчеркивает значительность событий, происходящих не в одном дворянском семействе, а внутри всего господствующего сословия.

Глава семейства, Владимир Михайлович Головлёв, в начале романа выглядит почти благопристойно: «дворянин по происхождению, принадлежал к старинному роду Головлёвых», «вел жизнь праздную и бездельную», как и многие из дворян, «зани-

---

¹ Наиболее подробно об этом написано в книге Макашина С.А. Салтыкова-Щедрин. Биография.

² Там же. С.19-28.

³ Панаева А.Г. (Головачева). Воспоминания. М.,1972. С.361.

⁴ Макарова Е.М. Жизненные источники образа Иудушки Головлева // Звезда. № 9. 1960. С.192.

мался сочинением так называемых «вольных стихов», что было распространено среди людей их круга. Женился он «для того <...>, чтобы иметь под рукой слушателя для своих стихов», на молодой особе купеческого происхождения Арине Петровне. Такая женитьба в дворянской среде встречалась нередко. Однако о романтических отношениях, медовом месяце Щедрин не повествует, но, поясняя картину утвердившихся взаимоотношений супругов, сообщает некоторые подробности из их семейного обихода после некоторого совместного проживания.

Молодая жена «сразу не залюбила стихов своего мужа, называла их паскудством и паясничаньем». На этой почве произошла размолвка, которая скоро закончилась «со стороны жены полным и презрительным отношением к мужу-шуту; со стороны мужа – искренней ненавистью к жене, в которую, однако ж, входила значительная доля трусости» (13, 10).

По истечении некоторого времени отношения определились окончательно: «муж называл жену «ведьмою» и «чёртом», жена называла мужа – «ветряною мельницей» и «бесструнной балалайкой» (13, 10).

Однако, обобщая эти противоестественные отношения мужа и жены, писатель все же отмечает, что, «находясь в таких отношениях, они пользовались совместною жизнью в продолжение с лишком сорока лет, и никогда ни тому, ни другой не приходило в голову, чтобы подобная жизнь заключала в себе что-либо противоестественное» (13, 10).

Презрительное отношение супругов друг к другу, отмечает автор, не вызывало протеста ни с одной стороны, ни с другой, о чём свидетельствует наличие у них четверых детей.

В отличие от героев Толстого, ищущих и страдающих от неразделенной любви, герои Щедрина решают эти проблемы иначе: безлюбовный брак супругов Головлевых, их чувства не искали выхода на стороне, как это происходит с Анной Карениной, а находили этот выход здесь же, в своем доме. Владимир Михайлович со временем стал попивать и охотно «подкарауливал в коридоре горничных девок», чтобы удовлетворить свои плотские по-

требности. И если в «Анне Карениной» из-за связи Облонского с гувернанткой в их семействе наметился разрыв – Долли не могла простить измены мужу, то Арина Петровна к супружеской неверности отнеслась брезгливо, но без ревности, «наблюдала только за тем, чтобы девки-поганки не носили барину ерофеича», и, «сказав себе раз и навсегда, что муж ей не товарищ», всё внимание устремила на один объект: «увеличение своего состояния» (13, 11).

Посвящая нас в супружеские отношения четы Головлёвых на более позднем этапе их супружеской жизни, Салтыков-Щедрин опять-таки не показывает в них наступления равновесия и мудрости, а, напротив, говорит о дальнейшем усугублении семейного разлада. Глава семейства, Владимир Михайлович, продолжал проявлять себя человеком «безалаберным», «легкомысленным и пьяненьким», ведущим «бездельную и праздную жизнь», закрывавшимся у себя в кабинете, где подражал пению птиц и занимался сочинительством, совершенно не проявляя никакой заинтересованности семьей. Однако Арина Петровна к 60-ти годам «так себя поставила», что никто в семействе ей «не смел противоречить», называя себя «ни вдовой, ни мужней женой», хотя слово «семья» не «сходило с её уст» (13, 11).

Автор указывает, что с самого начала супружеских отношений у мужа и жены Головлёвых не было отчётливого представления о цели их брака. Взаимоотношения, смыслом которых должны быть дети и их воспитание, у Головлёвых основывались на лжи, ненависти, злобе и носили характер неприятия друг друга, а значит, «бессемейности».

В славянской мифологии отмечается, что самой почитаемой у славян была богиня деторождения и материнства Леля, дочь Лады, приносящая собой обновление и возрождение жизни. Материнство у наших предков считалось постижением верховного смысла жизни, преображением, расцветом лучших женских сил¹.

Салтыков-Щедрин же, характеризуя Арину Петровну с точки зрения материнства, пишет: «...В ее глазах дети были одной из

---

¹ Щукалин. В.В. Мифы русского народа. С. 197.

тех фаталистических жизненных обстановок, против совокупности которых она не считала себя в праве протестовать, но которые тем не менее не затрагивали ни одной струны её внутреннего существа...» (13, 8). Отсутствие материнских нежных чувств у Арины Петровны, безлюбное отношение к детям обозначились в головлевских наследниках некоей ущербностью в их духовном развитии. Именно этот противоестественный процесс Щедрин считает одной из основных причин появления в семье деградированных личностей и распада семейных отношений.

Салтыков-Щедрин показывает в романе взаимоотношения матери и детей совсем не так, как в идеале видит эти отношения Толстой. У Арины Петровны, замечает сатирик, были свои приёмы и методы воспитания детей, выработанные ею самою: дети делились на «любимчиков» и «постылых»¹. Сама она разделяла детей по категориям: «о старшем сыне и об дочери она даже говорить не любила; к младшему сыну была более или менее равнодушна и только среднего, Порфишу, не то чтоб любила, а словно побаивалась» (13, 11). Тем не менее, Порфирий был любимчиком. Но, говоря об Арине Петровне как о матери, писатель, будто вскользь, уточняет: «У неё была слишком независимая <...> холостая натура, чтобы она могла видеть в детях что-нибудь, кроме лишней обузы. <...> Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предприятиями» (13, 11). Материнские чувства Арины Петровны были вытеснены стремлением к накоплению капитала, и это, как показывает Щедрин, не огорчало Владимира Михайловича.

Изображая отца троих сынов и дочери, автор отмечает, что Владимир Михайлович совсем не участвовал в их воспитании, а со временем «совсем одичал: <...> не оставлял постели, изредка выходил из спальни <...>, чтобы просунуть голову <...> в женину комнату, крикнуть: «Черт!» – и опять скрыться» (13, 11).

---

¹ «Постылый» – от «стыть», «замерзать», «коченеть от внутреннего холода». «Постылость» – признак мертвизны этого мира – такую трактовку этих слов дает П.Г. Горелов к статье «Пропажа совести и ее возвращение». С.35; Такое определение слова «постылый» созвучно с нашим представлением о нем.

Старший сын, Степан Владимирович, «рано попал в число «постылых» для матери, но зато слыл любимцем у отца, к которому он приходил в моменты отъезда матери и читал стихи с отцом, а также «доставалось ведьме» – отец не стеснял себя в присутствии сына в неделикатном отношении к своей жене и матери сына, в чем его поддерживал Степан (13, 8). Писатель, рисуя личностные отношения супружеской пары, пишет, что Арина Петровна в таких случаях «чутьём угадывала их занятия; неслышно подъезжала к крыльцу и <...> подслушивала весёлые речи. Затем следовало немедленное и жестокое избиение Стёпки-балбеса.

«– Убить тебя надо! – <...> твердила ему Арина Петровна, – убью – и не отвечу! И царь меня не накажет за это» (13, 12).

Салтыков-Щедрин ни разу не заговорил о душевных переживаниях Арины Петровны по поводу детей. Он как будто видит некую целесообразность, заменив слово «душа» словом «сердце», когда говорит об Арине Петровне, и чаще всего тогда, когда речь идёт о поступках любимчика Порфиши.

С едкой иронией он замечает: несмотря на то, что *сердце* матери предчувствовало неладное, подозревало неискренность в любимчике, но все же «...как ни сильно говорила в ней уверенность, что Порфишка – подлец только хвостом лебезит, а глазами всё-таки петлю накидывает, но ввиду такой беззаветности и её сердце не выдерживало. И невольно рука её искала лучшего куска на блюде», чтоб передать его ласковому сыну, несмотря на то, что один вид этого сына поднимал смутную тревогу: «...поглядит-поглядит, бывало, на него Арина Петровна, и так и раскипятится её материнское сердце...» (13, 16).

В семье Головлёвых отсутствуют нравственные начала. По мнению, критика А.А.Жук, «духовное начало» у каждого из ее членов «загнано и искажено», и если оно и предпринимает попытки прорваться, то «в склонности к полётам безумных фантазий» или в стремлении к «чужачеству и шутовству», или «в потребности общения (хотя бы поесть и поиграть в карты)»¹.

---

¹ Жук А.А. Послесловие к роману Господа Головлёвы. М., 1986. С.280.

«Порфишка-подлец» очень тонко прочувствовал слабое место матери – ее любовь к себе, и, постоянно воздействуя на него, не только достигал собственной выгоды, но и способствовал дальнейшему растлению души Арины Петровны.

В «дворянском гнезде» Головлевых происходит подмена понятий истинных отношений ложными. Отсутствие духовного начала у Владимира Михайловича и Арины Петровны, ее увлечение собственностью влечет за собой деградацию всего потомства Головлевых.

Тему Дома как неустранимого бытийного начала и непререкаемой ценности Щедрин решает иначе, чем это происходит у Толстого, сравнивающего дом с душой, местом пребывания детей, гнездом и т.д.

Искаженные представления о добре и зле изуродовали душу матери – хранительницы семейного домашнего очага, и обозначились в том, что счастье и гордость Арины Петровны стали составлять не успехи и радости детей, а удесятерённое состояние, собранное ею в течение сорока лет. И чем интенсивнее росло состояние, которое она после смерти хотела бы «на тот свет забрать, да нельзя», тем властолюбивей и жестче она становилась, тем далее отходила она от детей, от своего Богом данного предназначения женщины и жены. Практицизм, забвение духовных ценностей, связи и отношения, основанные на утилитарном материальном интересе, становятся основными законами существования семьи Головлевых, в которой Арина Петровна выполняет главенствующую роль.

Рисуя образ матери, жены, хозяйки села Головлева, Щедрин показывает Арину Петровну жертвой объективных отношений, наделяет её образ трагическим содержанием. «Она, – считает Покусаев, – обманывается, что приобретательство для неё не самоцель, а только тяжёлый крест»¹.

Арина Петровна сама вытеснила из себя самое ценное, что считалось таковым у людей всех времен и народов – материнские чувства. «В головлёвском доме лишь ей одной принадлежит при-

---

¹ Покусаев Е.И. «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина. С.65.

вилегия действовать», всех остальных членов семьи она лишила этой возможности. Все дети ее пассивны и апатичны, в них не было заложено с детства стремления к созидательной деятельности, так как это была «прерогатива маменьки»¹. Деятельность Арины Петровны определялась односторонней направленностью, в которой она «единолично и бесконтрольно управляла обширным головлевским имением, жила уединенно, почти скупно, с соседями дружбы не водила...» (13, 16).

Отсутствие любви во взаимоотношениях между мужем и женой, родителями и детьми в «Господах Головлевых» созвучно положению в семье Облонских, о котором говорил Толстой: «...на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских».

Арина Петровна самозабвенно направляет свою жизненную энергию на увеличение капитала и вроде бы добивается успеха: могущество головлёвского рода неоспоримо («какую махину выстроила» – горделиво осознаёт она сама). Однако отмена крепостного права – «катастрофа» – подорвала самодержавную систему, дворянско-помещичье хозяйство, а также выбила почву из-под ног Арины Петровны.

Представленная Щедриным реформа 1861 года в романе в восприятии владельцев угодий выглядит как стихийное бедствие, схожее с землетрясением. Арина Петровна с тревогой ожидает грядущую «катастрофу». «Первый удар властности Арины Петровны был нанесён не самой отменой крепостного права, сколько теми приготовлениями, которые предшествовали этой отмене, – поясняет сатирик, – Арина Петровна как-то вдруг выпустила из рук бразды правления и в течение двух лет только и делала, что восклицала: «Хоть бы одно что-нибудь – пан либо пропал! а то: первый призыв! Второй призыв! Ни богу свечка, ни чёрту кочерга!» (13, 59). Состояние ожидания очередного толчка Щедрин называет «приготовлениями», которые впоследствии разрушат привычный уклад жизни.

---

¹ Турков А.М. М.Е. Салтыков-Щедрин. М., 1965. С. 222.

В этом состоянии воображение Арины Петровны рисует мрачные картины. «...То представится ходит она по пустому дому, а людишки в людскую забрались и жрут! Жрать надоест – под стол бросают! То покажется, что заглянула она в погреб, а там Юлька с Фешкой так-то за обе щеки уписывают, так-то уписывают! Хотела было она реприманд им сделать – и поперхнулась...» (13, 58). Арину Петровну гнетут мелочи, пустяки, которые она сама себе выдумывает: круг ее интересов не выходит за пределы накопительства.

Щедрин показывает Арину Петровну «не деятелем», а лишь мастером «расчётливых выгодных комбинаций», да и в целом Арина Петровна по своей натуре не созидатель, а, скорее, разрушитель. Писатель изображает ее хищницей, высматривающей добычу, которая в период подготовки реформы сама идет ей в руки. И хотя отмена крепостного права в сознании Головлёвых – трагедия, Арина Петровна и в это смутное время умеет извлечь для себя выгоду.

Но самым драматичным моментом, связанным с периодом ожидания приближающейся реформы, являются последние слова Владимира Михайловича. Он сказал: «Благодарю моего Бога, что не допустил меня наряду с холопами предстать перед лицо своё» (13, 59). Выходит, что старый Головлёв воспринял свой конец как верность и преданность дворянским принципам.

В этой ситуации автор изображает неожиданный поворот в поведении Арины Петровны. После смерти мужа у нее просыпается вдруг любовь к покойному, появляются новые планы и мечты: «...выстрою себе избушку около папенькиной могилки, да и буду жить да поживать!<...> огородец вскопаю; капустки, картофельцу – всего у меня довольно будет!» (13, 61). Свои планы существования и в новых обстоятельствах Арина Петровна видит в пустяках, желая выращивать «капустку» и «картофелец» рядом с «могилкой папеньки». Даже овдовев, она не стремится стать ближе к детям, о них она и не вспоминает, ей безразличны дела и заботы, которыми станут жить ее сыновья и дочь в иных жизненных условиях. Даже в критические моменты жизни лучшие мате-

ринские качества не пробуждаются в Арине Петровне. Смерть отца и мужа не объединила семейство Головлёвых. Судьбы детей и внуков, которыми обычно живут люди в преклонном возрасте, не затронули и овдовевшего сердца Арины Петровны.

Повествуя об Анне Владимировне, дочери Арины Петровны, которая, желая обзавестись семьей, «в одну прекрасную ночь бежала из Головлёва с корнетом Улановым и повенчалась с ним, автор больше внимания уделяет реакции, последовавшей со стороны матери на факт замужества. Арина Петровна бурно негодовала по этому поводу: «Так без родительского благословения, как собаки, повенчались! Да хорошо ещё, что кругом аналоя-то мужёнок обвёл! Другой бы попользовался – да и был таков! Ищи его потом, да свищи!».

Писатель, придавая особый драматизм этому событию, рисует безучастность и жестокость матери, которая все же, невзирая на неблагоприятные обстоятельства вступления в брак своей единственной дочери, «взяла» и «выбросила кусок» молодоженам в виде деревушки, назвав его «родительским благословением». Но она не имеет представления о моральной поддержке, материнском напутствии, о том, что говорят в таких ситуациях друг другу близкие люди. Родительское благословение Арина Петровна видит только в отщиплении от огромного своего состояния определенной части, да к тому же не лучшей, а худшей.

Супружеские отношения второго поколения Головлёвых характеризуются писателем как начало брачных отношений между мужчиной и женщиной, не говоря при этом ни слова о романтических отношениях. Его новобрачные живут иначе, чем новобрачные, изображенные Толстым. Они совсем не стремятся «вить гнездо», нисколько не беспокоятся о будущем благосостоянии своих детей и самих себя, а просто бессмысленно прожигают свое состояние. Так происходит с Анной Владимировной и ее мужем, корнетом Улановым, которые через два года прожили маменькин капитал. Жить стало не на что, и корнет сбежал, оставив Анну Владимировну одну с двумя дочерьми-близнецами Ан-

нинькой и Любинькой. Вскоре Анна Владимировна умирает, а Арине Петровне приходится приютить внучек-близняшек у себя¹.

Став бабушкой, Арина Петровна не испытывает естественных нежных чувств, какие переживает в момент рождения внука княгиня Щербацкая у Толстого, она не ощущает событийности в этом явлении, что становится ясно после ее слов о внучках, которых она ядовито называет «щенками».

В романе показана немедленная предприимчивость деятельной натуры Арины Петровны, сумевшей и из этой трагической ситуации извлечь материальную выгоду для себя. Стараясь выжать как можно больше из маленького имения, она откладывала «выжатое в опекунский совет», заботясь об увеличении своего капитала, хотя сама по этому поводу говорила, что несёт большие материальные затраты на содержание и воспитание сироток.

Для Салтыкова-Щедрина реальная жизнь в доме Головлевых выступает как арена серьезнейших конфликтов, первой жертвой которой становится старший сын Головлевых Степан. Писатель с горечью замечает, что не имеющий средств и поэтому не способный в силу своего безденежья содержать себя, Степан вынужден стать нахлебником и приживалом у богатых студентов университета. До сорока лет он вёл безалаберный образ жизни, не женился, не завёл себе семьи, прокутил дом в Москве, не сыграл никакой роли в ополчении, куда он было записался, долго попрошайничал у богатых торговых мужиков, принадлежавших его матери и, опустившись до самой крайней точки человеческого бытия, возвратился в Головлёво.

Щедрин не обвиняет Степана, являющегося заблудившейся душой в пустой и мнимой действительности. Писатель констатирует, что высоким побуждениям в Степане просто неоткуда было взяться, ведь для него, выросшего в головлевских стенах, нет опыта выживания.

---

¹ Образ А.В.Головлевой приближен к сестре М.Е. Салтыкова Любови Евграфовны Зиловой, умершей в молодом возрасте, оставившей пятерых детей сиротами и в большой нужде. Макашин С.А. Никитина Н.С. Комментарии из родового архива Салтыкова-Щедрина: Материалы для биографии // Салтыков-Щедрин. 1826-1976. С. 339.

Ложь, игра, неестественность в поведении родителей сделали свое темное дело в становлении судеб их детей. Уже в первых сценах романа автор повествует о том, какой неестественной и фальшивой видели Арину Петровну ее дети: «... она любила в глазах детей разыграть роль почтенной и удрученной матери и в этих случаях с трудом волочила ноги и требовала, чтобы её поддерживали под руки девки. А Степка-балбес называл такие торжественные приёмы – архиерейским служением, мать – архиерейшею, а девок Польку и Юльку – архиерейшинами жезлоносицами» (13, 35). Дети видели неестественные поступки в поведении матери, разоблачали их сущность. Степан не скупился на язвительные оценки поведения матери. Еще в период своей жизни в Головлево, будучи молодым, называл мать то архиерейшею, то министром, то ведьмой.

Да и сама Арина Петровна даже наедине с собой не жаловала сына. Суть материнской печали Арины Петровны по поводу того, что Степан скоро прибудет в Головлево заключается в следующем: «Да, он явится, ему некуда больше идти – этого не миновать! <...> Он придёт, будет требовать, будет всем мозолить глаза своим нищенским видом <...>. Его не спрячешь под замок; он способен и при чужих явиться в отрепье, способен произвести дебош, бежать к соседям и рассказывать им вся сокровенная головлёвских дел. Со слать его разве в Суздаль-монастырь? <...> Ну, как ты его туда, этакого сорокалетнего жеребца поведешь?» (13, 21).

Арина Петровна в период ожидания сына, находясь наедине с собой, просто изводит себя из-за проданного Степанова дома. Не огорчает мать, что судьба ее сорокалетнего сына не сложилась, что он одинок и не имеет средств к существованию, ее больше беспокоит то, что он «явится в отрепье» при чужих и станет рассказать их домашние секреты. Это открывает читателю внутреннюю пустоту Арины Петровны, разоблачает атрофированность ее материнских чувств, отсутствие в матери гуманного начала.

Мрачной иронией звучит у Щедрина сравнение Степана Владимировича с евангельским блудным сыном, которого отец

встретил с радостью и ликованием на пороге своего дома. Здесь же, вместо милосердного отца, встречающего заблудшего сына, Степана Владимировича встречает «злая старуха», оцепеневшая в «апатии властности», от которой Степан добра не ждет.

Эта зеркальность евангельской притчи выполняет такую же функцию, как эпитафия в «Анне Карениной»: в обоих случаях Священное Писание становится той «плоскостью симметрии», через которую Благодать высшей правды преломляется как безблагодатность земного существования. Данный сюжет проиграется в романе у Салтыкова-Щедрина еще раз, когда своего сына будет встречать уже Порфирий Владимирович.

Божественное слово Библии у Щедрина в романе «Господа Головлёвы» выглядит несколько иначе, чем у Толстого. Архетипы его библейских сюжетов тесно вплетаются в художественную ткань произведения, создавая яркую бытовую характеристику эпохи 1870-80-х годов, напоминая погрязшим в мелочах людям о Вечности и Возмездии. Но к Добру они не ведут.

Щедрин показывает прямую противоположность воздействия содержания Священного писания на хозяев дворянского гнезда. Библизмы, к которым прибегают различные действующие лица, позволяют им с полуслова понимать друг друга и использовать настроение собеседника в своих целях. Аналогии с библейскими событиями и героями нередко вызывают у участников разговора совершенно различные ассоциации. Уже в первой главе романа писатель указывает на смещение представлений о религиозности в головлёвской семье. Само название главы «Семейный суд» посягает на подмену понятия «Божий суд», вызывает представление о всесильности домашнего управления. Щедрин дает понять, что у его героев нет веры, что Божьего суда не будет, а будут судить Степана члены головлёвского семейства, отрешась от христианской морали. И, как пример, слова Иудушки в этой же части: «...определить степень возмездия <...> можете вы одни!», – так говорит он своей матери по поводу наказания брата Степана (13, 40). Арина Петровна в свою очередь говорит о детях: «Убью, и Бог меня не накажет» (13, 25). Такие выражения,

как «Бог дал – Бог и взял, твори, Господи, волю свою» и «Молитва – недугующих исцеление», становятся оправданием неблагоприятных поступков Иудушки, который более других персонажей прибегает в своей жизни к Библии.

Щедрин показывает, что в романе герои, постоянно обращаясь к Библии, не соблюдают, а нарушают все десять заповедей христианского учения, демонстрируя высшую степень лицемерия. Даже важный «отец благочинный», приехавший на отпевание Павла, показан Щедринным как персонаж, не соответствующий своей проповеди. На слова Иудушки о присутствующих на поминках «...в бога не верят, бессмертие души не признают... а жрать хотят!» поддакивает: «Именно только жрать да пить бы!» – вторит отец благочинный, засучив рукава своей рясы, чтобы положить на тарелку кусок поминального пирога» (13, 87). Священник разоблачается сатириком одной фразой, брошенной им в осуждение ближнего.

В дальнейшем Щедрин ставит под сомнение искренность веры священника Головлёвской усадьбы, отца Александра, поддакивающего богатому помещику Порфирию Головлёву, стремящемуся утопить в словесах результаты прелюбодеяния. По мнению исследователя С.Ф. Самосюка:

«Библия в руках Щедрина становится разоблачительным средством показа отсутствия подлинной религиозности, в результате этого отсутствия и происходит разрушение нравственности в среде среднепоместного дворянства».¹ Отсюда можно прийти к выводу, что Щедрин, разоблачая отсутствие религиозности, отмечает, что вследствие этого и происходит разрушение нравственности в среде среднепоместного дворянства. Таким образом, Щедрин не прямо, а косвенно ищет путь к своей вере, стремится к постижению Истины.

Тема «дома» как непререкаемой ценности у Салтыкова-Щедрина также приобретает иное звучание, чем у Толстого. Барская усадьба родителей, представившаяся Степану в обрамлении

---

¹ Самосюк Г.Ф. Библиизмы в структуре образа Иудушки Головлева // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С.91.

деревьев, смотрела так мирно, словно в ней не происходило ничего особенного»; но на него её вид произвёл действие «медузиной головы». «Там чудился ему гроб. Гроб! гроб! гроб!». Салтыков-Щедрин четыре раза повторяет слово «гроб», ещё более усиливая напряжение предстоящих событий (13, 30).

И действительно, Салтыков-Щедрин подкрепляет этот символ погоста тем, что Головлёво – это иной мир: несмотря на то, что «солнце стояло уже высоко и беспощадно палило бесконечные головлёвские поля», Степан «бледнел всё больше и больше и чувствовал, что его начинает знобить» (13, 31).

Его ждет озноб холода человеческих отношений, выморочности, будто мир «вечной мерзлоты духа», где даже лучи солнца не могут согреть. Писатель довершает картину описанием дворовых, которые понимают, что перед ними «постылый, который пришел в постылое место», а «леденящий взгляд» Арины Петровны, смеривший балбеса с ног до головы, и заключительная фраза авторского повествования («двери склепа растворились, пропустили его и – захлопнулись») указали на судьбу героя, возвратившегося домой (13, 31).

С появлением в усадьбе Степана в Головлёве «словно ...не происходило ничего особенного», т.е. неестественного для общепринятого; здесь нет прямой характеристики того, что заставило писателя как бы вскользь натолкнуть на размышление о том «особенном, что всё же происходило», определить «то», «что же» является «неестественным» во взаимоотношениях Головлёвых. Но косвенно автор указывает на порядки в Головлёве, которые даже человека свежего, но вступившего на территорию этого мира, заставляют «притупить в себе зрение, слух, обоняние, вкус: <...> победить всякую восприимчивость», «одервенеть», иначе «миазмы пошлости задушат его». Единственное условие выживания в этом мире, отмечает писатель – стать таким «как все», уподобиться «всем», стать «одним из тех», одной мерки «со всеми» – обезличиться (13, 30).

«Неестественным» поступком Степана Щедрин считает то, что он, будучи сыном, посылает священника известить родную

мать о своём появлении и просит разрешить ему вернуться домой: дом не стал родным пристанищем для выросшего в нём кровного сына своих родителей, потому что таковыми были порядки, заведенные в Головлеве.

«*Неестественным*» и противоречивым считает Щедрин то, что Арина Петровна, будучи независимой и смелой, прислушивается к общественному мнению. «...Дабы решением всей семьи оградить себя от нареканий добрых людей», она надумала созвать семейный совет по поводу возвращения Степана. Писатель иронично замечает, что «подобные конституционные замашки не были в её нравах, но на этот раз она решилась отступить от преданий самодержавия» и соблюсти все приличия (13, 21).

Смещенные представления Арины Петровны об истинных ценностях заменились у нее другими. Например, «*достоинство*» в ее понимании – это умение пользоваться материальными ценностями, а Степан, следовательно, с потерей дома потерял своё *достоинство*».

«*Достоинство*» свое проявляет Арина Петровна тогда, когда не принимает своего промотавшегося сына Степана в родной дом, не допускает его к родному отцу, лишает человеческой пищи и держит его в нечеловеческих условиях.

Страшную, угнетающую атмосферу, существующую вокруг семьи, в которой человек перестает думать и осознавать себя, изображает Щедрин в барском поместье Головлевых. Со Степаном именно так и происходит, потому-то он и не стремится думать и осознавать происходящее, «признаки нравственного отрезвления, появившиеся было в те часы, покуда он приближался просёлком к Головлёву, вновь куда-то исчезли. Легкомыслие опять вступило в свои права, а вместе с тем последовало примирение с «маменькиным положением». Теперь, в этой атмосфере, больше всего занимала его голову одна мысль: «И куда она экую прорву деньжищ деваает! – удивлялся он <...>, – братьям, я знаю, не ахти сколько посылает, сама живёт скаречно, отца солёными полотками кормит... В ломбард! больше некуда как в ломбард кладёт» (13, 31).

Потом эта же мысль Степана получит некоторое развитие, а поскольку он с утра до вечера голодал и только о том и думал, как бы чего-нибудь поесть и «какими бы средствами сердце матери смягчить, чтобы она души в нём не чаяла», он стал обсуждать эту мысль с земским (13, 31). По совету земского, «слово» нужно было найти к матери такое, и это слово есть, только для этого нужно «...либо проклятие на себя наложить, <...> либо чёрту душу продать. В результате ничего другого не оставалось, как жить на «маменькином положении» (13, 31).

И это «маменькино положение» продолжало превращать Степана в существо, опускающееся на самую крайнюю, низшую ступень жизни. Писатель сочувствует Степану, отмечая при этом, что в нем осталась только его животная организация. Душевных страданий, мольбы к Богу в заточении не возникает у старшего сына Арины Петровны, он, как простейшее животное, сохранил только хватательный рефлекс, чтобы выжить.

«– Вчерашний суп, полоток и баранина – это, брат, постылому! – сказал он повару, – пирога, я полагаю, мне тоже не дадут! – Это как будет угодно маменьке, сударь.
– Эхма! А было время, что и я дупелей едал! едал, братец! <...>
– А теперь и опять бы покушали?
– Не даст <...>. Сгноит, а не даст!» (13, 34).

Писатель не делает секрета из того, что Арина Петровна, ослеплённая жадностью, эти продукты просто «сгноит», как она годами уничтожала плоды человеческого труда, но своих детей и дворню будет морить голодом, да и сама себя и мужа едой тоже не побалуует.

Щедрин постоянно заостряет внимание на том, что *еда*, хорошая или плохая, затейливо приготовленная или «вчерашняя», своя или купленная, в головлёвском мире служит показателем отношений, темой воспоминаний о домашних сценах. *Еда* у них – это форма утешения и заменитель доброты. Почти такое же отношение у Головлевых к деньгам – это, указывает Щедрин, самая главная, самая прочная нить, связующая детей и родителей, а также прямая, непосредственная причина человеческой гибели.

На «семейном суде» мать о своём сыне говорит: «он родительское благословение, словно обглоданную кость в помойную яму выбросил», «злодей» «на порог его не пущу, не только хлеба – воды ему, постылому, не дам...» (13, 42). О сочувствии, страданиях, смирении здесь и речи не идет. Всё естественное человеческое будто куда-то исчезло в Арине Петровне: о добром слове, материнском напутствии, прощении и жертвенности в доме Головлёвых не знают.

Писатель показывает воспоминаниями Степана, когда с ним случались моменты «нравственного отрезвления» и в памяти воскрешались судьбы его предшественников, закономерность его положения в родном семействе: «Вот дяденька Михаил Петрович, который тоже принадлежал к числу «постылых», и которого дедушка Петр Иванович заточил к дочери в Головлево, где он жил в людской и ел из одной чашки с Трезоркой. Вот тетенька Вера Михайловна, которая из милости жила в Головлевской усадьбе у брата Владимира Михайловича, которая умерла от «умеренности», потому что Арина Петровна корила ее каждым куском, съедаемым за обедом, и каждым поленом дров, употребляемым для отопления ее комнаты...» (13, 43).

Степан, осознавая свою безысходность и обреченность, убегает из надоевшей ему баньки. Вряд ли это можно назвать осознанным протестом. Но даже в критический момент жизни сына, убежавшего из материнской тюрьмы, мы не видим в Арине Петровне чувств сострадания и раскаяния, Щедрин показывает только ее холодный расчет и предприимчивость.

Первым делом Арина Петровна приказала *его найти*. «Весь день, покуда люди шныряли по лесу, она простояла у окна, с тупым вниманием вглядываясь в обнажённую даль. Из-за балбеса такая кутерьма! <...> Хорошо ещё живого привезут – ведь с пьяных глаз и в петлю угодить недолго! <...>. Мать ночей недосыпала, куска недоедала, а он на-тко, какую моду выдумал, вешаться вздумал. И добро бы худо ему было, есть – пить бы не давали, работой бы понурали – а то слонялся целый день взад вперед по

комнате, как оглашенный, ел да пил, ел да пил! Другой бы не знал чем мать отблагодарить, а он вешаться вздумал – вот так одолжил сынок любезный!» (13, 52).

В её воображении рисовались такие картины, в которых она опять умилялась своему «материнскому долготерпению», жалела себя и негодовала по поводу выходки «балбеса».

Вторым делом, отмечает писатель, Арина Петровна *не желала прослыть не такой, какой она себя показывала*, поэтому, забыв своё недовольство, она цинично меняет тон и начинает увещевать пойманного после побега Степана елейными словами: «Ты куда от матери уходил? – начала она, – знаешь ли, как ты мать-то свою обеспокоил? Хорошо ещё, что папенька ни об чём не узнал, – каково бы ему было при его-то положении? <...> Ах, дурачок, дурачок! – продолжала Арина Петровна всё ласковее и ласковее,- хоть бы ты подумал, какая через тебя про мать слава пойдёт! Ведь завистников у ней – слава богу! и невесть что наплетут! Скажут, что и не кормила-то, и не одевала-то... ах, дурачок, дурачок!» (13, 52).

В последующих действиях Арины Петровны автор показывает механизм «придания делу благочестивого вида». Прикрываясь льстивыми словами, притворным тоном, доходящим до самоуничтожения, она пишет Порфирию Владимировичу Головлёву: «Вчера утром постигло нас новое, ниспосланное от господы испытание: сын мой, а брат твой, Степан, скончался. Ещё с вечера накануне был здоров совершенно и даже поужинал, а наутро найден в постели мёртвым – такова сей жизни скоротечность! И что всего для материнского сердца прискорбнее: так, без напутствия, и оставил сей суетный мир <...>. Сие да послужит нам всем уроком: кто семейными узами пренебрежёт – всегда должен для себя такого конца ожидать...» (13, 54).

Однако, при всей ненависти к «сыну-злодею» живому, «сидящему на шее», «лишнему рту», «балбесу» Арина Петровна на похороны «отдала сполна»: «Покров из Москвы выписали, а погребенье совершал <...> отец архимандрит соборне» (13, 54). Затем она исполняет все христианские обычаи по самым высоким

меркам, желая похоронить сына, как подобает хоронить почтенного дворянина и при этом *не скупится «выказать свою любовь к нему»*, облакает себя в скорбные траурные одеяния, в письмах к детям пишет так, как положено было писать матери, воистину пережившей недавнее горе. Арина Петровна надевает на себя маску христиански-смиренной, благочестивой скорбящей матери, используя таким образом православную обрядность, изначально наполненную глубоким мистическим смыслом проводов души к Господу, как личину, под которой скрывается истинное «лицо» души, отпавшей от Бога.

Вереницу «блудных детей», возвращавшихся в Головлёво, открыл собой Степан Владимирович. В родной угол дети возвращаются только умирать.

Спустя десять лет из Петербурга возвратился умирать в головлёвское имение и дубровинский барин Павел Владимирович Головлёв, бесполовый, пьющий и больной человек.

Щедрин, посвящая нас в мир Павла Владимировича, с сердечной болью рисует то небытие, в которое он постоянно уходит. Созданный Павлом мир иллюзий забирает у него силы, опустошает и выматывает его, превращая в некий механизм-манекен, лишенный каких-либо чувств, в том числе и родственных: ни почтения к матери, ни сочувствия племянницам – сиротам, которых вместе с Ариной Петровной обобрал Иудушка, Павел в этом мире не испытывал. Только сожительствовавшая некогда с Иудушкой экономка Улитушка могла входить в его антресоли, куда приносила ему еду и водку. Даже перед лицом своей смерти Павел не думает о возможном покаянии, о внутреннем самоочищении, нет у него желания обратиться к Богу, не хочет он видеть ни мать, ни племянниц.

В описании сцены смерти Павла Головлёва Щедрин созвучен с Толстым, рисующим смерть Николая Левина в романе «Анна Каренина». Оба, и Николай, и Павел, умирают, еще не достигнув старческого возраста, смерть для них приходит как наказание за беспутную жизнь. Однако Николай у Толстого обращается к Богу, просит у него прощения, радуется встрече со сво-

им братом Константином, а тот, в свою очередь, предаётся естественным переживаниям и страданиям, видя неотвратимую кончину брата. Смерть очищает Николая. После его смерти Толстой говорит о продолжении жизни в семье Левиных.

У Щедрина всё иначе. Теплых, родственных отношений герои Щедрина не проявляют друг к другу. Арина Петровна несколько не жалеет сына. Явившись на антресоли, где все «пропиталось противной смесью разнородных запахов», где ощущались «те особенные миазмы, присутствие которых прямо говорит о болезни и смерти», она заводит разговор о наследстве, её интересует вопрос о том, оставит ли он после себя деревню матери или она перейдёт в руки ненавистного всем Иудушки (13, 69).

Равнодушие к умирающему Павлу царит во всём доме. Неслучайно Павлу Владимировичу дом кажется наполненным тенями: «Одиночество, беспомощность, мёртвая тишина – и посреди этого тени, целый рой теней. Ему казалось, что эти тени идут, идут, идут...» (13, 77). Вместе с этими «тенями» Щедрин являет к Павлу Владимировичу брата Порфирия Владимировича, но не затем, чтобы облегчить последние мгновения умирающего, как это делает Константин Левин для своего брата Николая, а все по той же причине овладения наследством. Щедрин рисует страшную сцену, в которой Иудушка, вышедший из роя теней, будто вампир, забирает у незащищённого и беспомощного брата последние остатки жизни.

Вся сцена посещения Порфирием брата Павла построена писателем так, что почти физически ощутимо состояние Павла, который задыхается и корчится от бессильной ярости.

Смертью хозяина села Дубровина Павла писатель повторяет почти весь ритуал похорон Степана. Этот повтор у Щедрина нагнетает ощущение обреченности, отсутствия движения вперед. Автор, усиливая напряженность в романе, обращает свой взор на все увеличивающую пустоту, которая после смерти Павла заполнила собой пространство головлевской усадьбы.

Для Щедрина *теперь* средоточьем пристального внимания становится Иудушка, потому что с момента похорон Павла *он*

один из второго поколения Головлевых является основным хозяином в имении. Следующей *жертвой* для него, не унимающегося даже на поминках брата, *становится* сама *Арина Петровна*, вырастившая его со своим особым «сердечным пристрастием». И Иудушка, выбрав «приличный сюжет», сразу же, не замедлив, начинает тиранить Арину Петровну обрывками поминального празднословия, «безнадёжной канителью» о том и о сём, пусто-порожними богословскими спорами. «У Арины Петровны так и кипит сердце, целый час прошел, а обед только в половине. Иудушка словно нарочно медлит: поест, потом положит ножик и вилку, покалякает, потом опять поест, и опять покалякает» (13, 90). Как ни сдерживалась Арина Петровна, но она не вынесла этой пытки. Упоминание Иудушки о тарантасе переполнило чашу её терпения. Протест матери выразился в истерическом вопле. Этот крик, вырвавшийся из самой души Арины Петровны, как бы подводит черту под всей прошлой жизнью головлевской помещицы.

Писатель жалеет эту старую женщину, высказывает сочувствие ей: она оказалась выброшенной «любимчиком Порфишей» не только из Головлёва, но из Дубровина, обобранной, утратившей смысл жизни, осиротевшей. Это сиротство состояло не только в ее вдовьем положении и не только в том, что двое родных сыновей её умерли, так и не женившись, не оставив после себя никакого следа, а в отсутствии какого-либо человеческого участия окружающих в ее дальнейшей жизни.

Возвращение второго поколения детей в Головлёво, представители которого так же порочны, писатель представляет почти одинаково с первым. Так заканчивается у Щедрина один из кругов семейного ада.

В головлевском семействе существовало и третье поколение – внуки Арины Петровны и Владимира Михайловича. Как известно, у Порфирия была в Петербурге семья, но жена умерла, оставив двоих сыновей на попечение Иудушки: Петеньку, которого «как и всякого блудного дворянского сына», «не отдавшего себе никакого отчёта в жизненных целях, как-то инстинктивно тянет в своё ме-

сто», и Володеньку, неспособного, как и все Головлёвы, что-либо делать и содержать самостоятельно себя и свою семью, кроме того, с Ариной Петровной жили еще ее внучки Аннинька и Любинька.

В минуту отчаяния Петенька прибывает в Головлёво, как в последнее «своё место», куда только и мог он приехать с таким грузом внутри: проигравший в карты казённые деньги и ждавший тюрьмы.

Писатель, отстранившись от происходящих событий, задаётся вопросом по поводу такого появления в Головлёве внука Арины Петровны и сына Порфирия Владимировича: на что он надеется? чего ищет? «что-то будет из этой поездки? совершится ли чудо, которое должно превратить *камень в хлеб*, или не совершится?»

Пытаясь ответить и прояснить ситуацию, Щедрин подчеркивает бессмысленное появление в имении головлевского отпрыска: «Конечно, Петенька может быть и не понимал своего отца, но во всяком случае он не знал за ним ни одного чувства, ни одной слабой струны, за которую предстояла возможность ухватиться и, эксплуатируя которую, можно было бы чего-нибудь достигнуть», «он чувствовал только одно: что в присутствии отца он находится лицом к лицу с чем-то необъяснимым, неуловимым» (13, 116). Реакцию отца на неожиданный приезд сына Щедрин изображает почти так, как встретила своего первого сына Арина Петровна. Душевная пустота Иудушки, тревожно ощущаемая Петенькой, роднит отца с бабушкой. Арина Петровна с приездом Петеньки вспоминает потрясения её собственные, связанные с возвращением её сына «балбеса». «И сдаётся ей, что она всю ту же знакомую повесть слышит, которая давно, и не запомнить когда, началась. Закрылась было совсем эта повесть, да вот и опять нет-нет возьмёт и откроется на той же странице» (13, 118). Предчувствие Арины Петровны оправдалось. Совпал и финал повестей: «ни один мускул не дрогнул на деревянном лице Порфирия Владимировича, ни одна нота в его голосе не позвучала чем-нибудь похожим на призыв блудному сыну» (13, 133).

Смиренная просьба сына, его истерическая мольба о помощи, наконец, гневные обвинения в жестокости наталкиваются на глухую стену, сложенную из ласковых расспросов и умильных разглагольствований. Щедрин, помня народную мудрость, гласившую: «Яблочко от яблоньки далеко не откатится» или «что посеешь – то пожнёшь», разоблачает Порфирия Владимировича, который так же, как и Арина Петровна в своё время, обрекает своего родного сына на смерть, тем самым разрывает связующую цепь времён, не задумываясь о продолжении рода Головлёвых.

Жутким смертным приговором для своего сына открывается смысл отцовского напутствия, который как всегда говорил ласковым голосом: «Уезжай, брат! Эй, кто там? велите-ка для молодого барина кибитку закладывать. Да цыплёночка жареного, да икорки, да ещё там чего-нибудь ... яичек, что ли ... в бумажку заверните... На станции, брат, и закусишь, пока лошадей подкормят. С богом!» (13, 133).

Два сына Порфирия Владимировича погибают не без его участия («...у Щедрина, – как писал Н.К. Михайловский, – обе эти развязки происходят за кулисами»), и Иудушка к концу своей жизни прозреет, осознает свои страшные преступления, как это происходит с Ариной Петровной теперь.¹

К прозрению Щедрин готовит свою героиню постепенно: Арина Петровна, видя очередную разыгрывающуюся трагедию, осознаёт, что Иудушка губит своего сына, как когда-то это делала она. Писатель, исследуя природу этого прозрения, пишет: «...с первого взгляда можно было заподозрить, что в ней происходит что-то не совсем обыкновенное и что, может быть, настала минута, когда перед умственным её оком предстали во всей полноте и наготе итоги её собственной жизни. Лицо её оживилось, глаза расширились и блестели, губы шевелились, как будто хотели сказать какое-то слово – и не могли. И вдруг, в ту самую минуту, когда Петенька огласил столовую рыданиями, она грузно поднялась

---

¹ Михайловский Н.К. Щедрин // М.Е. Салтыков-Щедрин в русской критике. М., 1959. С.443.

со своего кресла, протянула вперёд руку, и из груди её вырвался вопль: – Прро-кли-ннаааю!» (13, 134).

Высшее внутреннее напряжение Арины Петровны Щедрин отмечает ее изменившимся внешним видом, оживленным лицом, расширенными и блестящими глазами, шевелящимися губами, чего ранее никогда не происходило с ней, писатель никогда ранее не передавал так внутреннее состояние героини. Щедрин изображает в ней небывалое до этого чувство, которое от того низменного состояния, в котором она находилась, приблизило ее к человеческой личности. Это был своеобразный прорыв через страдания Арины Петровны к разумному осознанию человеческого в самой себе.

Однако, комментируя это событие, писатель скажет: «Материнское проклятие, чего больше всего боялся Иудушка, случилось...! Но ничего особенного не произошло: всё как стояло на своих местах, так и осталось: не ушла из-под ног Иудушки почва, не разверзлась земля, а Иудушка продолжал делать пакости свои, как и раньше...».

Вопреки ожиданиям Пети, отмечает автор, «Порфирий Владимирович вынес материнское проклятье довольно спокойно и ни на волос не отступил от тех решений, которые, так сказать, всегда готовые сидели у него в голове...» (13, 134).

Писатель спокойным и обыденным тоном повествует, что после этого события Арина Петровна занемогла и больше не встала, а через месяц умерла. Смерть матери Иудушка, как и следовало ожидать, встретил ровно, занялся похоронами, служил панихиды, заказывал сорокоусты, толковал с попом и т.п. Щедрин с грустью отмечает, что связь времен не осуществилась в головлевском семействе ни в детях, ни внуках Арины Петровны. Жестокую судьбу двух братьев Иудушки и двух его сыновей разделяет и «племяннушка» Аннинька, приехавшая умирать в Головлёво.

Самой темной и неудобной стороной повернулась жизнь к внукам Арины Петровны Анниньке и Любиньке, пишет Щед-

рин; создавая реалистические картины их жизни, он рисует их мрачно и сурово.

Без материальной поддержки, без родительского благословения Аннинька и Любинька отправляются на поиски счастья в мир, представлявшийся им лучше, чем их домашнее положение.

Щедрин, защищая внучку Арины Петровны, отмечает, что не получившая полноценного воспитания Аннинька не имела понятия о значимости в ее судьбе единения двух жизненных начал – духа и плоти, о той разрушительной силе зла, которая может войти в нее и погубить, поскольку «положение русской актрисы очень недалеко стоит от положения публичной женщины».

В данной ситуации автор разделяет позицию Толстого о «единстве духа и плоти». Скользкий путь, на который ступили внучки господ Головлёвых, зарабатывая себе на жизнь своими силами, заканчивается для обеих трагедией. Щедрин показывает начало «творческой деятельности» Анниньки как заблуждение, которое на первых порах представлялось ей весёлым и радужным. Имея представление только о внешней стороне профессии актрисы, Аннинька сделала свою жизнь чем-то вроде «въезжего дома», в ворота которого «мог стучаться каждый, кто сознавал себя весёлым, молодым, богатым» (13, 155). Жизнь актрисы будоражила её. Одинокая, «без руководящей подготовки, без созданной цели, с одним только темпераментом, жаждущим шума, блеска и похвал», она не сразу увидела и осознала себя, «кружащуюся в каком-то хаосе, в котором толпилось бесконечное множество лиц, без всякой связи сменявших одно другое» (13, 156). Тут-то и таилась мрачная драма.

В отличие от Толстого, который на протяжении всего романа ни разу не высказал своего отношения к заблуждению Анны Карениной по поводу ее увлечения Вронским, Щедрин прямо и открыто высказывается в адрес артистической деятельности Анниньки, раскрывая жестокую сущность происходящего. «Святое искусство», – утверждает он, – привело её в помойную яму, но голова её сразу так закружилась, что она не могла различить этого».

Сравнивая жизнь Анниньки с каруселью, несущейся по своей заданной траектории движения, сбивающей ее с толку в вертепе наслаждений с разумного человеческого существования, писатель не дает героине времени оглянуться вокруг, прислушаться к общественному мнению, остановиться... И останавливает ее только на самом краю пропасти.

Каким-то странным обречением, «зловещим фатумом» становится у Щедрина «удручающее однообразие», с которым появляется болезнь во всех членах семейства, уход один за другим из жизни головлёвских отпрысков.

Щедрин переводит бытовые зарисовки из жизни сестер в психологический план. И теперь иные картины встают перед их глазами, картины угарного прошлого, в котором *оно* в их памяти обнажалось в «железной живучести», стремительно выплывало наружу и, вопреки желанию и душевным усилиям – забыть все, нещадно растревало сердце: вонючие гостиницы, номера, обер-офицеры, обер-офицеры, обер-офицеры; потом начинались иные воспоминания: постоялый двор, пьяные и драчливые ночи, проезжие помещики, хваты-купцы, подбадривающие актёрок чуть ли не с нагайкой в руках. А наутро – головная боль, тошнота и тоска, тоска без конца. Стать на ноги и начать размеренную жизнь после вертепа оказалось невозможно, карусель выбросила их в страшный жизненный тупик, где кроме позора и нищеты ничего нет» (13, 248).

Аннинька и Любинька, считает литературовед М.С. Горячкина, в начале романа «по основным чертам своего характера являются типичным героинями дворянских писателей»¹, потому Щедрин предоставляет возможность Анниньке, как это принято было в романах того времени, съездить на свою малую родину, осмотреться, осознать и начать жить по-новому.

Однако после посещения Погорелки, в которую она ехала с какой-то тайной надеждой на успокоение, Аннинька понимает,

---

¹ Горячкина М.С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1965. С 109.

что там то же самое, что и везде, только прикрытое родственной благонамеренностью.

Однако Аннинька не нашла в себе сил поступить так, как решила её сестра Любинька – «умереть от себя», а «приехала умирать» в Головлево.

Как видим, писатель создает картины близкой человеку реальности, ежедневную жизнь, осваивая ее здесь не в качестве заведомо «низкой прозы», а как место серьезнейших конфликтов.

История человеческих душ, порвавших с Богом, заканчивается у Щедрина трагично. Писатель не без стыда и боли создает картины гибели представительниц старинного дворянского рода, страшного падения наследниц семьи Головлевых: «Мало-помалу сестёр начали возить по гостиницам к проезжающим господам, и на них установилась умеренная такса. Скандалы следовали за скандалами, побоища за побоищами, но сёстры были живучи, как кошки, и всё льнули, всё желали жить. Они напоминали тех жалких собачонок, которые, несмотря на ошпаривания, израненные, с перешибленными ногами, всё-таки лезут в облюбованное место, визжат и лезут» (13, 246).

Эти характеристические сцены с большой убедительной силой говорили об истинном положении дела в государстве, о разрушении в нем семьи и человеческой личности.

Эта же тема звучит у Толстого. Разрушение бывшего могущества дворянского класса – опоры престола – изображает писатель в «Анне Карениной», он с горечью рисует картины похождения Степана Аркадьевича Облонского – потомка рода Рюриковичей – на поклон к железнодорожным магнатам просить у них материальной поддержки и устроиться на службу к тем, кто, подобно купцу Рябинину, обманным путем наживался на его же, Облонского, состоянии.

Тема умирания дворянского класса, дворянских семей, в которых происходит нравственная гибель целых поколений людей, одинаково, с болью и тревогой, звучит у Толстого и Щедрина.

Щедрин на примере дворянской семьи Головлевых показывает, как осуществляется губительный процесс распада семейных отношений в русской провинции.

Писатель видит в этом распаде трагедию, обреченность, вскрывает его причины, которые усматривает в потере духовных качеств в человеческой личности под давлением капиталистических преобразований в стране, страдает сам из-за изменившихся обстоятельств, но понимает их необратимость.

Характерной чертой изображаемого Щедриным «вымороченного мира» является однообразие, дублиаж, повторяемость явлений; в финале романа узнаётся его начало: роман кончается тем же, с чего начался – погостом...

Писатель показал грустную историю гибели господ Головлёвых, в которой во многом отразилась история Салтыковых как типичное явление.

5.2. Воплощение Пустоты и Совесть в системе образов романа

Художественное изображение истинных отношений между людьми, в основе которых лежит принцип единения и любви – «мира», и ложных взаимоотношений, базирующихся на разъединении – «войне», получает у Л.Н. Толстого в «Анне Карениной» иное словесно-образное выражение: «миру» соответствует понятие «семейности», «войне» – «бессемейности».

В соответствии с таким подходом в романе «Господа Головлёвы» у М.Е. Салтыкова-Щедрина понятие «семейности» может соотноситься с совестью, а понятие пустоты сопряжено с ложными взаимоотношениями, в основе которых положен принцип разъединения, порочности, «бессемейности».

Отождествить семейность с совестью, а бессемейность с пустотой нам позволяет сказка Щедрина «Пропала Совесть». Сюжет её прост: Совесть, изгнанная из мира человеческих душ, в образе негодной ветошки мытарствуется по всем социальным кругам тогдашнего российского общества, каждый из которых словно символизирует тот или иной порок. Но ни в одном из них она не находит себе приюта и пристанища. Нет у Совесть «своего места», потому что почти все общество погрязло в пороках.

Щедрин, поясняя своё отношение к этому явлению, говорит: «Мне кажется, что моралисты слишком суживают границы порока, чересчур уж тщательно определяют его внешние признаки. Вследствие этого, порок представляется чем-то окаменелым, не только не имеющим никакой притягательной силы, но даже прямо отталкивающим <...>. Мне кажется, что простая человеческая совесть оказывается в этом случае гораздо более пронизательной. Во-первых, она отвергает замкнутость, которую приписывают пороку моралисты, и признаёт за ним значительную долю въедчивости; во-вторых, она не допускает, чтобы порок так легко поддавался определениям <...>, в-третьих, она признаёт, что порок прогрессирует, как относительно внешних форм, так и по существу» (13, 508-509).

Таким образом Щедрин придает пороку как явлению значение гораздо более широкое, чем оно определено моралистами: это явление, по мнению сатирика, мобильно и изворотливо, всепронизающе и постоянно меняет свои формы. В связи с этим человеческие отношения со знаком «минус» для Щедрина имеют не конкретно-замкнутое значение, а обобщённо-распространенное; совесть же, считает писатель, становится единственным своеобразным сдерживающим фактором мутирующего порока, потому-то «в художественном мире Щедрина пропажа совести занимает ведущее место и подспудно определяет в нём наличие двух главных образов: бессовестного мира (пустоты, безыдейности) и бесприютной совести (неподготовленности места в душе для совести)¹.

Образ пустоты занимает центральное место в художественном мире романа «Господа Головлевы». Идея пустоты формируется в романе системой взаимосвязанных образов, которые выявляются в сюжете, фабуле романа, в истории персонажей и даже на внешне словесном уровне произведения.

Подмена в реальном мире Головлевых истинных ценностей ложными, искаженное мировосприятие героев, показанное Щедриным в романе, для самого автора наполнены безысходностью и сердечной болью.

---

¹ Горелов П. Пропажа совести и ее возвращение. С 34.

Вместо сердобольного отца в притче о блудном сыне, воплощающего Добро, писатель изображает Иудушку, сидящего у домашнего очага; идеал его бессознательной жизни определён им самим в нравоучительной речи к брату Степану: «Вот кабы ты повёл себя скромненько да ладненько, ел бы ты и говядинку и телятинку, а не то так соусу приказал. И всего бы было у тебя довольно: и картофельцу, и капустки, и горошку...» (13, 46).

Иудушка своими разглагольствованиями о неблагопристойном поведении Степана оценивает его поступок едой: хорошее поведение повлекло бы за собой пищу вкусную, с приправами и соусом, а такое, какое было у старшего брата, сытной пищи не заслуживает. В романе «Господа Головлевы» именно Иудушка занимает место хозяина жизни – совести.

В своем стремлении разоблачить предательскую сущность, раскрыть ничтожность моральных принципов Порфирия писатель использует различные художественные приемы, что неоднократно отмечали исследователи-щедриноведы. «Порфирий Головлёв назван не Иудой, а Иудушкой, – пишет Покусаев, – что сразу как-то житейски приземляет героя, выводит его из сферы социально-моральных деяний и переносит в иную область, в область будничных отношений и делишек, обыкновенного существования»¹.

Именно «в области будничных отношений и делишек» существует Иудушка у Щедрина, круг его интересов ограничен, общение с внешним миром почти прекращено, затворническое существование определило сферу взаимодействия с родными и близкими ему людьми.

Критик С.Д. Лицинер в статье «На грани противоположностей» указывает, что «...в самом прозвище «Иудушка», отражающем в своей форме нудную елейность персонажа, сращены в сущности несовместимые прежде представления: евангельский образ – знак большой морально-философской проблематики, и

---

¹ Покусаев Е.И. Господа Головлёвы М.Е. Салтыкова-Щедрина. С. 84.

бытовой, приземляюще уменьшительный суффикс, которым эта проблематика переводится в план будней»¹.

Действительно, Щедрин совмещает в образе Иудушки морально-философскую и бытовую проблематику. Иудушка стремится своим разговором, в котором самой распространённой темой является Бог, убедить окружающих его людей в своей религиозности и благочестивости. Но отношения Порфирия Владимировича с Богом откровенно практичны. Бог для него – нечто вроде высшей инстанции, к которой можно обращаться с самыми разнообразными делами: от наказания «непочтительных детей» до прямых материальных прошений. Все разговоры Иудушки, даже самые обыденные, пересыпаны хвалебными обращениями к «создателю», «Христу», «царю небесному», «господу богу», «ангелам-хранителям», «божьим заступникам», «угодникам».

С тонкой психологической проникновенностью Щедрин показывает, что в представлении Иудушки Бог чаще выступает в роли богатого покровителя, расположенного к нему, либо в роли грозного начальства – вроде мирового или исправника, ограждающего интересы примерного христианина. Страшным извращением выглядит Иудушкино рассуждение, прикрывающееся Богом, над умирающим Павлом, когда он решает вопросы наследства: «Не любил меня брат... Я всем добра желаю! и ненавидящим, и обидящим – всем! Несправедлив он был ко мне – вот Бог болезнь ему и послал, не я, а Бог!» (13, 78).

Литературовед В.И. Малкин говорит об Иудушке как об актере и лицемере: «...он Богом лицемерит, – оттого, что любит участвовать в разыгрывании обрядовой стороны религии, в жизни Иудушка – актёр, он постоянно играет в инсценируемой им комедии роль и притом всегда самую подлую»². Ведущей в разговорах и играх Иудушки является тема Бога, тема семьи, но, как и следовало ожидать, о семье и её благополучии Иудушка и не помышляет, он преследует только корыстные цели. Щедрин показы-

---

¹Лицинер С.Д. На грани противоположностей // Салтыков-Щедрин 1826-1976. Л., 1976. С.166.

²Малкин В. М.Е. Салтыков-Щедрин. М., 1976. С41.

вает, что своими рассуждениями о сыновней почтительности, о великодушии материнского чувства Иудушка добивается того, чтобы Арина Петровна под горячую руку не выбросила брату Степану новый «кусок» в виде «вологодской деревнюшки», которую он потом приберет к своим рукам. Славословием родительской власти и изображением поступка Степана в самом неприглядном виде Порфирий провоцирует Арину Петровну на крутые меры, исподволь приводит её к желаемому им самим решению – ничего не давать, оставить Степана в Головлёво, взяв предварительно обязательство об отказе от наследства.

Полная незащищённость брата Степана открывает Иудушке удобный случай ограбить его начисто. Высокопарное блудливое слово придаёт видимость справедливости этим грабительским действиям: неблагодарный сын и брат «по-родственному» принят в лоно семьи, утешено встревоженное сердце матери и т.п. Никто в семье не может воспрепятствовать разбойничьим действиям Иудушки, даже Арина Петровна словесное плетение Порфирия воспринимает как закидывание петли на шею, но её угроза лишит Иудушку родительского благословения, если он обидит брата, ничего уже не может изменить в трагической судьбе «постылого».

С такой же лёгкостью, с какой обрекает на смерть Степана, он издевается над беззащитным умирающим Павлом, без особых сомнений предлагает себя в любовники своей племяннице, придавая всем своим делам благопристойный вид и толк; так же не задумываясь, он губит троих своих сыновей, сам порывает живую нить дальнейшего продолжения рода Головлёвых. Иудушка без конца и много говорит, но ни одно его слово не подкрепляется делом. От других он тоже требует слов фальшиво-нежных («простите... душенька папенька, что вас огорчил»), но вовсе не интересуются тем, какое стоит за ними реальное чувство.

Писателю удастся показать страшную бездуховность Иудушки, прикрывающегося пустыми словами. Такое суждение отмечено А.А.Жук: «Салтыков показал грозную разрушительную силу пустого формального слова, которое опустошает и запеча-

тывает» человеческую душу»¹. И верно, в романе почти нет душевных соприкосновений героев, только дважды (в самом начале и в самом конце) показаны искренние порывы двух персонажей, в первом случае это происходит между чужими, когда разбогатевший оброчный крепостной Арины Петровны проявляет участие к Степану, везёт его и сочувствует ему, в другом – между одичавшей роднёй, когда Иудушка, разглядев рядом с собой измученное живое существо, проявил неожиданную жалость к Анниньке.

Мы видим, как казнит Иудушка пустословием убегающую от развратной жизни Анниньку, в особенности после того, как она с отвращением отказалась стать его любовницей, он буквально изводит племянницу родственными разглагольствованиями, «мучительно растягивая слова». Это невыносимо тягостное, въедливое тиранство, показанное автором, соответствует пошлым мыслям, чувствам и желаниям, из которых соткана внутренняя жизнь Порфирия. А в доме Головлёвых, куда было хотела вернуться Аннинька, Иудушка испускает и порождает своим существованием страшную пустоту. «На протяжении всего романа Иудушка пытается прикидываться человеком, – скажет о нём Д.П. Николаев, – на самом деле он призрак»². И действительно, пустое слово разобщило Иудушку с людьми, зачерствела его душа, парализовалась его воля, притупились чувства, кроме одного – животного чувства самосохранения, эгоистического сосредоточения на себе самом, своём жалком выдуманном мирке. Щедрин отмечает, что постоянно погруженный в самого себя, беспрепятственно предаваясь праздномыслию и празднословью, Иудушка перестаёт ощущать реальную, действительную жизнь, он уходит в выдуманный им мир иллюзий. Его запой праздномыслия и пустословия окончательно разлагает личностные качества. Словесный прах, наполнявший Иудушку, накопился в таких размерах, что герой начал тонуть в нём. «Запершись в кабинете и засевши за письменный стол, он с утра до вечера изнывал над фантастической ра-

---

¹ Жук А.А. Послесловие к роману «Господа Головлёвы» М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1976. С. 279.

² Николаев Д.П. Смех Щедрина. М., 1988. С. 100.

ботой: строил всевозможные несбыточные предположения, учитывая самого себя, разговаривал с воображаемыми собеседниками и создавал целые сцены, в которых первая случайно взбредшая на ум личность являлась действующим лицом» (13, 188).

***

В созданном Щедриным художественном мире «Господ Головлёвых» человек живёт в нестерпимых условиях: все явления существующего мира у сатирика словно объединяются, чтобы давить, стискивать, угнетать окружающее, всё становится необыкновенно весомым, грузным, материальным, бременящим человека. Жизнь предстает в виде *образа непосильного бремени*. Так, Арину Петровну если и «давит мысль о детях», то они для неё – «лишняя обуза»; дочь ей «подкинула на шею» щенков, да и «постылый» норovit тоже «сесть ей на шею» и, наконец, «на шее повис».

Степана давит «серое, вечно слезящееся небо осени», «гнетёт бремя уныния и истомы». Человек превращается в «нежить», нечистую силу, которая боится дневного света.

Для Анниньки «прошлое, как скарб, который надавливался ей на плечи», она ощущает «гнёт прошлого», даже сон сваливается на неё, «словно камень», из-под которого она «выползает» «разбитая», «полуобезумевшая»; всех персонажей романа давит «натиск» почти физически ощущаемой массы пустяков; все герои – «подавленные существа».

Непосильное бремя, по мнению Щедрина, возникает в период *безвременья*, которым он считает пореформенный период.

Вневременное пространство втягивает героев в бездонную пропасть небытия; нет ничего, за что можно было бы удержаться, чтобы остановиться среди этого всевовлекающего оползня. Для Степана Владимировича после его возвращения в Головлёво время существования утрачивает свою цельность, будущее для него совсем перестает существовать.

«Память пробовала прорваться в область прошлого», – пишет Щедрин, – но «прошлое не откликалось ни единым воспоми-

нанием, ни горьким ни светлым, словно между ними с настоящей минутой раз и навсегда вставала глухая стена». «Перед ним было только настоящее в форме наглухо запёртой тюрьмы, в которой бесследно потонула и идея пространства, и идея времени» (13, 50). Да и горизонты настоящего суживаются писателем до размеров сиюминутного: «печка», «окно»...

В этом состоянии начинается процесс *распада сознания*, где стирается граница, отделяющая человека от мертвеца. Человек, покинутый сознанием, погружается в беспамятство, оцепенение, во мрак – это выморочный человек. «Чувство действительности» отмирает, «самое существование как бы прекращается, от человека остаётся только тело, покинутое сознанием, – труп. Тьма эта нужна «выморочному», так как вместе со светом у него просыпается «страх», «отвращение, ненависть» к жизни.

Степан, например, весь погружается в «безрасчётную мглу, в которой нет места не только для фантазии, но и для действительности. Мозг его вырабатывал нечто, но это нечто не имело отношения ни к прошедшему, ни к будущему. Словно чёрное облако окутало его с головы до ног... В этом загадочном облаке потонул для него весь физический и умственный мир...» (13, 53).

Непомерной тяготой представляются обессиленному человеку житейские мелочи, бытовые пустяки, которые приобретают какую-то грузную весомость. И внутренне никчёмный Степан не в силах противостоять агрессивности «остервенелого» мира.

В загадочное облако погружается и Анна Каренина в вагоне, когда возвращается из Москвы в Петербург, в нее тоже поселяется *нечто*, после чего мир в ее представлениях искажается, она видит все только в черных тонах: и облик мужа, и поступки сына; да и сам Каренин чувствует перемены, происшедшие в его жене, и терпеливо готовится к тому страшному, что принесет это *нечто*.

Толстой и Щедрин остро ощущали в общественных переменных демоническое присутствие, называемого ими *нечто*, и одновременно отображали это присутствие в романах «Анна Каренина» и «Господа Головлевы».

В этом окружении человек теряет свои лучшие качества, погружается в мир вещей, опредмечивается, сам становится вещью, замечает Щедрин: «на сестёр установилась умеренная такса», Арина Петровна становится «лишним ртом». Нарисованная действительность развращённого мира создаёт у Щедрина соответствующие условия для распада человеческой личности, опустошает и «выхолащивает» её. Степан в условиях этой действительности окончательно *вышучивается*, Павел *иссыхает*, Аннинька и Любинька *истощаются* в разврате.

В этой связи автор изображает медленный процесс умирания человека: *сначала наступает забытие*, отмечает он, затем человек растворяется в «беспредельной пустоте» и, наконец, *сливается с небытием*.

Процесс развала и слияния с пустотой человеческой сути Щедрин конкретно показывает на примере судьбы Степана: за окном его жилья «разверзнувшиеся хляби земли», облако разорванной формы, казалось, «угрожавшее задушить его», окрестность, постепенно «заволакивающаяся» грузными массами облаков и, наконец, совсем пропадающая» (13, 51). Степан проходит все этапы распада своей сущности: сначала он забывается и не осознает, что с ним происходит, потом не понимает своего окружения и быта и в конце совсем исчезает.

В предыдущей главе мы говорили о том, насколько заразительно разложение души, отпавшей от Бога, как поражает оно всех, забывших о приоритете Вечного над земным. Как видим, эта проблема с одинаковой остротой ставится и Толстым, и Салтыковым-Щедриным.

Болезнью разъятого времени заражается и Арина Петровна: «развращённая воля « сделала из неё, «которую прежде никто не решался даже назвать старухой», «развалину, для которой не существовало ни прошлого, ни будущего, а существовала только минута, которую предстояло прожить» (13, 185). Так с Ариной Петровной происходит потому, что истончаются и срываются с ее души «покровы», защищающие ее от агрессивности «остервенелого» мира. «Общая формула» жизни распадается у Щедрина

на «частные формулы», дробится по пустякам и личное, и частное существование. Щедрин показывает, что даже Иудушка, казалось бы, живущий в полном согласии с общественной средой, тоже вытесняется из этой действительности в пустой мир воображения. Вначале это происходит по причине стремления как-то облегчить жизненную ношу, поэтому приводит его ко лжи. От бессознательной лжи жизнь его облегчается, потому что ложь всё может менять местами, все явления жизни делает лёгкими, возможными, так как для неё равносильно то, что различно в действительной жизни. «Так и тянуло, – пишет Щедрин, – его прочь от действительной жизни на мягкое ложе призраков, которое он мог перестанавливать с места на место, одни пропускать, другие выдвигать, – словом, распоряжаться, как ему хочется». В реальной жизни у Иудушки нет сил справиться даже с житейским пустяком, зато какая компенсация, какое всемогущество в призрачном мире! Там можно отомстить всем: и живым, и мёртвым, можно не опасаться «ни отпора, ни мировых судей», можно «свободно опутывать целый мир сетью кляуз, притеснений и обид».

В выдуманном мире Иудушка истощает себя в воображении, в «запое праздномыслия», он сходит в пустоту воображаемого мира, которая словно высасывает и поглощает все силы человека. «Существование его получило такую полноту и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь мир был у его ног» (13, 165).

Щедрин прочувствовал этот вампиризм пустоты в «мнимой действительности», парализующей деятельность человека миром иллюзий, и потому он стремится в духе традиций русской литературы к утверждению целостной личности и целостного человека. «Мнимая действительность» – это мир, воссозданный Щедриным, где нет места человеческой жизни, подлинная жизнь возможна лишь в «действительном мире», где человек призван утверждать себя как целостную личность, как воплощение совести.

В условиях мира Головлевых *совесть* лишена возможности существовать, она изгоняется в душевные глубины и забивается там, после чего «утрачивает ту деятельную чуткость», которая

постоянно напоминала бы человеку о её существовании. Совесть, лишенная возможности участвовать в жизни человека, утрачивает свою способность смело противостоять лжи.

Здесь важно отметить, что совесть в романе выступает как понятие требовательно-суровое и лишённое примиряющего смысла. Оно воплощает идею нравственного возмездия, которое зло несёт в себе самом.

Мы видим, что нравственное возмездие приходит и к Арине Петровне, и к Иудушке, несмотря на то, что для совести в мире Головлёвых нет места; и отец из притчи словно умирает для художественного мира романа, а «блудные сыны» господ Головлёвых – это те же «сироты» и «сиротки». Перед смертью и в Арине Петровне, и в Порфирии Владимировиче просыпается совесть, и в этом писатель видит основное средство, направленное против зла и пустоты, против порока бессемейности.

Пустота, возникшая на месте пропавшей *совести*, у Щедрина ничем не восполняется, и *образ пустоты* является центральным в художественной системе романа, выявляемый им на уровне архитектоники. Он уточняется внешне – словесными образами «бездны», «прорыва», «пропасти», «зияния», «пустяков». Так, для вернувшегося домой Степана сразу же по прибытии «потянулся ряд вялых, безобразных дней, один за другим утопающих в серой, зияющей бездне времени»; для Иудушки, «праздные мысли которого беспрепятственно скатывались одна за другой в какую-то загадочную бездну», «недостаёт чего-то оглушающего, острого, что окончательно упразднило бы его представление о жизни и раз и навсегда выбросило бы его в пустоту»; для Арины Петровны, властной и деятельной помещицы, плоды всей её жизни, выращенные на ниве «головлёвского скопидомства», «исчезают в зияющей бездне погребов и подвалов». Писатель устами Степана, оценивающего хозяйственные методы материнского управления, восклицает: «Сколько, брат, она добра перегнуила – страсть! <...> Свежего запасу пропасть, а она и не прикоснётся к нему, покуда всей старой гнили не приест» (13, 45).

Ненасытимое «зияние» погребов выглядят тем ужаснее, что глотают они ни много ни мало, как целую «прорву» накопленного, «пропасть деньжищ», более того, распахнутый «зев» пустоты глотает целые головлёвские жизни. Достаточно вспомнить «поистине трагический вопль» Арины Петровны: «И для кого я всю эту прорву коплю! для кого я припасую! ночей недосыпаю, куска недоедаю... для кого?!» (13, 44). Чтобы понять это, считает писатель, нужно осознать, что бездна погребов, олицетворяющая распахнутую вокруг человека бездну духовной пустоты – могила для всего «дворянского гнезда» Головлёвых.

Проникшее в жизнь Арины Петровны «ощущение пустоты» «изнуряет и поселяет смуту» в её душу. Она, как и всякий обезволенный человек, порабощённый пустяками, в какой-то неуловимый момент смиряется под их властью: «Пусть!». В этом жесте безволия звучит попустительство пустоте, призыв её, смирение перед нею, согласие «млеть в чаду жизни...». «Как только она [Арина Петровна] осознала себя безвозвратно осуждённой на беспомощность и одиночество, так тотчас же в душу начали заползать все новые поползновения малодушия и мало-помалу окончательно развратили и без того уже расшатанную волю» (13, 136).

Щедрин рисует, как постепенно развращается воля Арины Петровны, как наступает у нее ощущение постылости ко всему окружающему: для неё уже не существовало ни прошлого, ни будущего. Всё чаще случались припадки малодушия, которые порождали в Арине Петровне одно желание – жить настоящей минутой. Это стало источником развития наклонностей завзятой приживалки. Как и подобает приживалке, Арина Петровна стала «прожорливой» и «сластёной» и отведывала с Иудушкой все приготовления господской кухни, всласть спала после обильного обеда; восхищённо поддакивала своему болтливому сыну и сама была не прочь попустословить о том о сём.

Так незаметно для себя и других человек погружается, «окунается» в «бездну мелочей», в «бездну пустяков», которые медленно высасывают его жизненные силы, время; человек весь исходит в мелочи, никчёмную суету жизни, в пустоту. Именно

вследствие внутренней пустоты всё тяжелит, наваливается, давит, гнетёт, обременяет человека; пустота и бремя неразделимы.

И действительно, Щедрин изображает человека внутренне опустошённого, ощущающего всё действительно существующее, как бремя, давление извне, как постоянную помеху; степень опустошенности и сила тяжести находится в нём в прямо пропорциональной зависимости: чем более опустошён внутренне человек, тем страшнее для него угроза быть раздавленным «ярмом безумия». Все это дает возможность предполагать, что существование в таких условиях человека просто невыносимо, человек «разваливается», «рассыпается в прах».

В романе «Анна Каренина» Толстого постоянной помехой является «злой дух», вселившийся в душу Анны, который постепенно завоевывает все окружающее ее пространство, а затем приводит к гибели. У Щедрина для Головлевых «злой дух» рождается на месте пустоты, возникающей там, где должна быть духовность, которую сатирик называет совестью.

Душевный и жизненный опыт Щедрина свидетельствует о неоспоримой взаимосвязи идеи *пустоты* и идеи *разврата*. Разврат прослеживается в поступках почти всех героев романа. Подвержен пагубной идее разврата и глава семьи Владимир Михайлович, поклонник Баркова, подкарауливавший девок в коридоре своего дома; и Павел, сожительствовавший с экономкой Улитушкой, которая являлась одновременно и любовницей Порфирия; и Порфирий, открыто живущий в своем доме с дочерью дьячка, а потом пожелавший вступить в интимные отношения со своей родной племянницей; Аннинька и Любинька, погибающие от плотской развращенности... Смещенные представления о смысле жизни, отсутствие потребности нравственного совершенствования характерны для всех членов семьи Головлевых на протяжении трех поколений; мало того, происходит усугубление плотских потребностей: если глава семьи прелюбодействует тайком, то все его дети и внуки «совершенствуются» в этом деле каждый по-своему, чаще всего не стесняясь общественного мнения.

Развивая тему о греховном существовании, потере нравственности в дворянской семье, Щедрин пишет о пагубном влиянии подобного опыта на семьи священнослужителей, примером тому становится Евпраксеюшка, сожительствующая с Порфирием Владимировичем за определённую плату: «— ... Вы говорите, да не заговаривайтесь! Ишь ты! из интереса я служу! а позвольте спросить, какой такой интерес я у вас нашла! Окромя квасу да огурцов...

— Ну, не один квас да огурцы..., не удержался <...> Порфирий Владимирович.

— Что ж, сказывайте! <...>что ещё?

— А кто к Николе каждый месяц четыре мешка муки посылает?

— Ну-с, четыре мешка! ещё чего нет ли?

— Круп, масла постного... словом, всего...

— Ну, круп, масла постного... уж для родителей-то жалко стало! Ах, вы!» (13, 207-208).

Вскоре после этого разговора Евпраксеюшка, отличительной особенностью которой являлась только широкая спина, потребует себе «платьев шёлковых», а затем ударится в разгул с головлёвской дворней.

Остаются у Щедрина за рамками романа вопросы условий существования и воспитания детей в доме дьячка, но то, что за Евпраксеюшку платится продуктами отцу и матери её, говорит о падении нравов и смещении представлений о духовных ценностях не только в дворянских гнездах, но и у служителей церкви.

Попытка воплинского батюшки предостеречь Анниньку от возможных опрометчивых поступков вызывает неприятие и глухоту у внучки Арины Петровны, а головлевский священник, вместо того, чтобы вразумлять Порфирия Владимировича, ставшего отцом незаконорожденного младенца, пьёт с ним водку и мечтает за это «молчание» получить в награду новую ризу.

Писатель не видит путей возрождения дворянства, мало того, он отмечает, что преступная жизнь этого класса оказывает разлагающее влияние и на другие слои общества, в том числе и на духовенство. Духовная деградация, разврат принимают такие

угрожающие формы и размеры, что писатель говорит о ближайшей кончине всего рода Головлевых, он видит *итог* жизненного пути семейства. Показательным в этом плане является эпизод, имеющий, с нашей точки зрения, символическую направленность.

К Головлевым в дом приходит крестьянин Фока, который просит займы хлеба до нового урожая; и Иудушка начинает мечтать о том, как он будет обирать этого крестьянина, сколько времени Фока должен будет на него отработать за этот долг, сколько процентов прибыли при этом можно накрутить... Именно этим эпизодом выявляется скрытая полемика между Щедриным и Толстым о будущем России. В противовес идее Толстого о том, что Россия не может быть капиталистической страной, что только союз мужика и барина может спасти Россию, Щедрин говорит о невозможности такого союза. Впрочем, и Левина посещали сомнения на этот счет.

На примере Иудушки, обладающего капиталистической хваткой хищника, который, лишившись дармовой крестьянской силы, в новых условиях изощряется в иных методах выколачивания денег из вконец разорившихся крестьян, сатирик говорит, что *«чумазый» есть, он уже здесь, уже идет с фальшивой мерой, и это – объективная реальность.*

Если у Толстого Левин желает помочь своим крестьянам лучше обустроиться и в быту, и в организации трудовой деятельности, он даже намерен жить так, как живет его правдивый мужик Фоканыч, то в «Господах Головлевых» Щедрин показывает дворянского перерожденца Иудушку, паразитирующего на доверчивых и добродушных людях. У Иудушки нет позывов стать лучше, как это происходит у Левина, он погрязает в пороках сам и погружает в них всех, кто находится рядом с ним или от него зависит.

Особое внимание уделяет автор Иудушке и его поведению в связи с его разоблачением в главе «Недозволенные семейные радости». Художественно анализируя пустословие, вызванное рождением сына Володьки, Щедрин рисует необычную ситуацию для

Порфирия, желающего отмежеваться от неприятного жизненного казуса, каким оказалась беременность Евпраксеюшки.

Раньше Иудушку не тревожили уход из жизни братьев, гибель сыновей, смерть матери, где во всех этих «уходах» была его вина: оправдание приходило к нему, как только он пускал в ход поминально-похоронное изречение; но теперь же стала явной «тайна», от которой он и не мог отказаться – прелюбодеяние. Как «истинный христианин», он не мог допустить своего разоблачения и запятнать свою же «благочестивость».

Но со смертью Арины Петровны, по-своему умевшей распутывать амурные интриги в барском доме, рухнули надежды Иудушки на комбинации, когда можно было соединить «роль прелюбодея и роль постороннего наблюдателя результатов собственного прелюбодеяния» (13, 185).

С большим мастерством сатирик воссоздаёт в живой картине описания родов Евпраксеюшки поведение Иудушки, оказавшегося в затруднительном положении, из которого он с помощью своих ухищрений всё-таки цинично выкручивается.

Писатель показывает полнейшее отсутствие гуманных начал в Иудушке: в то время, как дом наполнился стонами роженицы, он предавался мнимым подсчётам денег, которые были бы у него про чёрный день, если бы маменька на малолетнего Порфирия положила в ломбард по сто рублей ассигнациями на зубок. Однако повторяются стоны Евпраксеюшки, и «работа становится настолько неудобною, что Иудушка оставляет письменный стол» (13, 189). Вбежавшая Улитушка застаёт его стоящим в момент молитвы со сложенными руками.

«— Как бы Евпраксеюшка-то у нас богу душу не отдала! — сказала Улитушка<...>. Евпраксеюшка мучится, разродиться не может!<...>ах, вы! хоть бы взглянули!

— Что же смотреть! доктор я что ли? совет что ли дать могу? Да и не знаю, никаких я ваших дел не знаю!

И как ни билась Улитушка, в ответ она слышала одни и те же слова: «...Никаких я ваших дел не знаю! Знаю, что в доме есть больная, в чём больная и отчего больна — об этом и узнавать, при-

знаться, не любопытствовал!... Пошлите за батюшкой, вместе помолитесь, лампадочки у образов засветите...» (13, 190). Даже выдавшая виды в науке сердцеведения Улитушка растерялась перед этим, как ей чудилось, сатанинским разглагольствованием. «Пришли бы! взглянули бы!» – говорит Пофирию Улитушка, обеспокоенная тяжёлыми родами его сожительницы.

«Не приду, потому что ходить незачем. Кабы за делом, я бы и без зова твоего пошёл. За пять вёрст нужно по делу идти – за пять вёрст пойду! Морозец на дворе, и метелица, а я всё иду да иду...» (13, 190).

В беседе с головлёвским батюшкой – представителем общественного мнения, Иудушка выставляет себя безупречным христианином, снимает с себя всякую ответственность за происшедшее и во всём обвиняет Евпраксеюшку.

Пустое слово Порфирия имитирует благородные идеи, высокие душевные побуждения, тогда как на самом деле у него нет ничего за душой, кроме бессердечия. Писатель с горечью посвящает нас в момент встречи сильного отца с незащищенным, беспомощным сыном: Улитушка принесла Порфирию в кабинет крохотное существо, завёрнутое в бельё.

«– Натко-те! Поглядитко-те! – возгласила она торжественным голосом, поднося ребёнка к самому лицу Порфирия Владимировича. Иудушку на мгновение словно бы поколебало, даже корпус его пошатнулся вперёд, и в глазах блеснула какая-то искорка. Но это было именно только на одно мгновение, потому что вслед за тем он уже брезгливо отвернул своё лицо от младенца и обеими руками замахал в его сторону.

– Нет, нет ! *боюсь я их...не люблю!* ступай... ступай! – лепетал он, выражая всем лицом своим бесконечную гадливость.

– Да вы хоть бы спросили: мальчик или девочка, – увещевала Улитушка.

– Нет, нет... и незачем... и не *моё это дело!* Ваши это дела, а я не знаю... Ничего *я не знаю и знать мне не нужно...* Уйди от меня, ради Христа! уйди! (13, 190).

«Если Л.Толстой, по меткому определению Чернышевского, исследовал «диалектику души», то психологический анализ Щедрина направлен на исследование диалектики бездушия», – замечает Д.П.Николаев¹. И это верно; герой Щедрина Иудушка даже в момент рождения его ребёнка, когда на человека спускается дух божий, не испытывает ни счастья, ни волнения, ни каких-либо других приятных мгновений. Ощущение счастья и радости и чувства отцовства у Иудушки отсутствуют. Новорожденного сына Володьку Иудушка сам отправляет в воспитательный дом, обрекая его, по существу, на гибель. И этот свой предательский шаг он обставляет так же нагло лицемерно-попечительным пустословием. Самым страшным и бесчеловечным в поведении Иудушки становится его отношение к судьбе этого беззащитного малютки, которого он, втайне от матери, сплавляет из отцовского дома на попечение посторонних людей, на явную гибель. И никаких угрызений совести, и никаких раскаяний он при этом не испытывает.

У Толстого все иначе: в «Анне Карениной» дважды рисуется момент рождения человека и всякий раз для его героев – это испытание.

Рождение ребёнка у Кити и Левина заставляет отца пережить целую гамму чувств: сострадание, страх, любовь, боль, отчаяние, состояние небытия... Вместе с рождением ребёнка родился и зять, и отец, и мужчина... Герой Толстого после пережитых событий начинает осознавать свою значительность в существующем мире.

В сцене родов Анны Толстой показывает, как происходит перерождение и очищение всех действующих лиц, присутствующих при этом: Каренин, глубоко переживая за Анну, на протяжении всей болезни не оставляет ее без внимания, просит Бога о ее спасении. Он поднимается в своих глазах и глазах Вронского на недостижимую высоту. Он счастлив своим духовным просветлением. Анна называет его «святым», и действительно, в момент рождения нового человека он прощает Вронского, прощает Анну,

---

¹ Николаев Д.П. Смех Щедрина. С.97.

проявляет заботу об их ребёнке, но самое главное, он счастлив своим «прощением», своим нравственным возрождением.

Вронский, осознав свою безобразную роль в доме Карениных, приезжает к себе и стреляется. Толстой говорит, что его герои в момент наивысшего духовного напряжения становятся лучше, начинают глубже осознавать свою человеческую сущность.

Предположить возможность изменения в Порфирии нельзя. Современник Щедрина А.М. Скабичевский писал: «Порфирий Головлёв – это один из тех общественных типов, вроде Яго, Тартюфа, Гарпагона, которые в продолжении многих веков служат нарицательными именами для представления самого крайнего искажения человеческой природы»¹.

Щедрин сам признавал типичность образа Иудушки, от которого он не может избавиться. Его пустословие писатель называет «запоем». Неслучайно окрестная молва обрекла Иудушку пьяницей. А с приходом Анниньки Иудушка напрямую пристрастился вместе с ней к спиртному. И вечерами, сидя за столом, они предавались воспоминаниям и ссорам, «зачинщицею» которых всегда являлась племяннушка. «Она с беспощадною назойливостью раскапывала головлёвский архив, <...> доказывая, что главную роль во всех увечьях, наряду с покойной бабушкой, принадлежала ему» (13, 250). Иудушка возражал «слабо, и больше сердился», а когда было не вмоготу, то «он кричал криком и проклинал», но о покаянии, стремлении к самоочищению автор не ведёт и речи. В их воспоминаниях всякий эпизод прошлого растревлял какую-нибудь язву, «всякая язва напоминала о новой свите головлёвских увечий».

Эти разговоры ни к чему не приводили, и только сложнее становилось жить, всё более ощутимо спускалась *пустота* на их дом, а домочадцы окрестили ночные пьяные душеизлияния дяди и племянницы «уголовщиной».

Щедрин немногими выразительными штрихами подчёркивает идею «развала», «распада личности», «рассыпания в прах» от *внутренней пустоты*. Писатель делает вывод о незримом

---

¹ Скабичевский А.М. Биржевые Ведомости. №5. 1878. С.4. Ст. 6370.

«злополучном фатуме, тяготевшем над головлёвской семьёй. В течение нескольких поколений три характеристические черты проходили через историю этого семейства: *праздность, непригодность к какому бы то ни было делу и запой*. <...> На глазах у Порфирия Владимировича сгорело несколько жертв этого фатума...» (13, 253).

И эта, указывает Щедрин, обречённая Высшими силами на гибель дворянская семья Головлёвых, однако, получила некоторую поддержку «случайного метеора» – Арины Петровны, которая, благодаря «своей личной энергии, довела уровень благосостояния семьи до высшей точки», но она не передала «таланта приобретательства» своим детям, а, напротив, «сама умирает, опутанная со всех сторон праздностью, пустословием и пустоутробием».

Порочность всей семьи Головлёвых отмечается писателем в то время, когда он говорит и о женщинах, вышедших из этого семейства. И Анна Владимировна, и ее дочери Аннинька и Любинька не смогли создать достойную семью. Образ «падших женщин» писатель вписывает в контекст всего романа как составную часть «падшего мира», где человек сталкивается с опасным, убивающим забытьём, в струю которого попадают и сёстры.

Однако Щедрин приводит женщин к нравственному отрезвлению, он говорит о времени, когда человек, который до того только существовал, вдруг начинает понимать, что он не только воистину живёт, но что в его жизни есть какая-то *язва, порок*. «Действие такого внезапного откровения» «для всех одинаково мучительно». Любиньку «нравственное отрезвление» «наполняет тоской» и приводит к смерти; Анниньку «встревоженная совесть» наполняет томительным беспокойством», из груди Арины Петровны «встрепенувшаяся совесть « исторгает «трагический вопль». Совесть, по мнению Щедрина, должна возвратиться на надлежащее ей место.

Приход «одичалой совести» так мучителен потому, указывает Щедрин, что она *вынуждена бороться с призраками «выморочного мира»*, успевшими проникнуть в душу человека и запол-

нить её негативными качествами. Хотя возвращение «одичалой совести» почти всегда внезапно, но наблюдается некая закономерность в её приходе к человеку у Щедрина.

Совесть, как правило, «освещает» «ужасная правда», её пробуждение, по мнению И. Мардова, – результат работы памяти, которая возвращается к человеку»¹. Характерно здесь слово «возвращается», т.е. приходит *то*, что некогда уже было, но ушло и, следовательно, *возвращается вместе с памятью, прошлым, воспоминанием*.

Озарение приходило почти ко всем членам семьи Головлевых. Некое озарение происходит и с Анной Карениной в последних главах седьмой части романа Толстого, когда героиня начинает понимать истинное положение её отношений с Вронским; некое озарение наступает у Вронского у постели умирающей Анны, в то же время оно приходит и к Каренину. Просветление разума было у Арины Петровны, является оно и к Порфирию Владимировичу.

Совесть, как правило, «возвращается к человеку» поздно, тогда, когда «он – уже разрушенная храмина», «ветхий человек», «нежить», «въезжий дом», нежилой человек, когда «он дал заполнить себя *злом мира*, его пьяным дыханием».

Пришедшая *совесть* наполняет жизнь такого человека «сплошной агонией», потому что он видит себя уже в «каменном мешке обстоятельств», не имея надежды на возврат к нормальной жизни (13, 257).

С пробуждением *совести* у Порфирия Владимировича приходят мысли о саморазрушении, на что его наталкивают бесконечные воспоминания о головлёвских «умертвиях», вызывавшие в его душе нравственную смуту, на это же наталкивают рассказы Анниньки о самоубийстве сестры, рассказы, которые возобновляются каждый вечер по просьбе самого Иудушки. Одиночество, старость, резко пошатнувшееся здоровье, пьянство, физические муки наряду с усиливающимся внутренним беспокойством – всё

---

¹ Мардов И. Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы. №4. 1998. С.156.

это приводит к тому, что мысль о саморазрушении «сделалась единственно *светящейся точкой* во мгле будущего» (13, 248).

В работе литературоведа А.П. Ауэра, посвящённой исследованию символов света в «Господах Головлёвых», отмечается некая связь *души с огнем*, но под *огнем* более разумеется *жизнь*, которая принимается за синоним¹. С нашей точки зрения, в данном случае «свет» замещает собой слово *прозрение, пробуждение совести*. Щедрин пытается представить, что осознаёт человек в тот момент, когда в нём говорит проснувшаяся *совесть*, какая неведомая доселе *истина* открывается перед его умственным взором?

Момент прихода *совести*, – считает П. Горелов, это *миг некой временной целостности*, «внезапное откровение», «наполняющее человека»². Откровение происходит и у Порфирия, о чем свидетельствуют его последние слова:

– *Надо меня простить!* – продолжал он. – За всех... и за себя... и за тех, которых уж нет... Что такое! что такое сделалось?! – почти рассеянно восклицал он, озираясь кругом, – *где... все?..*

Писатель считает, что трагедия Иудушки в том, что он «бессознательный» «предатель *совести*», «бессознательный» истребитель «целого человеческого гнезда», не подозревающий, что рядом с ним происходит процесс «умертвий», в которых он повинен. Его трагедия еще и в том, что он «бессознательный лицемер», и его вина, подчеркивает автор, именно в его «бессознательности».

Слова Порфирия Владимировича «надо меня простить» воспринимаются как символ призыва Щедрина – прочувствовать своё собственное существование как жизнь и прочувствовать чужую жизнь как свою собственную.

---

¹ Ауэр А.П. Борисов Н.Ю. Поэтика символических и музыкальных образов М.Е. Салтыкова-Щедрина. Саратов, 1988. С.12.

² Горелов П. Пропажа совести и её возвращение. (Художественное слово в романе «Господа Головлёвы») // Литература в школе. № 4. 1989. С.34.

² Соколов А.Г. О щедринских традициях в дооктябрьской сатире М. Горького // Салтыков-Щедрин 1826-1976. Л., 1976. С.227.

Отсюда следует, что смысл жизни на земле Щедрин видит в исполнении заветов *совести*. А.Г. Соколов справедливо утверждает, что Щедрин считал дело воплощения *совести* в человеке и человечестве великим делом: «Он отчётливо чувствовал бессилие индивидуальных обособленных попыток решить эту проблему, в одиночку вырваться из бессовестного существования, собственными силами возвыситься над субъективным жизненным сном».

Мы считаем, что Щедрин, так же как и Толстой, осознавал необходимость совместных усилий всего объединённого человечества в деле пробуждения *совести*. Отсюда следует, что сатира в романе «Господа Головлёвы», где царит разъединение даже родных по крови людей, предполагает трагедию, в которой позиция Щедрина как писателя-сатирика вырисовывается очень своеобразно: его Иудушка не столько предмет сатирических нападок, сколько трагически-мучительная проблема, которая обостряется с приближением романа к завершающему этапу.

«Но разве в сатире не должно быть трагизма? – отмечал Достоевский. – Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира – две сестры и идут рядом»¹.

Трагедийность романа «Господа Головлёвы» роднит его с «Анной Карениной», названным Л.Д. Опульской *романом-трагедией*, потому что время, отображаемое писателями в этих произведениях, действительно было наполнено драматическими событиями².

Этот драматизм особенно ощутим в финале романа «Господа Головлёвы», о котором существует несколько различных суждений.

Исследователь Макашин писал: «Величие Салтыкова-моралиста, с его почти религиозной верой в силу нравственного потрясения от пробудившегося сознания, нигде не выразилось с большим художественным могуществом, чем в конце его романа»³.

---

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1978. Т. 25. С 201.

² Громова-Опульская Л.Д. А.С.Пушкин у истоков «Анны Карениной»: текстология и поэтика.// Славянская литература и фольклор славянских народов. М 1998. С.165.

³ Макашин А.С. Последние годы 1875-1889. Биография. М.,1989. С. 372.

И, действительно, у Щедрина финал жизненной истории Иудушки «бесплоден». Художественные особенности этой части произведения проявляются в явственном различии *интонации* авторского повествования в сцене пробуждения совести у Иудушки и заключительных строк романа, где речь идёт о нём же. *Интонация из сочувственной, страдательной становится бесчувственной, информационно-осведомительной*: наступившее утро освещает только «закоченевший труп головлёвского барина».

Смена стиля после сцены пробуждения совести обусловлена возвращением автора к реальности, к окружающей его будничной действительности. Именно здесь писатель заостряет внимание на проблеме выживаемости человека и общества. Щедрин ставит человечество перед радикальной антитезой, решительным выбором – единственной альтернативы «или-или»: либо человечество, изгнав совесть, погрязнет в гнусном самоистреблении, затянутом тиной пустяков, либо выпестует то растущее маленькое дитя, в котором растёт и совесть. Других путей для человечества Щедрин не указывает.

Прозоров считает, что финал «Господ Головлёвых» в самом деле «может показаться внезапным и даже чуть ли не маловероятным»¹. Для мира ночью ничего, кроме физического акта смерти головлевского барина, не произошло.

Литературовед В.М. Малкин, напротив, считает, что «конец Иудушки закономерен. Он, всю жизнь чтивший церковную обрядность, умирает без покаяния...»². А смерть без покаяния даёт нам возможность считать её смертью преднамеренной, т.е. самоубийством.

Как видим, пробуждение совести оказалось «бесплодным» для Порфирия Владимировича, потому что силы зла, находившиеся в Иудушке, «не впустили» *ее*. Но Эпизод, изображающий пробуждение совести у Иудушки лишь *возможное будущее*, могущее быть реализованным не только в художественном мире щедринского романа.

---

¹ Прозоров В.В. Салтыков-Щедрин. М., 1988. С.121.

² Малкин В. М.Е Салтыков-Щедрин. М., 1976. С.45.

До сих пор Салтыков-Щедрин представлялся известными литературоведами то демократом, то революционером-демократом, то моралистом, во всяком случае – человеком далеким от христианского учения¹.

В свое время исследователь Я. Лебедев писал: «Роман «Господа Головлёвы» <...> вскрыл всю мерзость религиозного лицемерия господствующих классов старого общества, показал полнейшую несостоятельность религиозной фальши перед истиной жизни...»². Сегодня подобные выводы кажутся натянутыми. Писатель, создавший роман «Господа Головлевы», где он выступает против «подмены» понятий семьи, страстно изобличает социальные язвы, не терпит человеконенавистнических отношений в родном доме, призывает совесть к возрождению, конечно же, сам является глубоко верующим человеком, что роднит его с великим предшественником – Н.В. Гоголем.

Таким образом, в художественном мире романа «Господ Головлевых» в образе «пустоты» и «непосильного бремени» воплощено писателем пореформенное время, влияющее на распад человеческого сознания, способствующее появлению пустоты на месте исчезновения *разумного бытия*, заполняющегося впоследствии *демоническим началом*.

Активная авторская позиция Щедрина просматривается в его личном отношении к происходящим событиям: писатель с болью и горечью осознает утрату духовности и гуманизма в семейных отношениях и такое состояние мира, когда на месте исчезнувшей «совести» возникает «пустота», соотносящаяся с «бессемейным» человеческим существованием.

---

¹ См. работы Лебедева Я.М., Мыслякова В.А., Макашина С.А. и др

² Лебедев Я.М. Атеизм Салтыкова-Щедрина. М., 1961. С.124.

Глава VI. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЖАНРЕ СЕМЕЙНОГО РОМАНА

6.1. Из истории жанра

В России, в отличие от Запада, семейные романы появились сравнительно поздно, в конце XVIII начале XIX века.

Если в античной литературе уже существовали романы с изображением любовной интриги, несколькими сюжетными линиями, своеобразной композицией, в центре которой выделялись важнейшие события из жизни человека: свадьба, рождение ребенка, смерть, то в России таких произведений длительное время не было вовсе.

Первые упоминания о семейном романе запечатлены в фундаментальных работах литературоведа В.В. Сиповского «История русской словесности» и «Очерки из истории русского романа»¹. Образцом лучшего семейного романа Сиповский называет «Российский Жиль Блаз, или похождения князя Гавриила Семёновича Чистякова» В.В. Нарезного, традиции которого нашли продолжение в «Евгении Онегине» Пушкина².

Сиповский, характеризуя жанровые особенности семейного романа, отмечал, что наиболее «отличительными чертами такого романа является *«сужение рамок»* происходящего до «одной-двух семей» и *замкнутость* – «можно не выходить из дома – найти много интересного»³.

Ученый-литературовед также обращал внимание на прямую связь семейного романа с фольклором, говоря при этом: «...я не вижу существенного различия между романом и сказкой <...>, роман захватывает огромное содержание <...>, сказка изображает один или несколько эпизодов...»⁴.

Роман «Российский Жиль Блаз, или похождения князя Гавриила Семёновича Чистякова» В.В. Нарезного носил подража-

---

¹ Сиповский В.В. «История русской словесности». СПб., 1911. С.156-157.

² Там же.

³ Сиповский В.В. «Очерки из истории русской словесности». СПб., 1916. Т. I. С.60.

⁴ Там же.

тельный характер, о чем говорит уже само название романа, и потому есть основания полагать, что первым семейным романом в русской литературе является роман «Евгений Онегин», о котором В.Г. Белинский в свое время писал: «...кто хочет узнать какой-нибудь народ, тот прежде всего должен изучить его в семейном, домашнем быту»¹. Не случайно в «Евгении Онегине» критик усматривал широкую картину отражения русской жизни.

Романный жанр в русской литературе с каждой новой эпохой претерпевал изменения. Романы Пушкина, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина и других писателей значительно отличаются по своим жанровым особенностям и друг от друга и, например, от романов, русской советской литературы XX века.

На современном этапе А.А. Богданов отмечал такие отличительные черты семейного романа:

– семейный роман характеризует подробное воспроизведение жизни одной или нескольких семей, обстоятельное описание их представителей;

– стремится передать явления жизни в формах, близких к действительности;

– формирует своеобразие композиции, основой которой являются важнейшие события в жизни человека: свадьба, рождение ребенка, смерть;

– центром сюжетного построения и основой конфликта в семейном романе становится любовь;

– главное в семейном романе – не характеры, а отношения, определяемые идеалами.

В качестве художественных средств в семейном романе используется хронотоп, повествование от первого лица, пространственные авторские отступления, внутренние монологи и диалоги, выражение прямых идей писателя от лица героев романа².

---

¹ Белинский В.Г. ПСС. М., 1956. Т. X. С.297.

² Богданов А.Н.. Литературные роды и виды // Теория литературы в связи с проблемами эстетики. М., 1970. С. 307-310.

Утверждение Сиповского о том, что истоки русского романа находятся в русской народной сказке, дает основание считать естественным присутствие в семейном романе традиционного фольклорного мотива: выбора героями трех дорог – пути правильного, пути неправильного, сложного поиска правильного пути.

Жанр семейного романа содержит в себе синтезированные качества социально-психологического, философского романа о воспитании и других романов... На этом объединенном фоне обнаруживается стремление в семейном романе к раскрытию внутреннего мира, душевных переживаний героев, родственных отношений, изменению характеров под влиянием общественных условий и окружающей среды.

Но самой главной и отличительной чертой семейного романа является исповедальность. Присутствие мотива исповедальности создаёт атмосферу понимания и доверия между читателем и автором, хотя автор, как правило, не высказывает своего прямого отношения к событиям.

Герои семейного романа приходят в своих исканиях к изменению коренных проблем бытия, к решению философских проблем, семейно-бытовым преобразованиям в результате внутреннего кризиса. Кризис и перерождение героя является также характерной, отличительной чертой такого романа. Выжить в кризисной ситуации, изменить свои взгляды помогает герою стойкость его нравственных идеалов, обращение к вере, даже если прежде он не был верующим человеком.

В построении образа героя характеристической направленностью становится отсутствие «героизации»: герой представлен как с положительными, так и с отрицательными чертами, он не может формировать сам свою судьбу, её определяют происходящие события.

Внутрисемейные родственные связи в семейном романе складываются по родственному принципу, но не всегда вышедшие из одного чрева, родные по крови люди определяют степень и удел человека. Бывает, происходит «выпадение», отклонение

его от логически ожидаемого семейного пути, что и приводит к образованию трудноразрешимых внутрисемейных отношений.

Исследователь Б.М. Эйхенбаум отмечал, что в литературе XIX века роман 70-х годов, «подготовленный всей линией развития русского семейного романа, уходил в сторону от семейности, превращаясь в роман социальный»¹. Эйхенбаум роман «Отцы и дети» Тургенева считал классическим примером такого социального романа².

Однако Толстой и Салтыков-Щедрин не приняли форму «тургеневского романа». Они считали, что новые жизненные условия требуют иного подхода к изображению человека и его судьбы, чем это было представлено в «тургеневском романе».

М.Е. Салтыков-Щедрин остро ощущал общественные перемены, и в то самое время, когда Толстой завершал «Войну и мир», он писал в «Господах ташкентцах»: «Мне кажется, что роман утратил свою прежнюю почву с тех пор, как семейственность и всё, что принадлежит к ней, начинает изменять свой характер. Роман (по крайней мере в том виде, каким он являлся до сих пор) есть по преимуществу произведение семейственности. Драма его зачинается в семействе, не выходит оттуда и там же заканчивается. В положительном смысле (роман английский), или в отрицательном (роман французский), но семейство всегда играет в романе первую роль.

Этот тёплый, уютный, хорошо обозначившийся элемент, который давал содержание роману, улетучивается на глазах у всех. Драма начинает требовать других мотивов; она зарождается где-то в пространстве и там кончается... Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте – везде, только не дома; и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом» (9, 438).

Салтыков-Щедрин пришел к выводу, что жизнь требует нового подхода к литературе, а время любовных романов прошло...

---

¹ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С.301.

² Там же.

Спустя время венгерский литературовед Д. Лукач называет жанр романа «эпопеей обезбоженного мира», а психологию романного героя «демонической»; предметом романа Лукач считает историю человеческой души, проявляющейся и познающей себя «во всяческих приключениях». Основное направление романного жанра ученый видел в «воссоздании души, заблудившейся в пустой и мнимой действительности»¹.

Если соотнести определения Лукача с романом «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина, то можно отметить соответствие в нем перечисленных направлений, воплотивших в себе и мнимую пустоту, и заблудившиеся души, и стремление героя к воссозданию в пустой действительности самого себя.

«Господа Головлёвы» Салтыкова-Щедрина рассказывают историю одной семьи, рассматриваемую писателем как социальную категорию, органический элемент общества в период осуществления и установления государственных реформ. Здесь Салтыков-Щедрин не создал ни одного положительного героя, поскольку, по его мнению, такому герою неоткуда взяться – дворянство изжило себя как класс, а в забитой и невежественной массе простого народа других интересов, кроме выживания, просто не возникает.

Салтыков-Щедрин рисует мрачные картины жизни и быта помещичьей усадьбы, преднамеренно сгущая краски, отказываясь от идиллизации жизни дворянского гнезда. Писатель, показывая изнаночную сторону российской действительности, обращается к традиционному материалу о семье. Семейная тема, глубоко волновавшая писателя, прослеживалась в его творчестве еще задолго до обращения к «Господам Головлёвым» и готовилась всеми его предшествующими произведениями. Самые ранние наброски головлевской темы встречаются ещё в 1863 году (этюд «Семейное счастье»), а родословная отдельных персонажей хроники обнаруживается еще раньше. Некоторые черты Иудушки были художественно обозначены ещё в образах «Порфирия Петровича» («Губернские очерки») и Фуфначёва («Смерть Пазухи-

---

¹ Цитируется по кн. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С.327.

на»)¹, но та глубокая идейная концепция, которая реализуется в романе-хронике и центральном герое, возникла у Салтыкова-Щедрина как раз к середине 70-х годов.

Салтыков-Щедрин не ищет способов для торможения или усвоения фабульного конфликта, не ощущается с его стороны и нарочитого осложнения или давления, он использует здесь новый прием: отказывается от любовной интриги, которая, по его мнению, была не ко времени, так как оттесняла бы важные и насущные вопросы общества на второй план. Об этом Салтыков-Щедрин предупреждает читателя и говорит, что в его романе «не будет ожидаемых приятных сцен... с поцелуями» (9, 438).

Однако, несмотря на новшества в построении романа, искусном сцеплении отдельных элементов, последовательности сюжетного развития, в стремлении к структурной цельности Салтыков-Щедрин опирался на достижения русского реалистического романа.

«Господа Головлёвы» имеют много общего с разработанным в русской классической прозе жанром романа-хроники мемуарно-семейного типа, утверждающего свой метод, принципы и убеждения, несмотря на то что в произведении прослеживаются многочисленные авторские отступления. Эти отступления в романе не нарушают структурной целостности произведения, органически вплетаются в идейно-художественную ткань романа. Здесь в полной мере отразилась существующая социальная обстановка: если писатель видит подлость, он клеймит ее позором, если чувствует необходимость пояснить какое-либо явление, он не стесняется себя обязательными нормами изложения сюжета. Он не прерывает повествование, когда ему нужно высказать свои мысли, разъяснить дополнительные оттенки, нюансы, которые могут ускользнуть от внимания читателя, а потом снова вернуться к прерванному рассказу.

Критик Н.К.Михайловский в своё время указывал, что «Господа Головлёвы» «страдают длиннотами и отступлениями»².

---

¹ «Губернские очерки» создавались в период с 1856 по 1857 год.

² Михайловский Н.К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С.503.

Однако вопрос об отступлениях, по мнению академика Бушмина, следует связывать именно с авторской позицией уже потому, что они не нарушают структурной целостности произведения, органически вплетаются в идейно-художественную ткань романа. Здесь автор избегает резких контрастов, безмерных преувеличений, исключительных фактов и острых ситуаций, что характерно для большинства его сатирических произведений¹. Отличительными чертами художественного мышления писателя являются активность и страстность, отчетливо просматривающиеся в романе.

Не вносит Салтыков-Щедрин новшества и в композиционный план: произведение состоит из отдельных рассказов, связанных общей семейной темой. Как известно из истории русской литературы, композиция романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» осуществляется подобным образом.

Придавая значительность семейной теме в романе, автор связывает названия пяти из семи глав с семейными отношениями: «Семейный суд», «По-родственному», «Семейные итоги», «Племяннушка», «Недозволенные семейные радости».

О важности и значительности своего произведения Щедрин откровенно писал в письме к публицисту и критику Е.И. Утину, поясняя, что он как художник-сатирик задался «миссией» «спасти идеал свободного исследования», для чего обратился к «основам». «Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличии ничего этого уж нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются».

На принцип семейственности написаны мною «Головлёвы» (19, кн. 1, 194). Салтыков-Щедрин вслед за Гоголем умел видеть и открывать в обыденных фактах повседневности моменты, наполненные драматизмом.

«Самые потрясающие страницы головлевской хроники, — отмечает Михайловский, — посвящены необыкновенно простым, в

---

¹ Бушмин А.С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. Л., 1984. С.146.

смысле обыденности, вещам»¹. Отыскивая причины распада дворянского класса, Салтыков-Щедрин обращает внимание на полнейшую деградацию всех членов семьи Головлёвых. В отношениях родителей и детей не проявляется никаких родственных чувств. Уже с первых страниц романа Арина Петровна агрессивно настроена к своему старшему сыну Степану, не случайно тот так боится возвращаться под родительский кров. Поведение Арины Петровны по отношению к сыну предстает как преступление – это она повинна в его смерти.

Нарисованный в романе распад семьи, проявляющийся в ужасающих формах, сигнализировал обществу о полном моральном разложении дворянства как класса.

Первый психологический роман Салтыкова-Щедрина становится вершиной его творчества независимо от того, что ранее не планировался как роман, а волею судьбы вырос из очерков «Благонамеренные речи».

Роман получил высокую оценку у современников, но сам писатель впоследствии критически относился к своему произведению, был недоволен им, считая, что жанром романа он владеет хуже, нежели очерками, а «Господа Головлёвы» написаны им «неуклюже и кропотливо» (18, кн. 2, 291).

В «Господах Головлёвых» Салтыков-Щедрин основной задачей ставит изображение среды, всего комплекса условий, которые составляют господствующий порядок «вещей». А центральным объектом Щедрин-психолога в романе является внутренняя сущность человека, порождённая воспитанием, определившая его характер и поведение.

Источник зла, по мнению писателя, не в дурной природе человека, а в социальных условиях жизни. Салтыков-Щедрин по этому поводу поясняет: «Моя резкость имеет в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой заключается источник всех зол, угнетавших всё человечество... Воистину, болото родит чертей, а не черти создают болото» (13, 266).

---

¹ Михайловский Н.К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С.503.

Сатирик был уверен, что люди не могут иметь от природы «злого сердца», и потому детерминированность характера средой становится у него одной из характерных черт романа «Господа Головлёвы».

В отличие от Толстого и Достоевского Салтыков-Щедрин не ищет путей выхода из ситуации. Он сосредотачивает свое внимание на анализе уродств и исследовании причин зловещей катастрофы, лишает семью Головлёвых малейшей поэтизации.

У Достоевского среди порчи и духовной смуты в атмосфере семьи Карамазовых возникает надежда на возрождение, исцеление и обновление больной России, появляется Алеша, к возрождению стихийно стремится и Дмитрий, очищаясь страданиями. У Толстого овеяна поэзией семья Левиных. Салтыков-Щедрин же полностью лишает семью Головлёвых малейшей надежды на возрождение. Роман «Господа Головлёвы» – это беспощадное изображение картины разложения, духовного и физического распада семьи.

«Господа Головлёвы» впитали в себя не только важнейшие проблемы пореформенной эпохи, сложность отношений Салтыкова с матерью и братом, но и супружеский разлад в его семье, разрыв родственных связей, боль за будущее детей.

Художественное повествование о вырождении семьи «Господ Головлёвых» созвучно с романами серии «Ругон-Маккары» (1871-1876) французского писателя Эмиля Золя – естественной и социальной историей одной семьи в эпоху второй империи, то есть в период правления Наполеона III.

Эмиль Золя, показывая жизнь современного ему общества, новых «хозяев» Франции – наполеоновскую аристократию и финансовую буржуазию – отмечал их эгоизм и лицемерие, жадность и стремление к обогащению любым путем. Совершенно не задумываясь о судьбе государства, новые хозяева старались использовать своё положение для увеличения своего капитала. На протяжении двадцати томов Золя просматривает судьбы нескольких поколений Ругон-Маккаров, выходцев из города Лоссана, стоящих на разных ступенях общественной лестницы и разных про-

фессий. Семья Ругон-Маккаров получила своё происхождение от отягощённой дурной наследственностью бродяги-пьяницы Макары и крестьянина Ругона.

Историю деградации и вырождения этой семьи автор, так же как и Салтыков-Щедрин, связывает с изменением общественного устройства во Франции. Это было послереволюционное время отмывания грязных денег, когда один за другим создавались банки, осуществляющие спекуляции, выгодные для дельцов. Мелкие и средние лавочники поддерживали настоящую власть, так как она давала им возможность спокойно торговать и наживаться. Опорой режима было реакционное духовенство, ненавидящее республику.

Салтыков-Щедрин, полемизируя в головлёвской хронике с принципами автора Ругон-Маккаров, отвергал влияние законов биологической наследственности на характеры и судьбы людей. Писатель считал, что причины, приведшие к разрушению дворянской семьи, не генетически обусловлены, как это видно у Золя, а выросли на общественной почве, которую сами же дворяне и создали. Именно это Салтыков-Щедрин показал на семье Головлёвых.

Роман «Господа Головлёвы» представляет собой качественно новый этап в развитии творческого метода Салтыкова-Щедрина и его сатирического мастерства. Это было новое слово в развитии жанра семейного романа, где категория «семья» тесно переплетается с категориями «общество», «государство», «власть». Семья не просто рассматривается писателем в контексте государства, она является его микросхемой, отражает процессы, имеющие место в общественной жизни верхушки.

Написанный по принципу семейственности роман «Господа Головлёвы» – одно из лучших произведений Салтыкова-Щедрина, которое принесло ему славу, известность и поставило его в один ряд с Л.Н. Толстым.

Романная форма, самая интересная и доступная широкому читателю, становится у Толстого своеобразным сводом духовных правил жизни человечества.

Б.Эйхенбаум проводит в своей работе глубокую мысль: «Толстой выполнял романом «Анна Каренина» свою историческую миссию «... ему было суждено сказать то «последнее слово» в области русского семейного романа, которое Достоевский уже усмотрел в «Войне и мире»¹.

Толстой, действительно, сказал свое последнее слово в «Анне Карениной». Роман «Воскресение» уже носит иную направленность; в нем нет того стремления к описанию домашнего круга родных людей, семейных сцен, зарубок и вех, которыми отмечались события, связанные с рождением ребенка, свадьбой, смертью родителей; отходит он от истории семейств и их традиций...

Работая над «Анной Карениной», Толстой в письме к Страхову сообщал, что создаёт роман и начерно его уже закончил, «роман этот – именно роман, первый в моей жизни, очень взял меня за душу, я им увлечен весь...» (17, 337). Называя свое произведение «именно романом», Толстой пишет его на злобу дня.

В произведении «мысль семейная» сразу же обретает особую остроту, становясь тревожным фактором времени, потому что разлад выходит за пределы семейного круга и захватывает собой все «во-круг». «Раз-лад» захватил не только столичный Петербург и стародворянскую Москву, находившиеся в центре внимания общественности, но и патриархально-организованное поместье, в котором писатель видел надежду на выживание.

С первых строк своего романа Толстой заявляет, что о счастливых семьях он не собирается писать, так как «все счастливые семьи счастливы одинаково...», а привлекают его внимание семьи, где «всё смешалось...». «Все смешалось» – синоним характеристики эпохи: «все переверотилось...», – утверждал Толстой;

---

¹ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С.301.

«жизнь положительно сошла с наезженной колеи...», – говорил Салтыков-Щедрин. Роман «Анна Каренина» всем своим содержанием выражает существенные перемены, которые происходили во взглядах, в жизненной позиции самого Толстого и в русской жизни одновременно.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский – один из основателей психологической школы в литературоведении в своих работах о Толстом выделяет в его творчестве такие типы, как «великосветский» и «аристократический». Поясняя целесообразность такого выбора героя, ученый говорит: «Толстому нужен был человек, реализующий те «выгоды», какие представляло высокое общественное положение, а именно – возможность сохранить свое «я», утериваемое в колее, простор для способностей, проявить свое желание, свою волю, возможность устроить свою жизнь в согласии с внутренним убеждением в том, что хорошо и важно...»¹. Другими словами, литературовед отмечал: Толстому необходима полнота деятельной творческой жизни, не скованной рамками условной жизни, которую он находит в великосветской и аристократической среде.

Первым представителем великосветской среды в романе «Анна Каренина» предстает потомок рюриковичей Степан Аркадьевич Облонский. В семье Облонского происходит настоящий переворот, рушатся семейные связи.

Так, уже в самом начале романа писатель предсказывает его трагический характер, а жизнь героев «Анны Карениной», контрасты душевных проявлений, борьба добра и зла в течение всего романа создают ощутимый драматизм. Не случайно Л.Д. Опульская отмечала, что Толстым «в жанре романа была создана глубоко оригинальная художественная форма», сочетающая э п о с и т р а г е д и ю².

В орбиту семейных проблем, заявленных семьей Облонских с первых страниц романа, писатель вовлекает всех героев: в доме

---

¹ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. В 10 т. М.; П., 1923. Т.3. С.206.

² Опульская Л.Д. Вступительная статья // Переписка с Л.Н.Толстого с братьями и сестрой. М., 1990. С.12.

Облонских «всё смешалось...», Облонский смущён враждебным отношением к нему жены; Анна прибывает из Петербурга примирить брата с невесткой; Кити расстроена положением в семье Долли; графиня Вронская мечтает о такой невестке, как Анна; Щербацкая ждёт мать Вронского, рассчитывая на предложение о браке дочери; Вронскому приятно бывать у Щербацких; Левин приезжает в Москву жениться и т.д. Весь художественный ход романа составляет своеобразный семейный эпицентр и направлен на проблемы, в которых дела и мысли почти всех персонажей устремляются к семье. Все важнейшие общественные перемены начинаются и завершаются в семейном кругу, даже значение социальных перемен измеряются степенью их влияния на семейный распорядок.

Герои романа запечатлели в себе образы родных или близких писателю людей. Таким является Николай Левин, воплотивший в себя черты брата Льва Николаевича, Дмитрия. Судьба его схожа с судьбой Николая Левина. В юности Дмитрий «предался вере», в семье подсмеивались над его увлечением и называли его Ноем. Даже попечитель Казанского университета Мусин-Пушкин потешался над страстной религиозностью Дмитрия. Брат был совсем молодой, а вел себя, как старичок. Спустя время он, осмеянный окружающими, в поисках истины обращается к новомодным течениям своего времени, увлекается теорией нигилизма и резко меняет образ жизни. Его беспорядочная жизнь, отсутствие твердых устоев, постоянный поиск истины, метание от одного увлечения к другому подорвали его внутренние силы и ускорили кончину.

Многие из событий своей семейной жизни с Софьей Андреевной, Толстой использовал для формирования образа Кити. Одним из самых ярких и запоминающихся моментов стала сцена объяснения в любви Льва Николаевича с Софьей Андреевной, невольным свидетелем которой оказалась младшая сестра Софьи Таня Берс. Этот эпизод был нарисован в романе «Анна Каренина» как объяснение Левина и Кити на обеде у Облонских¹.

---

¹ Апостолов Н.Н. Жизнь гениев. Живой Толстой. СПб,1995. С.112.

Почти один к одному совпадают дневниковые сведения о факте и причине задержавшейся свадьбы Толстого и Софьи Андреевны и свадьбы Левина и Кити: из-за того, что лакей забыл оставить жениху чистую рубашку¹.

Неловкость в своих отношениях с Львом Николаевичем Толстым Рафаил Алексеевич Писарев (в молодости веселый человек, страстный охотник и путешественник, служивший в земстве) объяснял тем, что из жгучей ревности Толстого к Софье Андреевне, взбешенного его слишком веселым и небрежным разговором с хозяйкой, Толстой немедленно подал ему лошадей. Он поступил с гостем совершенно так же, как потом описал эту историю в романе с Васенькой Весловским².

События из семейной жизни Толстого стали составной частью романа. Среди них и подробное описание своего состояния и поведения перед рождением первенца, и привыкание к родственникам Софьи Андреевны, заплонившим яснополянский дом, вызывавших у него раздражение, и неприятие тещи, и увековеченье имени Агафьи Михайловны, бывшей экономки в имении Толстых еще во времена деда, и многое другое... Однако самым главным показателем автобиографичности романа является то, что писатель дает свое имя главному герою; Левин – alter ego Толстого.

По утвердившемуся устойчивому мнению в среде литературоведов замысел романа «Анна Каренина» в своем конечном итоге предусматривал историю о нигилистке³. В настоящее время в печати появились материалы, которые вносят некоторые коррективы и добавления в отношении предполагаемой предыстории романа.

Опубликованные записки фрейлины царского двора, двоюродной тетки Толстого Александры Андреевны Толстой «Печальный эпизод из моей жизни»⁴ и статья сотрудника музея Тол-

---

¹ Там же. Апостолов Н.Н. Жизнь гениев. Живой Толстой. СПб, 1995. С. 113.

² Толстой И., Толстая С. Семейная хроника // Ясная поляна. № 2. 1997. С. 137.

³ Жданов В.А. Творческая история «Анны Карениной». М., 1957; Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и др.

⁴ Записки фрейлины «Печальный эпизод из моей жизни», напечатанные в журнале «Октябрь» в № 5 и № 6 в 1993.

стого в Москве Н.А. Азаровой «Два голоса» в журнале «Октябрь» № 3 за 1996 год, дают основание предполагать, что на замысел романа оказали влияние взаимоотношения писателя с фрейлиной царского двора и положение в самой главной – монаршей семье.

Н.А. Азарова в статье «Два голоса» посвящает нас во взаимоотношения Л.Н.Толстого и его кузины А.А. Толстой, бывшей на протяжении пятидесяти лет другом и добрым ангелом писателя, которая, можно предположить, предопределила появление романа о женщине.

Молодой Толстой, выехавший впервые за границу, весной 1857 года знакомится в Швейцарии с прекраснейшей и умнейшей женщиной своего времени Александрой Андреевной Толстой, которая произвела на него очень сильное впечатление. Первоначально отношения писателя и фрейлины складывались не столько на основе родственных, сколько на романтических чувствах их обоих. «Яркая привлекательная личность Александры Андреевны возбуждала в Толстом художнический азарт: казалось, сама судьба представила ему случай познать и запечатлеть сильный женский характер, – он стремился к этому, но героиня от него ускользала»¹.

Здесь же Азарова обращает внимание читателя на то, что, возможно, в Швейцарии в 1857 году возникло желание написать произведение о русской женщине, о чём гласит запись в дневнике от 12/24 мая: «Встал в 8, целый день читал Sarrut. Мыслей особенно из романа русской женщины, бездна, художественно счастливых мыслей <...>» (21, 185). Вероятно, в дневнике речь шла о той женщине, которая находилась тогда рядом с писателем, об Александре Андреевне Толстой.

Лев Николаевич влюбился в свою кузину, несмотря на то, что она была старше его на 11 лет. В дневниковой записи читаем: 22 октября. [Петербург] «<...> Обедал в клубе с Ковалевским,

---

¹ Азарова Н.А. Два голоса (из переписки Л.Н.Толстого с А.А.Толстой) // Октябрь. 1996. №9. С 138.

вечером у Толстых. Прелесть Александрин, отрада, утешенье. Я не видел ни одной женщины, доходящей ей до колена» (21, 193)¹.

23 октября 1857года Толстой, находясь в Петербурге, получил письмо от Александры Андреевны, в котором она сообщает: «...в голове моей промелькнула безумная идея – посвятить вас во всю свою прошедшую жизнь, чтобы вы могли понять женщину во всех ее противоречащих друг другу аспектах. Не будучи способна писать сама, я хотела бы доставить вам материал довольно любопытный...»². А.А.Толстая мечтает видеть написанную писателем вещь о себе.

Толстой заинтересовался обещанной исповедью фрейлины, однако не получил её, потому что «осмотрительность придворной дамы брала верх над буйным порывом излияния её души»; Александра Андреевна медлила.

Писатель не сомневался в исполнении обещанного жизненного материала и неоднократно напоминал А.А. Толстой о рукописи: «... Я вас не прошу исполнить того, что вам захотелось, – это не просится, а дается; но не могу не сказать, что надеюсь и жду. Хотя я вас знаю очень хорошо и коротко, – вы знаете как? – по теории моей любви, но тем более мне хотелось бы знать, как это лучшая во всём мире женщина делала глупости – самые лучшие во всем мире. – И так, как вы там не рассказывайте, а по-моему они выйдут самые лучшие. – Только не для изучения мне это радостно будет, а для наслажденья, это все еще впереди» (18, 517).

В послании Толстого определенно звучит мысль о том, что Александра Андреевна заинтриговала его обещанными материалами о себе, о своих жизненных коллизиях, которые она называет «глупостями». О них писатель обещает ей: «они выйдут самые лучшие». Слово «выйдут», употребленное в письме, могло обозначать «выйдут в романе», «выйдут из-под пера». Очевидно, он был решительно настроен написать *роман о русской женщине*, не оставляя надежды на получение рукописей, предполагая на даль-

---

¹ В общении с А.А. Толстой Л.Н. Толстой называл ее Александрин.

² Там же. С. 139.

нейшие взаимоотношения с кузиной, о чем сказано в последних словах письма: «...все еще впереди».

Но Александра Андреевна так и не решилась посвятить в свои тайны Толстого, хотя ещё долго не оставляла мысль об ознакомлении его со своей рукописью. «Если бы у меня было время и талант, я сочинила бы историю, героем которой были бы вы...», – спустя время напишет она Толстому¹.

Позже, в воспоминаниях о Толстом Александра Андреевна напишет следующее: «Его натура была настолько сильнее и интересней моей, что невольно все внимание сосредоточилось на нем, а я лишь была второстепенным лицом...»². По всей видимости, фрейлина не решалась привлекать к своей личности большего внимания, нежели того заслуживал сам писатель.

Толстой же по-своему истолковал это пожелание Александры Андреевны: он не переставал надеяться, что ещё когда-нибудь получит обещанную ему исповедь в форме романа. Даже по истечении времени, в период работы над «Войной и миром», уже будучи женатым и счастливым, он пишет А.А.Толстой в письме от 17 октября 1863: «...Помните, раз вы хотели написать мне роман. Мне кажется, тогда мы вошли бы в эти более существенные отношения. Неужели это навсегда потеряно?» (18, 610).

Это письмо проливает свет на то, как велико было желание Толстого овладеть рукописью, что даже увлечённый новой работой, счастливый в семейной жизни, он огорчился о возможной потере осуществления замысла, появившегося в Швейцарии.

В марте 1874 года, всецело захваченный новым романом («Анна Каренина»), Толстой сообщает кузине в письме: «Я пишу и начал писать роман, который мне нравится, но едва ли понравится другим, потому что слишком прост», – так представил Толстой будущий свой роман, возможно, ставший ответом на обещанную ему когда-то историю фрейлины о себе самой (18, 648).

---

¹ Азарова Н.А. Два голоса (из переписки Л.Н.Толстого с А.А.Толстой) // Октябрь. 1996. №9. С. 141.

² Там же.

По известному свидетельству Софьи Андреевны, первоначальный замысел нового романа Толстого заключался в том, чтобы изобразить «тип замужней женщины из высшего общества, но потерявшей себя», хотел её сделать «только жалкой и не виноватой»¹.

Азарова считает, что импульсом к созданию Толстым романа о женщине послужили их взаимоотношения с Александрой Андреевной и предлагаемая, но не подаренная ею рукопись, во что Лев Николаевич не мог посвятить Софью Андреевну, но о чём она, вероятно, догадывалась, потому что на протяжении длительного времени ревновала мужа к его высокопоставленной родственнице².

Родственные и дружественные связи Толстого и А.А. Толстой продолжились до самой смерти кузины³. Писатель высоко ценил их, дорожил ими, через них имел возможность быть посвященным в важные государственные дела, в том числе – в дела светской среды.

В записках фрейлины «Печальный детектив из моей жизни», в которых А.А. Толстая посвящает читателей в дворцовые тайны периода 1868-1883 годов, отчетливо просматривается «неудовольство» фрейлины поведением государя, Александра II, вступившего в тайную связь с княгиней Долгорукой, которая была моложе его на 29 лет.

Коронованная Государыня Мария Александровна, обожаемая всеми придворными, пытаясь скрывать свою осведомленность об этих отношениях, терпеливо сносила страстную увлеченность мужа Долгорукой. Все это на протяжении тринадцати лет подрывало ее здоровье, расстраивало духовные силы.

А.А. Толстая в нарушении естественных отношений в царской семье видела большой грех, отступление от Божественных норм жизни. «Преступная связь Императора открыла эпоху покушений на его жизнь», – писала фрейлина, – и потому Императрица все шесть покушений на Императора восприняла обреченно,

---

¹ Толстая С.А. Дневник. 1860-1891. М., 1928. С.40.

² Азарова Н.А. Два голоса. С. 144.

³ А.А.Толстая умерла в 1906 году.

считала попытки народников, покушавшихся на жизнь ее мужа, проявлением Господнего наказания за его несправедную жизнь¹.

А.А. Толстая, выросшая вместе с императором, снискавшая его расположение, осуждала государя за его поведение: «Монарх и отец семейства не имеет права перед лицом Израиля проявлять обывательскую снисходительность, – и кто ее вызывает и пользуется ею, вероятно, ответят за это в один прекрасный день»². Фрейлина стояла на твердых патриархальных устоях по отношению к семье и не принимала никаких компромиссных вариантов.

Как известно, после смерти Императрицы Александр II вступил со своей фавориткой в морганатический брак, признал всех их троих детей своими. По этому поводу А.А. Толстая писала: «Царь, женившись на Долгорукой, не увидел ни жестокости своего эгоизма по отношению к законной семье, ни падение своего авторитета, ни длинной и тяжелой цепи бесконечных конфликтов». Мало того, А.А. Толстая считала, что причиной разрушения семьи Великих князей Константина и Николая, братьев Александра II, стал его неблагоприятный пример. Связь с танцовщицами оказалась для них важнее, чем сохранение семьи, где они долго были добропорядочными мужьями и отцами.

Итак, разложение царской семьи и близких ко двору семей было в центре внимания всей русской общественности, оно не могло остаться вне поля зрения писателя. Толстой обратился к роману «Анна Каренина» не только под влиянием его личных взаимоотношений с фрейлиной, своих домашних семейных неурядиц, внутреннего кризиса, но и, возможно, непосредственно под влиянием событий, происходивших в царской семье и вокруг нее.

В «Анне Карениной» Толстой неоднократно упоминает о царе, говорит о нём несколько принижено. В самом начале романа, после объяснения Вронского с Анной на железной дороге, Толстой замечает: «Вронский ничего и никого не видел. Он чувствовал себя царём не потому, чтоб он верил, что произвёл впечатление на Анну, <...> но потому, что впечатление, которое она произвела на него, давало ему счастье и гордость» (8, 119).

---

¹ Толстая А.А. Печальный эпизод из моей жизни // Октябрь. 1993. № 5-6. С. 96.

² Там же.

Толстой, отрицательно относившийся к прогрессу, в том числе и к железной дороге, считая её основным местом дьявольских искушений: на месте случившейся смерти стрелочника, на месте будущей гибели Анны вспоминает о царе.

Вронский в романе начинает «волочиться» за чужой женой, не осознавая безнравственности своего поступка. Увидев первые ростки своих постыдных деяний, Вронский возгордился этим: известный пример царя давал право совершать ему подобные действия.

Вспоминает монарха у Толстого и «бессемейный» Облонский, когда, пытаясь уговорить Каренина дать развод его сестре, он, в свойственной ему манере, размышляет: «жене и близким знакомым будет задавать вопрос: «Какая разница между мной и государем? Государь делает развод – и никому от этого не лучше, а я сделал развод, и троим стало лучше...». Или: «какое сходство между мной и государем?» (8, 474).

Прямо участвуя в развале семьи, Облонский легкомысленно заявляет о своём сходстве с царём, ведь царь тоже погружён в дела далеко неблагоприятные, не достойные его императорской короны. Признания Облонского в своём сходстве с царём, обращает нас к началу романа, где категорично заявлено: «...всё смешалось в доме Облонских», а поскольку, по словам писателя, нет разницы между Стивой и царём, то роман, стало быть, и о царе...

В романе «Анна Каренина» нашел воплощение тяжелый исторический период пореформенного времени России, наполненный семейными неурядицами, развалом царской семьи, утратой родственных отношений, потерей материнских чувств, гибелью людей и т.д.

Интересно и то, что роману присущ факт «обратного прототипизма», наблюдаемый в литературоведении неоднократно: художественный вымысел писателя как бы вторично подтверждается жизнью.

Как утверждает исследователь В.Я. Лакшин, «обратный прототипизм» может возникнуть как подражание современников

влиятельному литературному образцу, но несравненно чаще это лишь доказательство верно угаданных художником жизненных законов и характеров¹.

Можно предположить, что Толстой предопределил романом судьбу своего сына Андрея Львовича. В 1877 году, в год окончания романа «Анна Каренина», у Толстых родился сын Андрей Львович, в жизни которого разыгралась история, подобно той, что была придумана писателем в романе, разве что без трагического финала. Екатерина Васильевна Арцимович, жена Тульского губернатора, бросила вызов свету, оставив своего мужа и шестерых детей, соединила по страстной любви свою жизнь с жизнью сына Толстого.

Лев Николаевич очень тяжело переносил случившееся событие, долго просил Екатерину Васильевну не разрушать своей семьи, пытался вразумить ее, а через нее и сына, который не хотел слушать своего отца.

Но все разговоры, письма, увещевания к Екатерине Васильевне не принесли желаемого результата – сын бросил свою семью, Екатерина Васильевна свою. Любовники бежали за границу... Для писателя Толстого это был удивительный и болезненный случай испытания его учением.

Все поведение губернатора Арцимовича, пытающегося соблюсти «приличия», напоминает поведение Каренина. А старший сын Арцимовичей – Михалик, которому Екатерина Васильевна уделяла внимания больше, чем другим детям, в какой-то мере повторил судьбу Сережи Каренина.

Е.В. Арцимович и А.Л. Толстой, вступившие во второй брак, прожили вместе 12 лет. Были счастливы. Но страсть прошла. У Андрея Львовича появились новые любовные увлечения, а Екатерина Васильевна продолжала его любить; она была верной ему до конца жизни. В своих воспоминаниях она с восторгом и теплотой пишет о совместно прожитом времени.

---

¹ Лакшин В.Я. // Мемуары Е.В. Толстой // Л.Н. Толстой и его близкие / Сост. Волкова Т.Н. М.: Современник, 1986. С. 216.

Жизнь Андрея Львовича трагически оборвалась в расцвете сил, но Екатерина Васильевна не вернулась к первому мужу, хотя Арцимович этого желал и неоднократно настаивал на ее возвращении.

Позднее Екатерина Васильевна признавалась, что у нее не было привязанности к детям, хотя в суровые годы Империалистической войны, когда люди объединялись и жили вместе, она забирала к себе детей, занималась с ними, но в семью к первому мужу, где жили ее дети, так и не вернулась.

Все эти факты и совпадения говорят о том, что роман «Анна Каренина» – это откровение Толстого, в котором личное соединилось с общественным, а художественное воплотилось в действительность.

Пример такого явления известен из истории создания драмы «Гроза» А.Н.Островского: Клыковы не могли быть прототипами Кабановых, поскольку «Гроза» была написана двумя месяцами раньше, чем произошло «клыковское дело».

В жизни также не существовал тип «тургеневской девушки», подобной героине «Дворянского гнезда», но этот тип стал быстро распространяться в жизни после того, как роман был написан Тургеневым.

Роман «Анна Каренина» Толстого неоднократно сопоставлялся критиками с «Госпожой Бовари» (1856 г.) Гюстава Флобера.

Картина буржуазного мира, нарисованная Флобером в романе «Госпожа Бовари», созвучна пореформенному времени, изображенному Толстым, она подавляет читателя безрассудством и страстью. Эмма – чистое, романтическое создание, воспитанное в монастыре, попадает в бездуховное окружение и ведет серую, унылую жизнь без любви и взаимности. Незаурядность Эммы состоит в неприятии пошлого мира, в котором она вынуждена обитать. Измученная тоской и одиночеством, она долго не может понять причину своих страданий. Сила страсти, захватившая Эмму, увлекает ее в демонические сети и приводит, так же как и Анну, к катастрофе.

Трагизм романов Толстого и Флобера является объединяющим фактором для обоих произведений. Однако трагедия Эммы в

том, что, бунтуя против мира обывателей, она в то же время является неотъемлемой его частью. У жены провинциального лекаря, духовные потребности которой сформировались в монастыре, существуют два противоречивых обстоятельства – внешне пассивная жизнь и возвышенная всепоглощающая любовь.

Для Эммы знать представляется воплощением всего самого совершенного и привлекательного, жизнь богатых – это мир романтический и идеальный. Точно магнит, притягивает ее к себе «избранное» общество. Для Анны Карениной, напротив, светская среда – реальная и жестокая действительность, которую она отторгает.

Образы Эммы Бовари и Анны Карениной обнаруживают различия психологические, национальные, социально-бытовые, однако как художественные типы они несут единую смысловую нагрузку: женщина в изменившемся мире подвержена воздействию темных сил более, чем кто-либо другой в обществе.

Толстой расширил рамки семейного романа. Этому типу романа предстояло выполнить особую роль и в морально-нравственном воспитании общества, в разрешении эпохальных пореформенных проблем.

6.2. Пушкинское в романе «Анна Каренина»

В отечественном литературоведении сложилось устойчивое мнение, что Толстой в своем романе «Анна Каренина» развивает пушкинские традиции, а Салтыков-Щедрин «вышел из Гоголя» и продолжил его традиции в «Господах Головлёвых»¹

Современники Л.Н. Толстого – Ф.М. Достоевский,² Н.Н. Страхов,³ В.В. Розанов,⁴ К.Н. Леонтьев⁵ и другие писатели и критики – еще при жизни великого романиста отмечали в его

---

¹ Волков И.Ф. Теория литературы. М.,1995. С.234-235.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.,1989. С.385,474.

³ Страхов Н.Н. Взгляд на текущую литературу // Страхов Н.Н. Литературная критика. М.,1984. С.398-401.

⁴ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.,1995. С.435.

⁵ Леонтьев К.Н. О романах гр. Л.Н Толстого. М., 1911. С.125.

творчестве традиции Пушкина. Литературоведы XX века Ю.М. Лотман,¹ Е.А. Маймин,² Б.М. Эйхенбаум,³ М.Б. Храпченко⁴ и другие продолжили эти исследования и отметили существенный вклад Толстого в развитие русской национальной литературы.

Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина, действительно, критики и писатели А.М. Скабичевский⁵, М.С. Ольминский,⁶ К.К. Арсеньев⁷ и другие считали созвучным творчеству Н.В.Гоголя. Литературоведы А.С. Бушмин,⁸ А.А. Жук⁹, М.С. Горячкина¹⁰, С.И. Машинский¹¹ и другие исследовали гоголевские традиции в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина и своими работами способствовали лучшему пониманию творчества двух великих писателей-сатириков. Но и Л.Н.Толстой, и М.Е. Салтыков-Щедрин оба тяготели к Пушкину, хотя у Толстого это проявилось непосредственно в творчестве, а у Салтыкова-Щедрина происходило исподволь. Кроме того, Салтыков-Щедрин учился в том же лицее, что и Пушкин, был «Пушкиным» своего курса¹².

Известно, что толчком к созданию «Анны Карениной» для Толстого послужило начало пушкинского наброска «Гости съезжались на дачу», мало того, сам образ и внешность героини были навеяны дочерью Пушкина Марией Александровной Гартунг, которую писатель знал лично.

М.И. Цветаева в книге «Мой Пушкин» также говорит о пушкинском влиянии на роман Толстого, обозначившемся в любовном треугольнике: Татьяна, Онегин, муж генерал, изображенные в романе «Анна Каренина». Там, где стояла Татьяна Ларина, оставаясь верной чувству долга, появляется Анна, которая полно-

---

¹ Лотман Ю.М. Биография писателя. А.С.Пушкин. Л., 1983. С.175.-251.

² Маймин Е.А. Лев Толстой. М., 1978. С63-64; 75; 111-113.

³ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.,1974. С.147-160.

⁴ Храпченко Б.М. Лев Толстой как художник. М., 1971. С.199.

⁵ Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. СПб.,1897. С.278.

⁶ Ольминский М.С. Статьи о Щедрина. М.,1959. С. 5-7.

⁷ Арсеньев К.К. Салтыков-Щедрин. СПб.,1906. С.190.

⁸ Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л.,1987. С.32-39.

⁹ Жук А.А. От Гоголя к Щедрина (эволюция поэтики русской сатиры) // Салтыков-Щедрин 1826-1976. Л.,1976. С145-163.

¹⁰ Горячкина М.С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1965. С.7-11.

¹¹ Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М.,1991. С.474.

¹² Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Биография. Начало пути. М.,1960. Т.1. С.78.

стью отдается чувству любви, Татьяна Ларина дает урок (в последней главе романа) Евгению Онегину, замыкаясь в сфере супружеской верности, Анна Каренина нарушает эти заветы и обрекает себя на гибель.

Особо выделяется Цветаевой параллель между Онегиным и Вронским, генералом и Карениным. Татьяна, пишет Цветаева, своим поступком спасает Онегина, заставив его осознать свою безнравственную жизнь, так же, как Пушкин спас своей смертью жену, указав ей путь к обретению духовного мира и подлинного счастья. Каренин не смог защитить свою семью от вторжения Вронского, и поэтому гибнет вся его семья¹. Такое умозаключение поэтессы заставляет нас искать причины изменившихся нравов в период от Пушкина до Толстого.

Эпоха Александра I в России закрепила за собой мнение, что «это было время, когда никто не мог назвать с уверенностью мать и отца, измены были до такой степени всеобщими и обыкновенными, что «не изменять» – казалось чудом и тем, чего «нет и не может быть»².

Эпоха Александра II стала периодом морального разложения самого государственного престола. Именно в этот период человеческая природа потеряла опору в высших принципах, очень легко стала скатываться до безнравственности.

Ко времени Толстого, особенно ко второй половине его жизни, к 70-м годам, «русский мир» бесконечно изменился: стало сложнее жить, потому и сложнее умирать. Идею испорченного времени, ведущую людей и общество к катастрофе, Толстой решительно проводит в романе «Анна Каренина»³. Писатель указывает выход из драматического состояния и альтернативный путь, которым он ведёт своего Левина.

Частная жизнь для Толстого, так же как и для его гениального соотечественника Пушкина, была серьезным и ответственным делом. Пушкин, став семейным человеком, глубоко задумывался о роли личности в истории, смене поколений и исторической памяти.

---

¹ Цветаева М.И. Мой Пушкин. М., 1967. С.73.

² Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995. С.435.

³ Там же. С.436.

В этом аспекте он осмыслил роль семьи, родного гнезда в судьбе человека, в формировании его «самостоянья», считая историей «живую связь живых людей, нить от отца к деду, а затем к сыну и его потомкам – связь людей, живущих в одних и тех же местах, вырастающих и умирающих в одном доме и находящих последнее упокоевание на одном и том же кладбище».

Недополучивший тепла, родительской ласки в родном доме Пушкин остро воспринимал проблему семейных отношений, которая привела его к теоретическим размышлениям о том, что только человек, имеющий свой дом, «крепок родной земле», истории и народу, «что бытие отдельного человека – лишь звено в цепи между предками и потомками – цепи, оба конца которой уходят в бесконечность. Войти в эту цепь – значит, вести подлинное историческое существование»¹.

Сам Пушкин считал, что *история проходит* через частную жизнь людей, *через его дом*. Для него верховными святынями и основой всего мироздания становятся домашние божества (Пенаты, Лары), которые совершают важнейшее предназначение: внушают уважение человеку к самому себе.

И нас они науке первой учат:

Чтить самого себя...²

Пушкин мечтал со своей семьей жить в деревне, в своем доме, спокойно предаваясь ритму жизни, исходящему от природы, и в соответствии с природой.

Как и Пушкин, Толстой тоже считал, что семья может быть счастливой, только поселившись в деревне, живя по естественным законам природы, и потому везет молодую жену Софью Андреевну в Ясную Поляну, свое родовое гнездо, где строит свои взаимоотношения так же, как, должно быть, его предки. Толстой относился к семье с философской точки зрения, видя в ней историческую миссию. Не случайно он обращается к семье спустя полстолетия после Пушкина, называет свой роман женским именем, таким образом подчеркивая значимость женского начала в продолжении человеческой жизни, в целом мироздании.

---

¹ Лотман Ю.М. Биография писателя. А.С.Пушкин. Л., 1983. С.175.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В16 т. М, 1932. Т.3. С.192.

Как и пушкинская Татьяна, Анна у Толстого выходит замуж за Каренина без любви, принимается светом и считается графдамой, но Татьяна не может сделать несчастным человека, который разделяет с ней дом и кров, считает измену мужу великим грехом, нарушением святого долга, Анна *это* же называет «куском хлеба для голодной», полностью предается любовной страсти, забывая о чести семьи, о своем статусе жены и материнском долге.

Встретившись с Вронским на железной дороге, Анна, замужняя женщина, ласково улыбается незнакомому мужчине, которого видит в первый раз.

«— Да, мы все время с графиней говорили, я о своём, она о своём сыне, — сказала Каренина. И опять улыбка осветила её лицо, улыбка ласковая, относившаяся к нему.

— Вероятно это вам очень наскучило, — сказал он, сейчас, на лету подхватывая этот мяч кокетства, который она бросила ему» (8, 74).

Мячик, что поймал Вронский, стал клубком жизненной нити Анны, которой она словно зацепилась за Вронского и запуталась, как в паутине, в своей порочной любви. Анна живёт в пореформенное время, когда «все переверотилось...», когда нравы претерпели изменение, и если для Татьяны её возможная связь с Онегиным — это позор, то Анна считает сокрытие своих отношений с Вронским — предрассудками и ложью. Анна больше всего возлюбила себя в себе, она пожертвовала всем, чем обычно живут люди, чтобы удовлетворить свои желания, а когда все желания были исполнены, жизнь для нее потеряла всякий смысл.

И если Анна и Татьяна по своей сути особы разные, то Онегин и Вронский похожи друг на друга. Татьяна, разоблачая поступок Онегина, признающего ей, светской даме, в любви, говорит:

Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,

Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?¹

Маски сорваны. Татьяна, как проницательный человек, сумела предвидеть беду и защитить себя и своё гнездо от Онегина-разорителя. Онегин посрамлен!

Толстой развивает образ Онегина во Вронском. «Соблазнительная честь» была престижна для Вронского, для него в первую очередь было важно мнение света. Преследуя Анну, «он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что <...> роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь её в прелюбодеяние, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна...» (8, 157). Вронский, просчитав все свои шаги, был ориентирован на светское общество, зная, что за это его не осудят и не закроют перед ним дверь.

Оба писателя, и Пушкин, и Толстой, были великими гуманистами и не могли допустить победы зла над добром – они приводят героев к осознанию своих неблагоприятных поступков. У Вронского наступает пробуждение совести у постели умирающей Анны. Именно в этот момент Вронский начинает понимать, что совсем не стыдно и не смешно быть обманутым мужем, а, наоборот, стыдно быть тем, кем он находился в этом доме и вести такой образ жизни, какой вел он. Чтобы заглушить стыд и вину за случившееся с ним и Анной, голос совести заставил его взяться за пистолет и стреляться, а после гибели Анны принять решение идти на войну в Сербию, чтобы там найти свою смерть.

Перевернутое сознание Анны сделало глубоко несчастными людей, живущих с ней рядом. Ее муж, честный, порядочный человек, ради сохранения семьи терпит унижения и оскорбления. Он пытается вразумить свою жену, прощает её в момент тяжелой

---

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В16 т. М, 1932. Т.3. С193.

болезни, а когда Анны не стало, берет к себе на воспитание дочь Вронского. Этими поступками, основанными на христианской морали, Каренин возвышается над Анной и Вронским уже потому, что стремится сохранить семейное гнездо, достоинство сына Серёжи.

Одновременно Каренин «чувствовал, что кроме благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или ещё более властная, которая руководила его жизнью, и что эта сила не даст ему того смиренного спокойствия, которого он желал» (9, 27). Наставления Бетси, ее требования о предоставлении возможности встретиться Вронскому с Анной стали для Каренина олицетворением той невидимой грубой силы, которая исподволь руководила его жизнью.

Эту же грубую силу, проявлявшуюся в действиях правительства и самого царя Николая I, ощущал на себе и Пушкин. Это с позволения царя происходило вмешательство в семейную жизнь супругов Пушкиных, по его распоряжению распечатывались и читались письма поэта, организовывались интриги и различные неблагоприятные действия, которые держали в напряжении семью поэта и, в конце концов, привели его к гибели.

Для Пушкина и Толстого идеал семьи и дома представлялся вне великосветской среды и был воплощением простонародного духа, однако в жизни они оба были непоследовательны: Пушкин, мечтавший о спокойной тихой жизни со своей семьей в деревне, не осуществляет своей мечты, предпочитает жить в столице, где терпит унижения и делает совсем не то, что ему хотелось делать.

Левин (alter ego Толстого) отказывается от мечты «жениться на крестьянке», потому что считает, что идеальную хозяйку можно воспитать только из представительницы дворянского круга, это же и исполняет сам писатель, женившись на Софье Андреевне Берс, принадлежащей к тому кругу, который он неустанно критиковал за неправильное воспитание.

Пушкин и Толстой – два великих русских писателя, воплотивших в творчестве свою эпоху, стали ее выразителями.

Исследователь Е.А. Маймин, отмечая тесную связь писателей, указывал: «...что Пушкиным только намечено, то Толстой развивает с присущей ему глубиной и своеобразием»¹. В справедливости сказанного мы всякий раз убеждаемся при сопоставлении двух семейных романов «Евгения Онегина» и «Анны Карениной», отмечая их глубинную связь. Создавая свой роман, Толстой творил в русле пушкинской литературной традиции, зеркально отражая сюжет «Евгения Онегина». Такой художественный прием еще более подчеркивает остроту основного конфликта «Анны Карениной», конфликта «семейности» и «бесемейности», приобретающего под пером Толстого космические масштабы борьбы Божественного и демонического.

6.3. Гоголевское в романе «Господа Головлевы»

«... Талант Щедрина и взгляды его на искусство формировались под непосредственным воздействием Гоголя и его школы», — неоднократно отмечали исследователи»². В литературоведении давно отмечено влияние Гоголя на творчество Салтыкова-Щедрина, это неоднократно признавал и сам сатирик. Щедрин развивает в своем творчестве гоголевские традиции, но идёт дальше учителя, так как живет в другой социально-нравственной среде, иначе осознает объективную реальность, по-новому отображает её.

Взаимосвязь Гоголя и Щедрина просматривается в антикрепостнической сущности произведений обоих писателей при несомненной эволюции творчества последнего. Как известно, Гоголь создавал свои произведения в период, когда «протест крепостнического государства захватил только лучшую часть дворянства и намечались первые признаки приближающегося этапа освободительной борьбы», а ко времени прихода Салтыкова-Щедрина в литературу «процесс разложения общества зашел еще

---

¹ Маймин Е.А. Лев Толстой. С.145.

² Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. С.474.

глубже», и сатирику выпала участь стать «летописцем минуты», быть общественным просветителем¹.

Изображение «среды», которая «заедает человека», становится определяющим явлением в творчестве Салтыкова-Щедрина². Типичные герои вбирают в себя все пороки общества и живут в полном подчинении среде. Среда их породила, сформировала и превратила в своих послушных автоматов, «поведение щедринских персонажей в определяющих обстоятельствах – это поведение рыбы в воде»³.

Мечтая исправить общество, сатирик рассчитывает на новую общественную силу, которую он видел в молодых интеллигентных людях, не принимающих существующие общественные отношения. В его произведениях звучит призыв к молодой растущей общественной силе изменить установившиеся социальные порядки к лучшему, помочь забитому трудом и нищетой народу.

В создаваемом романе «Господа Головлёвы» отчетливо просматривается критическое отношение писателя ко всему дворянскому укладу, однако, «...к чему Гоголь подходил как художник-гражданин, <...> от того сознательно отправлялся Щедрин, в лице которого большой художник сочетался с высокоразвитым политическим мыслителем»⁴.

Исследуя новаторский характер романа о семье по отношению ко всему предыдущему творчеству Щедрина, А.А. Жук отмечала, что «Господам Головлёвым» присуще даже «другое стилевое направление <...>, отмеченное психологизмом, богатым и точным эпическим бытописанием»⁵. Именно здесь Щедрин отходит от уже установившегося в его творчестве сатирического изображения действительности, становясь психологом, он пытается проникнуть во внутренний мир своих героев, показать условия их существования.

---

¹ Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л., 1987. С.33.

² Добролюбов Н.А. Собр. соч. В 3-х т. М., 1963. Т.1. С.193.

³ Там же. С.193.

⁴ Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л., 1987. С.34.

⁵ Жук А.А. От Гоголя к Щедрину // Салтыков-Щедрин. 1826-1976. Л. С.145.

Если у Гоголя в «Мертвых душах» помещичья усадьба – замкнутый мир, в котором нет и намек на дружественные отношения с соседями, а общей чертой всех владельцев дворянских гнезд становится разобщенность, стремление к наживе, отсутствие высоких идеалов, то у Щедрина происходит усугубление отношений внутри самой семьи, выявляется разлад между родными по крови людьми, которые испытывают неприязнь и ненависть друг к другу. Сатирик заостряет внимание на том, что в родительском доме дворян Головлевых основным мерилom отношений становятся материальные накопления, даже мать теряет свой авторитет и статус хозяйки дома вместе с потерей капитала.

Образ щедринской владелицы головлевского дворянского гнезда Арины Петровны логически завершает галерею гоголевских хозяев имений Манилова, Собакевича, Коробочки, Ноздрева, Плюшкина. По наблюдению Бушмина, Арина Петровна синтезирует в себе все пороки своих предшественников: «мертвую хватку Собакевича, и бессмысленное стремление к накопительству Плюшкина, и фарс Ноздрева, и безалаберность Манилова»¹. Она перещегооляла их всех в плане осуществления своих античеловеческих замыслов. И если гоголевская Коробочка, торгуя живыми душами, хорошо знает цену на них, а мертвые души принимает за какой-то неизвестный ей ходкий товар, то для Арины Петровны товаром становятся ее дети, о чем автор говорит уже на первых страницах романа. Узнав о том, что продан за долги дом Степана в Москве, она настолько потеряла самообладание, что известие, что если бы ее сын кого-нибудь убил, для неё не имело бы такого значения, как это. Ей легче увидеть сына в гробу, чем узнать о потере своего капитала. А больной, умирающий в Дубровине Павел привлекает Арину Петровну к себе не как сын, нуждающийся в материнской поддержке, а как владелец имения, потому что оно может «уплыть» от неё к Иудушке.

Все дети Головлевых живут без каких-либо устремлений в будущее, словно знают о скорой своей гибели. Старший сын Степан с легкостью пропивает дом в Москве, не задумываясь о

---

¹ Бушмин А.С.Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М.,1976. С.159.

дальнейшем своем существовании и житье-бытье. Дочь Анна, так же как и Степан, проживает выброшенный ей матерью «кусок», а когда уже жить становится не на что, уходит в мир иной.

Не задумываясь о последствиях, проигрывает казённые деньги внук Петенька, за что попадает в тюрьму, где и погибает. На скользкий путь стали и внучки Арины Петровны. Не подготовленные к семейной жизни Аннинька и Любинька, не смогли противостоять грязным домогательствам мужчин, и также, как и остальные Головлевы, безвременно покидают мир.

Щедрин, в противовес Гоголю, вторгается в область запретных коридоров власти государственных структур, показывая несостоятельность и уродливость законов, которые так легко обходит Арина Петровна в своей бурной деятельности.

Нравы и порядки николаевской Руси впитали и приспособили к себе и Чичиков, и Порфирий Головлев, именно эти порядки развязывали им руки, помогали в делах стремительного обогащения, способствовали их неуязвимости. Иудушка знает наизусть все государственные законы и умело манипулирует ими, на каждый случай жизни имеет свой ответ, свое правило, далекое от христианской морали. Удобные и надежные, они для Иудушки, для всей чиновничьей властной братии в России служили щитом и ограждали от всякого рода неприятностей.

И хотя Гоголь и Салтыков-Щедрин создавали свои произведения в разное время, за этот срок в государственных структурах Николая I и Александра II мало что изменилось. Щедрин решительно изобличает установленные правящими структурами порядки, носившие, по своей сути, разрушительный характер, отрицательно воздействовавшие на человека, его духовный мир.

У Гоголя начало процесса деградации человеческой личности ярко обозначилось на образе Плюшкина. Именно в нем Машинский усмотрел «зловещий симптом неизлечимой смертельной болезни, которой заражен крепостнический строй»¹. «Мудрая скупость» Плюшкина изначально способствовала образованию пустоты в доме, затем – пустоты в душе, возникшие внутри

---

¹ Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М., 1991. С.476.

героя подозрительность и страх превратили его жизнь в ад, привели на грань психического распада.

Отмеченный у гоголевского Плюшкина симптом становится в семействе Головлёвых заразной болезнью, которая приводит к смерти их всех.

Особенно обращает на себя внимание душевное здоровье и поведение Иудушки, который без конца строит свои мыльные прожекты, абсолютно беспочвенные и несостоятельные. Его тирания по самым ничтожным пустякам распространяется на всех обитателей Головлёва, а лицедейство беспредельно: Бог для Иудушки всего лишь ширма для прикрытия его гнусных поступков.

Щедрин использует в своем творчестве гоголевский приём самоутверждения униженного человека: герой вдруг начинает играть роль значительного лица, дабы избежать осознания своей ничтожности, как это делает Хлестаков; так это случается со Степаном, возвращающимся домой без копейки денег. Схожесть Степана с Хлестаковым очевидна: задавленный жизнью, униженный безденежьем человек, «фитюлька», в силу обстоятельств выдает себя не за того, кто он есть на самом деле. И если Хлестаков, изображая из себя ревизора, морочит голову высокопоставленным чиновникам, то Степан пытается выглядеть благопристойно перед самим собой: все окружающие его люди давно поняли, кто он есть по существу дела. С этой же целью врёт и Ноздрёв... .

Чтобы казаться важным и самодостаточным, выглядеть респектабельным в состоятельном обществе, Чичиков составляет целую программу обогащения обманным путём и успешно реализует ее.

Однако гоголевским героям и в голову не придёт полностью жить во лжи, как живёт щедринский Иудушка. Порфирий Владимирович, погружённый в мир вранья, создаваемый им самим, пытается опутать сетью лжи всех, кто оказывается рядом. Прикрываясь благочестивыми разглагольствованиями, он стремится только к обогащению и удовлетворению своих плотских потребностей.

Для Гоголя высший государственный аппарат – недозволенная сфера, и поэтому он очень осторожно, с иронией говорит

о Манилове, сравнивая его со «слишком умным министром». Это сравнение должно обозначать, что иной министр – олицетворение государственной власти (!) – не так уж отличается от Манилова и что маниловщина – типичное явление окружающего прошлого мира.

У Салтыкова-Щедрина «министром» названа Арина Петровна, что подчеркивает ее непреклонную власть и могущество. Для нее все крепостные – невольники, рабы, с которыми она расправляется, как ей заблагорассудится. В отличие от Плюшкина, отлучившего от родного дома своих детей, Арина Петровна сама вершит суд над родным сыном и предопределяет его дальнейшее существование на Божьем свете. Еще дальше своей матери идет ее сын Иудушка, он, по существу, сам безжалостно уничтожает своих детей.

И если Гоголь не наказывает порока, у него нет торжества закона ни над помещиками, ни над чиновниками, ни над дельцами-обманщиками, он все оставляет без возмездия, то Щедрин, развивая тему порочного общества, показывает, что оно, это общество, нашло наказание в себе, изживая самое себя, переселяясь на кладбище, таким образом получив возмездие за несправедную жизнь.

Гоголь целью своего творчества считал «исправление человека и общества», Салтыков-Щедрин видел «окончательное исправление человека в условиях коренного преобразования общества», которое должно, по его мнению, очиститься от скверны и начать иной ход существования¹.

Основное произведение Гоголя носит название «Мертвые души», но речь в нем идет всё-таки о душах человеческих; Салтыков-Щедрин опускает своих героев на более низкий уровень, наделяя их инстинктами, в большинстве случаев хватательными, тем самым утверждая невозможность существования этих деградированных героев с умершими душами.

---

¹ Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л., 1987. С.38.

Гоголь во второй и третьей частях поэмы намеревался «воскресить» Чичикова, представить его в «исправленном виде», Салтыков-Щедрин представляет смерть всего семейства Головлёвых как очищение общества от несостоятельного, паразитирующего семейства Головлёвых, олицетворяющего собой дворянский класс. Салтыков-Щедрин выступает как продолжатель литературных традиций Гоголя не только обличительным характером сатиры (что неоднократно отмечалось исследователями его творчества), но и в религиозно-нравственном аспекте: доводя до абсолюта гоголевские типажи, показывая их уже за гранью распада. Он указывает на возможность спасения отпавшей от Бога Души выведением ее в христианскую этику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Издrevле на Руси семья имела значение центра мироздания, о чем свидетельствуют литературные источники.

В устном народном творчестве почти все темы сводилось к семье, для которой необходимо было быть работающим, честным, терпеливым, уметь держать слово, уважительно относиться к окружающим людям, стремиться к мастерству в исполнении не только своего ремесла или дела, но и к личному совершенствованию.

Большинство русских сказок начинались с жизни семьи: «жили-были старик со старухой», «жили-были муж да жена» или «царь да царица»...

Неразрывная связь поколений отчетливо прослеживается в детских песенках, потешках, загадках, прибаутках.

Для молодых людей, вступающих в брак, существовало множество полезных советов и наставлений, высказанных в доброжелательном тоне.

Небольшие по объему фольклорные произведения содержали материал, помогающий в воспитании детей, способствовали приобщению их к труду, учили отличать, где правда и где ложь, предупреждали о том, что может случиться с человеком, если он не будет почитать своих родителей; какие следует сохранять и соблюдать порядки в доме; как праздновать, отмечать радостные события, как горевать горе; какую одежду и когда носить; какую пищу употреблять... и еще многое другое.

Устное народное творчество мудро и целенаправленно способствовало созданию дружного, крепкого семейного коллектива.

Семейный человек в глазах окружающих приобретал значительность, ведь он не один – у него «семь – я», тогда как бессемейный человек, не вступивший своевременно в брак без уважительной на то причины, был подвержен различным изобличительным насмешкам, уничижительным розыгрышам, известным и по сей день.

Русские писатели в своих произведениях тоже часто обращались к семейной теме, так как семья определяла степень важности человека в обществе.

А.С. Пушкин, будучи холостым, стремился жить в Петербурге, а женившись, мечтает о счастливом существовании в кругу своей семьи на природе, в деревне, соблюдая старинные семейные традиции. Поэт сумел отвести от себя то, что было неважно, незначительно для семейной жизни, а дом и семья для него стали воплощением высокой очищающей силы, ради сохранения которой он был готов умереть... Пушкин исполнил свою роль до конца, став, действительно, защитником семейной чести.

В отличие от Пушкина, Герцен не сумел оградить свой дом от внешнего воздействия. Стремясь устроить лучшую жизнь для всех людей, писатель, отходит от традиций: двери в его доме были открыты для всех... В этих условиях открытости в семье Герцена нашел себе приют человек, ставший разорителем домашнего гнезда Герценов изнутри.

Александр Иванович тяжело переносит несчастье, случившееся в семье. В своей литературной исповеди, вошедшей в роман «Былое и думы», он глубоко и искренне сожалеет о своих заблуждениях, которые привели его семью к трагическим результатам. Основная мысль, звучавшая в исповеди, сводилась к одному – оказывается, что «перун домашний и семейный не тонет». Это заключение, высказанное писателем в середине позапрошлого века, остается неизменным и актуальными и сегодня.

В условиях новых веяний в России 60-х годов XIX века, при которых особенно злободневно обсуждалась идея раскрепощения женщины, создалось множество искусственных проблем для семьи. Женщины в поисках счастья оставляли своих детей, семью и стремились стать «новыми людьми», чтобы «приблизить светлое будущее». Влияние романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» на молодежь было настолько велико, а образ самого автора, находящегося в сибирской ссылке, имел такое воздействие на читающую молодую Россию, что в 60-е годы многие молодые люди были охвачены деятельностью «работать для светлого будущего». «Перекосов» от воплощения идеи эмансипации оказалось

чрезвычайно много. Страдали семьи. Часть женщин из интеллигентной, дворянской среды и из среды демократических разночинцев, разрушив свои семьи, стремились обрести счастье в «коммунальной жизни», но, как правило, не получив того, о чем мечтали, оставались бессемейными. В российских семьях возникали «случайные семейства», появлялись «случайные дети». Семейная неустроенность приобретала государственные масштабы. Не сумели создать семейную жизнь известные писатели И.С. Тургенев и И.А. Гончаров. Из-за этой семейной неустроенности они постоянно чувствовали свою ущербность, считая себя, при всей своей знаменитости, людьми несчастными. В их творчестве тема личных взаимоотношений мужчины и женщины часто приобретала какой-то темный оттенок, демонический подтекст, отрицающий семью и брак.

Закономерным следствием социокультурного процесса эпохи явилось обращение к «мысли семейной» писателей Л.Н. Толстого и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Их романы «Анна Каренина» и «Господа Головлевы» представили тот ожидаемый и необходимый материал, который был нужен обществу пореформенной России.

Толстой установил «общее и различное между мужчиной и женщиной» и определил их обязанности, предъявив к ним требования «нравственной ответственности перед людьми»¹. Он утверждал, что назначение женщины – это труд рождения, кормления, взращивания детей, воспитания их в религиозно-нравственном духе, который она должна черпать из Евангелия; труд мужчины – это физический и умственный труд, направленный на совершенствование благополучия общественной среды, где живет его семья². Толстой не приемлет отношений между мужчиной и женщиной, в которых отсутствуют нравственные начала. Уже в ранней повести «Семейное счастье» он выступает как враг чувственности и плоти, между которыми он также настойчиво проводит разграничение.

---

¹ Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев и русская литература. М.: Просвещение, 1980. С.94.

² Там же. С.95.

Писатель настойчиво утверждает: создание семьи – это великий труд, в котором требуется постоянная жертвенность супругов. Причину возникновения аномальных явлений в обществе, где женщина попирает свое изначальное, природой заложенное предназначение, Толстой усматривал в проявлении демонической силы, особенно активизировавшейся в период переустройства общественных отношений.

Сам писатель прожил долгую счастливую семейную жизнь – 13 детей было у них с Софьей Андреевной! Лев Николаевич был чутким и любящим отцом большого семейства. Опыт, приобретенный в семье, как эстафета переносится из поколения в поколение: от отца к сыну, от сына к внуку, а от него – другим поколениям.

Дети его, в своих воспоминаниях говорят о том ощущении, которое они испытывали всегда в присутствии отца. Это было стесняющее чувство изучения их. Подробно записывал Толстой психологические характеристики своих детей, и определения-прогнозы, которые он им дал, во многом оправдывались в будущем.

Писатель утверждал, что с ранних лет детьми должна быть усвоена привычка к труду. Физический труд есть не только лучшее средство для здорового развития ребенка, но столь же необходим он для умственного и нравственного развития. Дух и тело, связанные самым неразрывным образом, в процессе занятий трудом обретают волю и уверенность в своих силах. Привычка же к праздности может способствовать появлению отрицательных качеств.

Толстой написал целую программу воспитания личности ребенка, ставшую программой самовоспитания и укрепления духовно-нравственных качеств и у родителей: «...Воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем. Воздействовать же на сердце можно только гипнотизацией <...> заразительности примера.

Ребенок увидит, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю делать других то, что сам могу сделать, что я потворст-

вую своей жадности, похотям, что я избегаю труда для других и ищу только удовольствия, что я горжусь, тщеславлюсь своим положением, говорю про других злое, говорю за глаза не то, что говорю в глаза, притворяюсь, что верю тому, во что не верю, и тысячи и тысячи таких поступков, или поступков обратных – кротости, смирения, трудолюбия, самопожертвования, воздержания, правдивости, и заражается тем или другим в сто раз сильнее, чем самыми красноречивыми и разумными поучениями. И поэтому все, или 0,999 ... воспитания сводится к примеру, к исправлению и совершенствованию своей жизни. Так что то, с чего вы начали внутри себя, <...> к тому самому вы приведены теперь при воспитании детей извне»¹.

Таким образом, писатель считал, что добрый пример родителей всегда воздействует на ребенка лучше любой назидательной беседы. А чтобы воспитать достойного гражданина, родителям требуется большой внутренний труд по преодолению своих слабостей и привычек.

Из всего этого следует, что семейная атмосфера, наполненная Любовью и Светом, является основным залогом воспитания полноправного гражданина и человека. Только понятные для родителей цели в воспитании дают возможность развивать в ребенке лучшие качества характера, готовить его к предстоящей самостоятельной жизни в своей семье.

В.В. Вересаев, врач и писатель рекомендовал девушкам, будущим матерям через толстовские произведения приобщиться к высокой культуре чувств и отношений. Он настаивал на обязательном прочтении хотя бы тех страниц, где описывается состояние будущих матерей. Минуты великого ожидания, пережитые героями «Анны Карениной», делают их **людьми**.

И, действительно, столь целомудренны, психологически достоверны эти описания, что они могли бы сделаться предметом изучения даже в специальных учебных заведениях, где готовятся будущие педагоги, медики, психологи. И уж, конечно, творения

---

¹ Толстой Л.Н. Письмо к неизвестной / Умом и сердцем: Мысли о воспитании. М.: Политиздат, 1986. С.239-240.

Толстого могли бы стать разделом в «спецкурсе по подготовке молодых супругов», потому что не только художественная, но и специальная литература вряд ли сообщает что-нибудь подобное.

Салтыков-Щедрин, так же как и Толстой, ратовал за сохранение нравственных отношений в семье, хотя сам не был счастливым человеком. В родной семье для него брак стал «язвой», жутким мучением, с которым он не в силах был расстаться. Супружеское одиночество при, казалось бы, благополучных условиях писатель испытал до конца своих дней. Доля сатирика – это всегда горькая доля: сатирик не тот человек, который развлекает читателя, он тревожит, будоражит человеческие сердца и будит совесть.

В «Господах Головлевых» писателем показана вся подноготная существования самой интимной ячейки общества, в которой он стремился вскрыть ее выморочный мир изнутри.

Называя свое родовое имение погостом, погребом, Щедрин считает его трагическую судьбу символом той участи, которая неизбежно ждёт человечество, если оно не одумается и предаст забвению заветы совести. Причины распада провинциальной дворянской семьи сатирик усматривает в опошлении святости семейных уз, в искаженных представлениях о смысле жизни. Душу матери изуродовали жажда денег и стремление к приобретательству: ее счастье и гордость стали составлять не успехи и радости детей, а удесятёрённое состояние, собранное ею в течение сорока лет. Уход из жизни детей мать переносит легче, чем имущественные потери... Все эти уродства во взаимоотношениях самых близких людей в конце концов привело к исчезновению всего рода Головлевых. Предупреждение Салтыков-Щедрин сделал для всех последующих поколений, это предупреждение и для нас.

Высшая моральная ценность общества – семья должна представлять в своей основе союз супружеской, родительской и детской любви. Любовь является величайшей, животворной энергией на Земле. Семейное человеческое объединение есть субстанция, угодная Богу, и поэтому сохранение и укрепление семейных основ является священным долгом каждого человека.

СТАТЬИ

1. Дом и Семья как духовная крепость Пушкина в исторической цепи времени...

Сегодня, когда проблема Дома и Семьи вышли на государственный уровень, мы вновь и вновь обращаемся к великим людям, чтобы постичь их опыт и соизмерить его современной жизнью. Частная жизнь гениев всегда привлекает к себе внимание людей последующих поколений.

Семейная жизнь великого русского поэта, основоположника русской литературы А.С. Пушкина, не перестает интересовать все последующие поколения людей. Притягательная личность А.С. Пушкина, совмещающая в себе божественный дар поэта и земного человека – семьянина, отца четырех детей, продолжателя своего рода – будет интересна людям до тех пор, пока в читателе живет нравственное начало, подпитывающееся редкостной духовной энергетикой поэта и помогающее нам, живущим в суровом рационалистическом мире.

Рано покинувший родной дом, Пушкин обретает творческое становление в Царскосельском лицее. Система воспитания в Царскосельском лицее была своеобразной: рядом уживались наказания с карцером и розгами и превосходные занятия, проводимые интереснейшими людьми, воспитывающими у юношей высокие патриотические чувства,

Многие мальчики-лицейсты стали достойными гражданами и прославили Отечество, что говорит о высоком уровне педагогической работы в учреждении, в котором растили «птенцов гнезда царева».

Несмотря на то, что Пушкин на много лет был удален от семьи, он постоянно помнил о своем Доме. Для него Дом становится средоточьем национальной, исторической и личной жизни. И, как утверждает Ю.М. Лотман, исследователь биографии Пушкина, это был не абстрактный «Дом вообще», а свой собственный Дом –

единственный и реальный»¹, который постоянно притягивал к себе поэта, давал ему силы и творческое вдохновение.

Пушкин рано почувствовал личную нерасторжимую связь со своими родовыми корнями. Молодым двадцатилетним человеком он посетил родовое имение Михайловское и там остро ощутил свою незримую принадлежность к старому дому, где когда-то протекала жизнь нескольких поколений его родственников. Пушкин, осматривая окрестности усадьбы и дом, который к тому времени утратил праздничный вид, испытал необыкновенное смешение чувств тайной грусти и невысказанной теплоты. Там, на месте родового имения, двадцатилетнего поэта глубоко взволновали мысли о быстротечности и драматичности человеческой жизни и осознание своей кровной принадлежности к этому старому дому.

Итогом растревоженных чувств поэта явилось стихотворение «Домовому». С мольбой обращается он к оставшемуся хозяину брошенного дома, невидимому хранителю семейных тайн и историй, заклиная его:

Останься тайны страж в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора,
И от недружеского взора счастливый домик охраняй!
Ходи вокруг него заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!

Пушкин, переживая сакраментальную связь с невидимым хозяином, заклиная его сохранить дорогое сердцу место – Дом его предков.

Ю.М. Лотман писал: «...предки представлялись поэтом не отвлеченно, это были деды и прадеды, чьи портреты висели в зале запущенного дома, а могилы наполняли родовое кладбище; потомки – это сыновья и внуки, которые скоро заполнят комнаты этого дома, будут шуметь и целоваться под теми же деревьями,

---

¹ Лотман Ю.М. Биография писателя. Александр Сергеевич Пушкин Л.,1983. С.198.

где когда-то влюблялись предшественники, и, в свою очередь, дадут жизнь новому поколению»¹.

Ощущение времени и своей принадлежности к семье накладывало на поэта обязательства, которые он должен был выполнять для сохранения своего рода. Пушкин понимал, чтобы войти в эту цепь, начать вести подлинно историческое существование – необходимо жениться.

В конце 20-х годов он принял для себя решение стать семейным человеком. Понимая ответственность своего намерения, Пушкин ставит в известность об этом царя Николая I. Такой шаг поэт предпринимает с целью предотвращения возможных происков недоброжелателей, считая небезопасным «пускать на самотек» важное жизненное решение.

Пушкин знал, что его женитьба будет обсуждаться в общественных кругах, в которых он прослыл человеком неблагонадежным в плане «почтительности к трону», и это могло помешать ему и разрушить его планы и надежды.

Вместе с тем, решению жениться предшествовала большая внутренняя работа Пушкина: поэт понимал, что только человек, имеющий свой дом и семью, «крепок родной земле истории и народу», к тому же он хорошо разбирался, что история делается осязаемой реальностью не в кабинетах правителей, а в частной жизни людей. Именно такой осознанный подход к вопросу о создании семьи заставил его просить у царя разрешение на свой брак.

Получив одобрение со стороны Николая I, Пушкин становится официальным женихом Н.Н. Гончаровой: 6 мая 1830 года состоялась их помолвка.

Ю.М. Лотман отмечал, что после помолвки Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой в обществе близких поэту людей возникло недоверие и некоторое недоумение по поводу его женитьбы: Пушкин – творческая натура, а в браке заключалось нечто прозаическое. Посещавшие его друзья и близкие люди

---

¹ Лотман Ю.М. Биография писателя. Александр Сергеевич Пушкин. Л.,1983. С.199.

приходили к мнению, что жизнь поэта несовместима с семейными радостями¹.

Сам Пушкин также не был лишен этих сомнений, поэтому прежде чем прийти к решению стать женатым человеком, был в долгом сомнении, что отразилась в его творчестве. Герой романа «Арап Петра Великого» – предок Пушкина Ибрагим² – изображен человеком благородным, наделенным живым умом и здравым смыслом.

Он оказывается в России в один из важнейших моментов ее развития: во время Петровских реформ. Ибрагиму представился случай породниться со старинным боярским родом: «Жениться, – думал африканец, – зачем же нет? Ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека...»³. Полагая, что брак поможет ему укорениться в новом отечестве, Ибрагим рисует себе гармонию семейной жизни. Он, не собираясь требовать от жены любви, желает только довольствоваться ее **в е р н о с т ь ю**, а дружбу приобрести «постоянной нежностью, доверенностью, снисхождением».

Надеждам Ибрагима не суждено осуществиться, но то, что для него на первом месте семейных отношений должна быть **верность**, раскрывает взгляд самого Пушкина на проблему семейных отношений.

Как известно, тридцатидвухлетний Пушкин обвенчался с восемнадцатилетней Натальей Николаевной Гончаровой зимой 1831 года. О своем внутреннем состоянии он, спустя некоторое время, сообщает Плетневу: «Я женат – и счастлив; одно желание мое, чтобы ничего в моей жизни не изменилось – лучшего не дождусь. <...> Кажется, я переродился»⁴. Из этого письма мы узнаем о начале нового этапа в жизни и творчестве поэта, который он сам ощущает в себе, называя его перерождением.

---

¹ Лотман Ю.М. Биография писателя. Александр Сергеевич Пушкин. Л.,1983. С.200.

² Роман А.С.Пушкина «Арап Петра Великого» был написан в 1827 г.

³ Там же С.27.

⁴ Пушкин А.С. П.С.С в 16 т. - М.,1949. Т. XIV. С.154-155.

Однако следует заметить, что Наталья Николаевна Гончарова отдала свою руку Пушкину без страстного увлечения. Как известно, Пушкин не отличался внешней красотой, не было у него хорошего состояния и, по светским меркам, он не мог считаться блестящей партией. Решающую роль для Натальи Николаевны, видимо, сыграло желание избавиться от тяжелого деспотизма матери, царившего в их родном доме. Но, став женой Пушкина, Наталья Николаевна стремилась достойно исполнять эту нелегкую роль.

В золотой век русской поэзии все знали, как должен вести себя поэт-романтик, но каковы нормы поведения «поэта жизни действительной», в обществе знать не могли. Поэтому идеал семейной жизни Пушкину приходилось создавать самому. «Он был гениален, – пишет Лотман, – не только как поэт, но и как человек – полнота жизни буквально взрывала его изнутри: ему нравилось быть и поэтом, и светским человеком, и ученым, и семьянином»¹. В доме Пушкина всегда было много молодежи: молодая жена, ее незамужние сестры; в доме появляются дети: в 1832 году – дочь Маша, в 1833 – сын Саша, в 1835 – сын Гриша, в 1836 – дочь Наташа. Женатый Пушкин с удовольствием исполняет роль отца и наставника в жизни и литературе.

Дом приобретает для Пушкина новый смысл: он становится местом возвращения человеческих добродетелей. Пушкин воспевал пенаты – домашних божеств, которые, как ему казалось, охраняли единство и целостность семьи, являясь связующим звеном между предками и потомками одного рода. Божественные могущественные силы, живущие в доме, ниспосылали мир в сердце каждого человека:

И нас они науке первой учат –
Чтить самого себя².

Свою жену он хотел бы видеть тихой хозяйкой в деревенском доме далеко от шумного города:

---

¹ Лотман Ю.М. Биография писателя. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1983. С.202.

² Перевод «Гимна к пенатам» Р.Саути.

Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
Да щей горшок,
Да сам большой.

Называя себя «большим», он видел себя в окружении хозяйки жены и детей, живущим размеренно, соблюдая законы семейных отношений. Идеал Дома и Семьи мыслился поэту как национальный, и даже простонародный. Такое представление приводит его к выводу о необходимости самоличного воспитания Хозяйки. Пушкин мечтает изолировать Наталью Николаевну от городской неестественности. Вся система отношений Пушкина и Натальи Николаевны – это система воспитания. Действительно, он представляет жену не только работницей, помощницей и хозяйкой, но и светской дамой, посетительницей балов. Не случайно в то самое время, когда он провозглашал, что его идеал жены – хозяйка, свою любимую Татьяну Ларину он сделал «законодательницей зал»¹.

В петербургских высших кругах языком межличностного общения был французский, и письменные обращения ко всем чиновникам и вельможам, кроме царя, было принято писать на французском языке. Пушкин писал письма Наталье Николаевне, как царю, на русском языке. Русский язык пушкинских писем к жене был явлением новым: он подразумевал правдивость в строительстве собственной жизни, стремление к простоте и правде как законам ежедневного жизнеустройства.

Сам поэт поднимал свою жену на недостижимую высоту. Так, еще в письме к матери Н.Н. Гончаровой от 5 апреля 1830 года Пушкин писал: «Бог мне свидетель, я готов умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа ...»². Такое письмо Пушкин написал сразу после получения согласия родителей невесты на его брак, этими словами Пушкин совершенно точно предсказал свою судьбу.

---

¹ Лотман Ю.М. Биография писателя. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1983. С.200.

² Цитируется по кн. Анны Ахматовой Сочинения. М., 1990, С.93.

Живя в столице, Пушкин не переставал любить полноту петербургской жизни: общение с близкими по духу людьми, участие в дипломатических спорах, беседы с обладающими поэтическим чутьем собеседницами. Но представление поэта о семье противостояло общественным мнениям о «петербургском открытом доме» и с трудом совмещалось со светской жизнью.

Оттого в его малом домашнем кругу все было далеко не так, как хотелось бы поэту. Пристальное внимание светского общества к его семье вызывало раздражение у страстного и темпераментного Пушкина. Его попытки поселиться и жить в деревне не получили разрешения сверху, а работа в государственных архивах, так необходимая для его творчества, также регламентировалась верхними властными кругами.

Пушкин знал, что еще во время южной ссылки его письма подвергались перлюстрации, тогда он только отшучивался по этому поводу, но женившись, поэт не может позволить подобных оскорблений в адрес своей семьи.

Находясь в творческих поездках, он неоднократно писал Наталье Николаевне: «Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню», «без тайны нет семейственной жизни»¹. Он не допускал вторжения посторонних лиц в сферы своей духовной крепости, коими считал Дом и Семью. Утверждая, что без политической свободы жить можно, но без семейной неприкосновенности — нет, Пушкин дает правовую оценку фактам внедрения чиновничьей власти в него семью.

В свою защиту на злобные выпады, Пушкин пишет стихотворение «Моя родословная»(1830), в котором решительно напоминает о ничем не запятнавшем себя старинном роде Пушкиных; о Ганнибале, который «был царю наперсник, а не раб»; вводит в драму «Борис Годунов» Афанасия Пушкина и упоминает его племянника Гаврилу, о них Борис еще тогда говорит с неприязнью: «Противен мне род Пушкиных мятежный»². И хотя дух

---

¹ Пушкин А.С. П.С.С в 16 т. - М.,1949. Т. XV. С.150

² Там же Т.VII С.45.

неукротимости, упрямства, верность присяге вредили предкам поэта, Пушкин всегда гордился этими качествами своего «сурового рода». Он был так же независим, гоним, чужд сословной спеси, исполнен чувства самоуважения, как и его предки.

Противопоставляя себя так называемой «новой аристократии», появившейся после Екатерины II, поэт указывает «новой знати» на их истинное происхождение, а о себе пишет так:

Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Поэт напоминает всем о своем происхождении и знаменитости, обретенной грамотейством и стихотворным трудом.

Ясно, что алчная толпа новой знати не могла простить поэту его напоминания об их недостойном проникновении в высшие светские круги, их немалом состоянии, в свое время отобранном Екатериной у законных владельцев и отданным в дар их предкам за фаворитство. А.А. Ахматова была твердо убеждена, что стихотворение «Моя родословная» сыграла роковую роль в отношении к Пушкину тех людей, с которыми он собирался жить¹.

Как известно, Пушкин никогда не был баловнем судьбы: он стремился волевым усилием преображать мир, в который его погружала судьба, вносить в него свое душевное богатство, не давая возможности «среде» торжествовать над собой. Но противостоять целой системе самодержавия Пушкин не имел достаточных сил и поддержки даже со стороны жены, и это, несомненно, действовало на него угнетающе...

В стихах Пушкина все чаще и чаще проявляется грусть, предчувствие трагической обреченности. Поэт начинает понимать, что осуществление «самостоянья» происходит, главным образом, не в духовном мире человека, а во внешних формах быта.

В отличие от Англии, где непререкаемым законом было – «мой дом – моя крепость», в российской действительности такого закона не существовало. Проверка писем поэта, циничное отно-

---

¹ Ахматова А. Сочинения. М..1990 С.113.

шение к нему «придворной черни», стремление скомпрометировать его жену – все это приобретало в глазах Пушкина символическое значение, становясь знаком бесправия личности в самодержавно управляемой стране.

Грубую силу, проявлявшуюся в действиях правительства и самого царя Николая I, Пушкин остро ощущал на себе. С позволения царя происходило вмешательство в семейную жизнь супругов Пушкиных, по его распоряжению распечатывались и читались письма поэта, организовывались интриги и другие неблагоприятные действия, которые постоянно держали в напряжении семью поэта и, в конце концов, привели ее к гибели.

«Пора, мой друг, пора. Покоя сердце просит...» напишет незадолго до своей смерти Пушкин жене. А чуть позже изречет еще более печальные мысли: «<...> Блажен, кто находит подругу – тогда удались он домой». Невольно у читателя возникает вопрос, в какой дом собирается удалиться поэт? Можно полагать, он имел в виду «вечный дом», или иначе – жизнь на том свете... А кто выступает в качестве подруги – жена, муза?

По всей видимости, он говорил о жене, которая создавала бы ему благодатное состояние и покой.

Но, как известно, Пушкин к концу жизни не обрел ни покоя, ни блаженства. О том, что тридцатисемилетний поэт стремится к завершению своего жизненного круга, мы узнаем из следующих строк, которые звучат трагично и обреченно: «О, скоро ли я перенесу мои Пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь <...> религия, смерть»¹.

Пушкин мечтал о спокойной семейной жизни на лоне природы, почти такой, как представлял ее Г.Р. Державин в «Жизни Званской». Вместо этого Дом Пушкина превратился в арену битвы, выдержать такое давление сверху без внутренней поддержки было для поэта невыносимо. Он принимает дуэль как избавление от оскорблений и страданий.

---

¹ Пушкин А.С. П.С.С в 16 т. - М.,1949. Т. III-2, С. 293.

Умирающий после дуэли Пушкин произнес: «Il faut que j'arrange ma maison < Мне надо привести в порядок мой дом>»¹.

Порядок в доме Пушкина был установлен...

«Через два дня Дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел. Вся эпоха <...>стала называться пушкинской»².

В Пушкинском музее в Москве висит портрет царя Николая I как напоминание о том, пушкинская эпоха связана с периодом правления этого человека.

Бессмертие, писал Пушкин, обретается в связи с потомками, старого – с юным и через родственные узы. В стихотворении «Вновь я посетил», написанном за два года до смерти, поэт пишет...

(Где некогда все было пусто, голо)

Теперь младая роща разрослась,

Зеленая семья; кусты теснятся

Под сенью их, как дети.

Поэт, рассказывая о новом посещении своего старого Дома, говорит об увиденной им «младой роще», разросшейся у корней старых деревьев как продолжение жизни в вечности, соотносящейся с доброй памятью о внуках.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я

Увижу твой могучий поздний возраст,

Когда перерастешь моих знакомцев

И старую главу их заслонишь

От глаз прохожего. Но пусть мой внук

С приятельской беседы возвращаясь.

Веселых и приятных мыслей полон,

Пройдет он мимо вас во мраке ночи

И обо мне вспомнит.

Поэт обращается к своим старым знакомым, трем соснам, которые должны будут услышать воспоминания внука, проходящего мимо, о нем. Пушкин был убежден, что сумел войти в ту цепь, которая соединяет подлинно историческое существование

---

¹ Цитируется по кн. Ахматовой А.А. Сочинения. Т.2. О Пушкине. М., 1990. С.16.

² Ахматова А.А. Сочинения. Т.2. О Пушкине. М., 1990. С.16-17.

его знаменитого рода, что его дети и его внуки, дети его внуков и внуки его правнуков продолжают в веках эту историческую связь...

Пушкин называет «благородной» цель потомков о наследовании доброго имени предков: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной – есть постыдное малодушие. <...> Может ли быть пороком то, что почитается добродетелью в целом народе? <... > Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»¹.

С точки зрения Пушкина, дворянство, к которому принадлежал он, должно было оставить свой добрый, значительный след в истории России, выполнить предназначенную ему свыше миссию формирования общественной культуры и духовности. И это подтвердилось временем...

2. Толстовские «Азбуки» в семейном чтении – окно в духовный и нравственный мир детства

Среди великих людей никто не уделял столько внимания детям, как Лев Николаевич Толстой. Толстой с юных лет стремился постичь смысл жизни, а в пору своей зрелости, в 70-е годы XIX века, которые совпали с общественным кризисом, приходит к выводу: для справедливого устройства общества нужны школы: «Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе» [1. С. 87].

Писатель неоднократно обращался к просветительской деятельности, начиная с 50-х годов, полагая, что только в образованном мире можно цивилизованно устроить общественные отношения.

С этой целью Толстой детально изучил школьное дело в России, а в 1860-1861 гг. ознакомился с постановкой дела в учеб-

---

¹ Пушкин А.С. П.С.С в 16 т. М.,1949. Т.IX С.55.

ных заведениях Европы. Он жил в Германии, Франции, Англии, Бельгии, но удовлетворения от своих наблюдений не получил.

Заграничные школы произвели на него безотрадное впечатление. В дневнике Толстой писал: «Был в школе. Ужасно. Молитвы за короля, побои, все наизусть, испуганные изуродованные дети»[1. С. 85]. В европейской школе он увидел сухой педантизм, насилие над личностью, мертвящую методичность.

Свою школу Толстой хотел видеть другой.

По возвращении в Россию он сразу же обратился к министру народного просвещения с просьбой разрешить ему издавать педагогический журнал «Ясная Поляна».

К.Д. Ушинский, преподававший в то время в Смольном институте, приветствовал начало работы журнала «Ясная Поляна», потому что он, как и Толстой, выступал за народные школы, за другую систему образования, и журнал «Ясная Поляна» мог стать огромным подспорьем в просветительском деле России.

Толстой начинает создавать книги для школьников, которые должны были стать необходимыми учебниками жизни для детей разных сословий.

Непосредственная работа над «Азбукой» началась в сентябре 1871 г., сюда входили букварь, математика, тексты для чтения, физика, географические сведения и еще многое другое... Толстой относился с величайшей серьезностью к отбору материала для книги, ему хотелось, чтобы в «Азбуку» в доступной детям форме вошел духовный и нравственный опыт всего человечества.

Вся семья Льва Николаевича была включена в работу по созданию «Азбуки», которая выполнялась и взрослыми, и детьми с большой охотой.

В письме к двоюродной кузине А.А. Толстой – фрейлине царского двора – он с гордостью писал: «Азбука моя печатается с одного конца, а с другого все пишется и прибавляется. Эта азбука одна может дать работы на сто лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литератур, нужны все естественные науки, астрономия, физика, и работа над языком ужасная –

надо, чтобы все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно» [1. С. 85].

И, действительно, писатель много раз переписывал тексты, добиваясь простоты и ясности языка, читал их крестьянским ребятам, чтобы исправить те места, которые были им непонятны.

В письме ко Е.В. Львову он сообщал: «...Рассказы и басни, написанные в книжках, есть просеянное из в 20 раз большего количества приготовленных рассказов, и каждый из них был переделыван по 10 раз и стоил мне большего труда, чем какое-то ни было место из всех моих писаний» [1. С. 89].

Однако «Азбука» рождалась в полемике не только с принятыми в тогдашней русской школе учебниками, о которых он говорил, что в них нет «ни одного живого прочувствованного оборота, эпитета, ни одного лица, ни одной картины», но и со всей европейской системой начального образования.

Стремление Толстого к чистоте, правде, открытости в Азбуке нравилось не всем чиновникам и консервативно настроенным работникам просвещения. Толстой резко выступал против «языка, расслабляющего, приучающего говорить слова без образов и мыслей». В своей работе он пользовался опытом, накопленным русской педагогикой, материалами различных учебных книг, начиная от басен Эзопа и русских былин и кончая сочинениями крестьянских детей, учеников Яснополянской школы.

Многие современники Толстого его обращение к педагогике, детской книге считали неким баловством, причудой гения или забавной передышкой среди основных трудов. Между тем, это было дело, в которое, как он говорил, «...положил всю душу». Понимая всю серьезность своей деятельности, в разгар подготовки книги он заявлял: «Гордые мечты мои об этой азбуке вот такие: по этой азбуке только будут учиться два поколения детей от царских до мужицких и первые поэтические впечатления получают из нее, и что, написав «Азбуку», мне можно будет спокойно умереть» [1. С. 93].

Как известно, Толстой ошибался, не два поколения учились по его «Азбуке», а гораздо больше... Никому до Толстого не

удавалось добиться столь глубокого и органичного единства в обучении грамоте: технике чтения, искусству чтения, умению чувствовать красоту и богатство родной речи, ощущать ее смысловую нагруженность в сложном контексте литературного произведения.

В поисках живого, образного, точного и понятного слова писатель обращался к народу языкотворцу, вершинам творения народного духа – сказкам, загадкам, пословицам, былинному эпосу. По богатству использованных в ней пословиц «Азбука» не знает себе равных. Многие пословицы, имевшиеся в собрании В. Даля, Кирши Данилова и других сборниках, Толстой обработал, придав им иное звучание, большую законченность и совершенство. Иные пословицы сочинил сам – по образцу народных. Глубина обобщений в большинстве из них такова, что и сегодня они просятся в буквари и хрестоматии: «Бедность учит, а счастье портит»; «Ворон за море летал, а умнее не стал»; «Глупой птице свой дом не мил»; «Не море топит – лужа»; «Чужая беда не дает ума»; «С чем в колыбельку, с тем и в могилку»...

Первое издание «Азбуки» Толстого вышло в ноябре 1872 года тиражом в 3600 экземпляров и сразу же стало объектом острой критики. Ее критиковали и в педагогической, и в общественной печати.

«...Всякий с чутьем и вкусом, прочитавший эти книжечки, скажет: «Да, ничего, просто, ясно, но кое-где все-таки нехорошо и фальшиво»... Но пусть попробует написать кто-нибудь такие рассказы, тот увидит, как трудно даются эти отрицательные достоинства, состоящие только лишь в том, чтобы все было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого», – отвечал он на критику [1. С. 76].

Замечания «государственных мужей» не поколебали высокого мнения Толстого о своем труде, он продолжил работу по распространению педагогических взглядов. Писатель переработал «Азбуку» с учетом особо авторитетных, приемлемых, с его точки зрения, замечаний и в 1875 году выпустил «Новую азбуку» и отдельно четыре «Русские книги для чтения».

Гениальная интуиция художника неизменно опиралась на крепкий фундамент всестороннего практического и теоретического знания как субъекта воспитания – ребенка, так и орудия воспитания – слова.

Звуковое и семантическое богатство фраз, составленных из 4-5 знакомых ученику букв, поразительно: «сзади сады», «стань на стан» – эти и подобные им фразы музыкальны и многозначны, афористично лапидарны и исполнены впечатляющей пластики. А их императивная форма энергично подчеркивает воспитательную направленность выражаемой ими трудовой народной морали.

Десятки рассказов и сказок, вроде сказки «Три медведя» и рассказа «Филиппок», давно стали классикой мировой детской литературы. Однако не меньшее богатство представляют и те сотни совсем коротких, состоящих не более чем из десяти предложений, рассказиков, предназначенных автором для первоначального чтения.

«Мать и дочь легли спать. Мать не спала весь день. А дочь стала петь песни. Дочка! Я хочу спать, брось петь. А дочка еще громче стала петь. Тогда мать свела дочь в клеть. Тебе здесь лучше петь, а мне без тебя лучше спать». В этом рассказе каждое слово имеет не более двух слогов. В нем нет ни единого сложно-подчиненного предложения, причастного или деепричастного оборота. Прямая речь не нуждается в кавычках: столь явственно отличается она интонацией от речи авторской. Во всем – предел простоты и краткости. А вместе с тем, перед нами сложная психологическая драма с экспозицией, завязкой, острой коллизией и развязкой, побуждающей волноваться, сопереживать, думать.

Басни для «Азбуки» Толстой создавал, обратившись к первоисточникам: басням Биттая, Эзопа, зарубежному фольклору. Он перевоссоздавал тексты, и получалось совершенно иное звучание произведения. Таковы были «Лев и мышь», «Обезьяна и горох», «Лгун», «Два товарища», «Муравей и голубка» и др. Для его басен характерен динамический сюжет, диалоговое построение – «Белка и волк», «Волк и собака», «Ученый сын». Басенные уроки обращены к разуму юного читателя, призывают к доброте,

взаимопомощи терпению. Неразумные поступки осмеиваются, бессердечие, жестокость, глупость заслуженно наказываются («Осел и лошадь», «Голова и хвост змеи» и др.).

Толстой стремится пробудить в маленьком человеке чувства любви, жалости, сострадания, понимания ответственности. Он не сомневался, что малым детям доступна метафора, аллегория, способность самостоятельно устанавливать ассоциативные связи между далекими предметами и явлениями, постигая на этой основе общие закономерности.

Представленные в книгах сказки «Липунюшка», «Как мужик гусей делил», «Лисица и тетерев» не имеют традиционных зачинов, повторов и других сказочных формул, но именно здесь писатель особенно полно передает дух народной сказки.

С историческими событиями или персонажами связаны произведения «Петр Первый и мужик», «Как тетушка рассказывала бабушке, о том, как Емелька Пугачев дал гривенник». Творчество Толстого, обращенное к детям, обширно по объему, полифонично по звучанию, оно выявляет его художественные, философские, педагогические воззрения.

В детских рассказах чувствуется стремление писателя увидеть в глубине философских и нравственных проблем жизни их первоначальную детскую ясность и чистоту. «Старик раз нарубил дров и понес. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит: «Эх, хоть бы смерть пришла!». Смерть пришла и говорит: «Вот и я, чего тебе надо?». Старик испугался и говорит: «Мне вязанку поднять». Конечно, взрослый и ребенок воспримут эту басню по-разному. Ребенок еще не чувствует страха смерти, он, возможно, посмеется над стариком. Взрослый человек задумается над философским значением притчи, почувствует, какую великую ценность представляет для человека жизнь.

Но для того, чтобы написать эту сказку нужно быть и взрослым, и ребенком одновременно. Хотя ребенок в творчестве писателя вовсе не выглядит существом, которое нужно постоянно воспитывать. Ребенка нужно учить, но у него же надо и учиться.

Эта простая «обратная связь» составляет основу детских мотивов в творчестве писателя.

Ребенок Толстого – личность морально ответственная, он живет в мире, полном опасности, и от него требуется мужество в момент принятия важных решений.

Мальчик вышел с котенком в поле, к нему устремились охотничьи собаки, они хотели схватить котенка, но «Вася упал животом на котенка и закрыл его от собак».

Писатель не выражает никаких восторгов по поводу этого поступка. Заканчивается быль просто: «Охотник подскакал, отогнал собак, а Вася принес котенка домой и уже больше не брал его с собой в поле». Ребенок у Толстого храбр, но это особая, инстинктивная смелость, идущая из глубины сильной человеческой природы.

Верой в незаурядные интеллектуальные возможности ребенка проникнута и следующая философская притча: «Два человека на улице нашли вместе книгу и стали спорить: кому она достанется. Третий спросил: «Кто из вас грамотный?». Они сказали: «Никто, оба неграмотные». – «Два плешивых за гребень дерутся» [2. С. 30-31]. Четыре коротких предложения синтезируют в двух, казалось бы, никак не соприкасающихся сюжетах, реальность жизненного случая и обобщения пословицы. Притча в равной мере дает повод задуматься и ребенку, и взрослому.

Примечателен рассказ «Как я перестал бояться слепых нищих». Это детское воспоминание о том, как сочувствие несчастному подавляет в сердце мальчика страх и предубеждение. «Мне стало жалко, и с тех пор я перестал бояться слепых нищих». Стало жалко... «Мужик хотел закинуть котят, а баба сказала: «Жалко. Мать тосковать будет»; «Васе жаль стало мышку»; «Им и страшно и жалко было». Слово «жалко» – одно из наиболее часто встречающихся в азбуках. Настойчивость, с которой Толстой стремится пробудить в маленьком человеке милосердие, – показатель того решающего значения, какое отводит писатель этому качеству в его нравственном развитии.

Очень часто в его детских рассказах возникает образ садовника: это – отец, завещавший детям закопанный в землю клад, которым оказался сад, росший на вскопанной земле; это – старик, сажающий яблоню, на котором вырастут плоды не для него, а для его внуков; это человек, посадивший двести яблонь и вырастивший из них только девять. Почему писатель так часто рассказывает детям о садовнике?

Он знает: дети вырастут и поймут, что им был сам писатель, а яблони, так заботливо им возвращенные, – это детские характеры, которым предстоит населить будущую землю. Толстой пытался передать и взрослым, и детям трудное ремесло создателя, творца и садовода.

Все написанное писателем о детях и для детей знаменовало новую эпоху в развитии отечественной и во многом мировой литературы для детей. Жизнестойкость толстовских «Азбук» можно объяснить их содержательностью: «...Я памятник воздвиг этой Азбукой» и «такой Азбуки не было и нет, не только в России, но и нигде!» – Скажет писатель по окончании работы, хотя это было уже ясно даже современникам Толстого [2. С. 117].

Спустя время, многим стало понятно, что педагогические искания Толстого и его практическая работа в деревенской школе – это попытка писателя не только дать ответ на горячо обсуждавшийся в обществе вопрос о народном образовании, но и, в известном смысле, его социальная утопия: «слить все классы в знания науки» [2. С. 116].

Однако стоит отметить – «Азбука» сегодня есть наименее известное и наименее оцененное и изученное из всех монументальных изданий Толстого. Оценены только рассказы для детского чтения, которые активно используются педагогами. Большая часть Славянских книг незнакома даже самым искушенным читателям. Если в дореволюционной школе предполагалось обязательное обучение детей чтению «по-славянски», что и вызвало появление этих книг в составе учебного комплекса, то теперь основное содержание «Азбуки» – библиографическая редкость, и к сожалению, оно большинству читателей незнакомо. Существует

надежда, что когда-нибудь ученые мужи наши повернутся лицом к гениальному творению Толстого и предоставят нам возможность узнать его глубину и объемность более подробно.

Литература

1. Толстой Л.Н. «Азбука» и «Новая Азбука» / сост. В.Г. Городецкий, Г.В. Карпюка. – М.: Просвещение, 1978.
2. Толстой Л.Н. «Книга для детей» (любое издание).
3. Бегак Б. Доброе слово для всей земли / Б. Бегак // Классики в стране детства. – М.: Дет. лит., 1983. – С.3-19.
4. Мотяшов И. Самое дорогое, духовное / И. Мотяшов. – М.: Дет. литература, 1982. – № 2. – С.30-34.

3. Духовный кризис как переходная фаза к высшей ступени мировоззрения и творчества Л.Н. Толстого

Прошло сто лет, как ушел из жизни гениальный писатель, мыслитель и педагог Л.Н.Толстой. Но чем дальше от нас эпоха, в которой он жил, тем острее возникает желание постичь причину ухода его из Ясной Поляны в весьма солидном возрасте. Многие исследователи считали, что уход писателя из Ясной Поляны определил духовный кризис 70-х годов.

Если взглядеться в мир Толстого, то нетрудно заметить, что духовный кризис писателя совпал с общественным кризисом пореформенного периода XIX века. При исследовании жизненного этапа 70-х годов можно заметить, что в поведении и поступках писателя в это время наблюдается некая хаотичность, внутреннее духовное смятение.

Следствие и отражение нестабильности проявлялось и в творчестве писателя. Известно, что в этот жизненный период Лев Николаевич изучает историю, задумывает создать роман об эпохе Петра-I, который так и не был им написан, работает над «Азбукой» для детей, параллельно занимается педагогической научной деятельностью и начинает писать свой лучший роман из совре-

менной жизни «Анна Каренина», затем разочаровывается в нем и вновь увлекается просветительской деятельностью...

Писатель сам встревожен своим внутренним непокоем, о чем сообщает в письме А.А.Фету от 9 июня 1871 г.: «Не писал вам давно и не был у вас оттого, что был и есть, болен, сам не знаю чем, но похоже что-то дурное, нехорошее, смотря по тому, как называется конец; упадок сил, и ничего не нужно и не хочется, кроме спокойствия, которого нет» [Толстой, 1].

Казалось, вся эта внутренняя неудовлетворенность, Толстого усугублялась и внешними трагическими событиями, происходившими в его доме и семье.

Вот что известно из воспоминаний дочери Т.Л. Сухотиной-Толстой: «... начиная с осени этого года [1870] и в продолжение следующего, смерть начала посещать нас раз за разом...». В этот период скончались тётушки Ергольская и Юшкова, умерли младенцы Петя и Варя, дочь Кузминских Даша. Печальные события окончательно повергли Льва Николаевича в уныние, он начал задумываться о своей смерти и даже указал место, где желал быть похороненным [Сухотина-Толстая, 1981, 2].

События собирались в тугой жизненный узел, начало которого принято считать «арзамасский ужас» – точку отсчета, положившую начало становлению нового мировосприятия Толстого, которое понудило его заглянуть внутрь себя, задуматься о смысле жизни и ужаснуться тому положению дела, в котором он, в сущности, находился будучи крепостником-эксплуататором.

Рассматривая это явление более конкретно, следует упомянуть, что в августе 1869 года в период поездки в Пензенскую губернию Толстой во время ночлега в гостинице г. Арзамаса, испытал необыкновенное внутреннее волнение... В письме к жене он спрашивает: «Что с тобой? С детьми? Не случилось ли чего? Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня <...> я ночевал в гостинице города Арзамаса и со мной было что-то необыкновенное <...>, вдруг на меня напала тоска, страх и ужас такие, каких я никогда не испытывал <...> и никому не дай Бог испытать.

Вчера это чувство возвратилось во время езды, но я был подготовлен и не поддался ему...» [Толстой, 1985, 4].

Мастерство гения даёт нам возможность ярко представить тот тяжёлый, напряжённый момент психического состояния, с которого начался внутренний переворот писателя в гостинице Арзамаса: «Заснуть, я чувствовал, не было никакой возможности. Зачем я сюда приехал? От чего, куда я убегаю? Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то мучителен себе... [Толстой, 1985, 4].

В письмах о своих физических характеристиках Толстой отразил невидимый психический надрыв, возникший в его внутреннем мире.

Однако, то состояние мужа Софья Андреевна поняла по-своему: «Что-то пробежало между нами, – писала она в дневнике, – какая-то тень, которая разъединила нас...».

«Что-то», что «пробежало» Софья Андреевна отождествляет с «болезнью», разрушившей её счастье, а наметившийся разлад в их взаимоотношениях позже приведёт к полнейшему непониманию между супругами и к окончательному их разрыву в октябре 1910 года [Толстая, 1978, 5].

Члены семьи тоже видели и понимали болезненное состояние Толстого, о чем свидетельствуют воспоминания сына Льва Львовича: «Мне было около 6-7 лет во время страшного кризиса отчаяния и ужаса перед лицом жизни, лишённого разумного смысла, который переживал отец. Это было между 1876-1880 годами. <...> На балку между гардеробом и спальней, на которой он хотел повеситься, мы смотрели с ужасом, так как мы всегда были в курсе того, что происходило в семье. В течение этого периода мой отец неожиданно погрузился в верования Православной церкви».

Обращение Толстого к религии было нелёгким и непростым. Еще 27 февраля 1874 года Лев Николаевич делал наброски о своём понимании веры: «Есть язык философии, я им не буду говорить. Я буду говорить языком простым <...>. Я ищу, <...> хочет-

ся проникнуть в тайну того, что значит *та* жизнь, которую я прожил, и ещё большую тайну *того*, что ожидает меня в том месте, к которому я стремлюсь» (курсив мой – Т.П.).

Чуть позже писатель, обеспокоенный своим состоянием, делает выводы: «Человек переживает 3 фазиса, – писал Толстой, – и я переживаю из них 3-й. <...> Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни <...>. Эта основа есть служение Богу, исполнение Его Воли по отношению к той Его сущности, которая есть во мне» [Толстой, 1985, 6].

Как видим, Толстой начинает испытывать Божественное присутствие внутри себя, и это, можно сказать, закономерный процесс, так как еще в «Войне и мире» он отмечал, что идея Добра неразрывно связана с признанием Бога как «причины причин». Выражая эту позицию автора, Пьер Безухов говорит Андрею Болконскому: «Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть Истина, есть добродетель, и высшее счастье человека состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, что живем не иначе только на этом клочке земли, а жили, и будем вечно жить там, во всем (он указал на небо)...».

В признании сверхприродной реальности Толстой сближается с Ф.М. Достоевским, который в «Дневнике писателя» неоднократно обращался к онтологической проблеме человека и природы. Полемизируя с «мудрецами чугуновых идей», Достоевский подчеркивал, что любовь к ближнему – это не природное явление, а выражение духовной сущности человека, связанной с реальностью иного мира, трансцендентного по своему характеру [Достоевский, 1989, 7].

В этом своем состоянии поиска Толстой вновь обратился к роману «Анна Каренина». Мучительный переход к иному мировосприятию он передает через страдания и терзания Левина (*alter ego* писателя). Толстой не может завершить роман. Он несколько раз посещает Оптину Пустынь, беседует с духовными отцами, пытается осознать действительность и смысл своего существования.

Восьмая глава романа «Анна Каренина» только тогда была завершена, когда Левин, наконец, обрел понимание, что «нужно

жить и Бога в душе помнить», после чего сам начинает ощущать Бога внутри себя. Левин, развивая мысль о жизни с Богом в душе, приходит к выводу: человек, поступая нравственно, стремясь любить ближнего, как самого себя, приводит свою волю в соответствии с Божьим Духом. Эта связь с надмирным порядком поднимает человека над эмпирическим природным бытием, ведет его к полноте нравственного совершенства.

Итак, Толстой, усматривая в смысле «третьего фазиса» стремление к Богу, видит в этом тяготении основное предназначение человека на земле – обретение гармонии с Природой и поиск своего места, обозначенного Небом.

После окончания работы над «Анной Карениной», ощутив происходящие в себе перемены, Толстой заявил в «Исповеди» (1882 г.): «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне, и задатки которого всегда были во мне ...» [Толстой, 1985, 8].

Литературная критика по по-разному толковала такое состояние писателя. Исследователи его творчества отмечали по этому поводу следующее: «...до «Исповеди» жил и творил жизнелюбивый художник Лев Толстой, в «Исповеди» он осудил нерелигиозное искусство и вместе с ним свое художественное творчество. Перед миром предстал другой Лев Толстой – глубокий религиозный мыслитель и страстный проповедник. Возникли как бы “два Толстых”...» [Ломунов, 1998, 9].

Идея о «двух Толстых», существующая в литературоведении, укрепляет нашу мысль о наступлении нового этапа мировосприятия писателя после его кризиса. Примечательно, что во втором сборнике «О религии Льва Толстого», изданном в 1912 году, одна из программных статей была озаглавлена «Толстой против Толстого». Автор статьи В.Эрн писал: «Есть два Толстых – Толстой природный и Толстой искусственный. Первый Толстой – богоданный, с дивной щедростью одаренный благосклонной к нему как любимцу своему Матерью Землею, в основе своей таящий дядю Ерошку, веселого человека, который всех и все любит <...>. Второй Толстой – надуманный, без всяких даров от ума своего, обо всем рас-

суждающий мыслитель, упорный моралист, выросший из Нехлюдова, этого холодного человека...» [Сборник, 1912, 10].

Теоретические основы концепции «двух Толстых» звучали и в работах русских критиков демократического направления, Н.К. Михайловского в статье «Десница и шуйца Льва Толстого», А.М. Скабичевского «Разлад художника и мыслителя» (по поводу романа Л. Толстого «Анна Каренина»).

Н.К. Михайловский, разграничивая сильные и слабые стороны взглядов Толстого, в силу своих убеждений, не смог объяснить, как они соединяются в его творчестве, образуя сложное единство, в котором воплощаются не только противоречивые мысли писателя, но и противоречия живой действительности. [Михайловский, 1896, 11].

Не смогли этого объяснить по той же причине ни Плеханов в его «Заметках публициста», ни Скабичевский в его статье о Толстом, имевшей подзаголовок «Отсюда и досюда». В статье утверждалось, что Толстой был «гениальным художником и крайне слабым мыслителем», поэтому любить его должно только «отсюда и досюда» [Скабичевский, 1903, 12].

Легенду о «двух Толстых» еще при жизни писателя подхватили и долго исследовали зарубежные критики. В вышедшей на Западе книге Эжена Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» предлагалось по-разному относиться к Толстому «раннему» и «позднему». В «позднем» Толстом Вогюэ увидел опасного пропагандиста идеи об «уничтожении общественного зла посредством коммунизма» [Vicomte de Vogue, 1888, 13].

Толстой стремился не замечать развернувшегося литературного бума вокруг его имени, но иногда он делал исключения.

В письме к французскому журналисту Полю Луазону он писал: «Я не реформатор, не философ, еще менее апостол. Я только человек, который, прожив очень дурную жизнь, понял, что истинная жизнь заключается в исполнении воли Того, кто послал меня в этот мир, и который, найдя в Евангелии основы истинной жизни, отбросил призрачную жизнь и стал жить <...> согласно этим основам» [Толстой, 14].

Из этого письма можно сделать вывод: Толстой в своей духовной жизни поднялся на более высокую ступень, он приблизился к Истине.

Легенду о «двух Толстых» оспорил и фактически разрушил Ю.Н. Говорухо-Отрок, автор монографии «Последние произведения гр. Л.Н. Толстого» и более сорока статей о нем.

В 1888 году в журнале К.Н. Мещерского «Гражданин» появилась статья К.Н. Леонтьева «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой». В названии статьи угадывалось что-то необычное: на первом месте – персонаж романа «Анна Каренина», на втором – сам автор.

Искусственное разделение Льва Толстого на «тогдашнего» и «теперешнего» Говорухо-Отрок считает второй, не менее существенной ошибкой Леонтьева, и заявляет, что Толстой, автор «Войны и мира» и «Анны Карениной», ровно ничем не отличается от автора «Исповеди» и трактата «В чем моя вера?». В своих романах, утверждает Говорухо-Отрок, он выступал как художник, а в «В чем моя вера?» – как философ-публицист, что в «Анне Карениной» его мирозерцание сказалось в образах, им созданных, а в «В чем моя вера?» было выражено, так сказать, диалектически [Южный край, № 2430, 16].

Статья Леонтьева послужила для Говорухо-Отрока поводом высказать свое суждение о состоянии русской литературы и ее «великих писателях». Для него понятие «великий писатель» (как бы условно оно не было) относится не к «нашему времени» и охватывает не последние тридцать пять, сорок лет», а все: настоящее, прошедшее и будущее – будущее, по крайней мере, до сих пор, пока жив будет русский язык».

На сегодняшний день, полагает Говорухо-Отрок, «великие писатели» в России – Пушкин и Гоголь, их значение и влияние не подвластны времени. Что же касается Толстого, то не следует топиться причислять его к «великим».

Тем не менее, Говорухо-Отрок утверждает, что Лев Толстой «есть не более как один из блестящих представителей пушкинской школы. Как и всякий действительно даровитый последователь, он, конечно, не подражает Пушкину; он только взял

общий тон Пушкина и затем развил до большей или меньшей законченности *намек* великого поэта.

Погрешил же он против Пушкина, как своего учителя, неясностью и шаткостью мирозерцания... и несовершенством формы, выразившемся в неточности языка и растянутости изложения» [Южный край, № 2432, 16].

Сравнивая «психологический анализ» Пушкина и Толстого, Говорухо-Отрок отмечает, что Пушкин этот анализ производит «про себя», а читателю *показывает* его результаты, опустив всю черновую работу. Толстой, напротив, «производит всю черновую работу, со всеми ошибками на глазах у читателя... Отсюда, «психологический анализ» Толстого, хотя и верен, но всегда запутан, часто неясен, а еще чаще он повторяется в своем анализе» [Южный край, № 2432, 16].

В результате Говорухо-Отрок писал: «Гр. Толстой «не великий писатель» а, наряду с Тургеневым и Гончаровым есть один из самых блестящих представителей пушкинской школы».

Что же касается роли и значения Л.Н. Толстого для России, то Говорухо-Отрок был убежден в том, что время покажет, «нужен ли он нам и насколько нужен...».

Духовный кризис приводит Толстого к Богу. Толстой, отрицая прошлое, болея душой за всех живущих людей, за установление справедливого образа жизни, стал недостижим для понимания многими его современниками.

В последнее десятилетие жизни писатель занимался напряженным творческим трудом. С исключительным увлечением он работал над повестью «Хаджи Мурат», в которой стремился сопоставить «два полюса властного абсолютизма» – европейский, олицетворяемый Николаем I, и азиатский, представленный Шамилем. Виновниками войны в повести писателем определены не народы, а царствующие правители. Толстой заявлял об этом решительно и категорично, так как он видел и осознавал действительность с выстраданной им Высоты.

Глубокой болью за поругание человеческого достоинства, за невинно погубленных людей наполнены рассказы «После бала», «За что?» и другие.

Публицистическая деятельность Толстого, собственно, была проникнута протестом против несправедливого мироустройства. Поле действия своих идей Толстой удаляет от узкой конкретности места и минуты. Его масштаб – большое историческое время, его территория – весь Земной Шар... [Лакшин, 1999, 18]. Думая обо всем человечестве, Толстой неустанно верил, что через все ошибки и ужасы настоящего человечество, все же, идет к Идеалу. Толстой, отыскав свою Земную Нишу, чувствовал себя «адвокатом», выступающим от имени «ста миллионов крестьянства».

Возмущаясь кричащими противоречиями между роскошью и паразитизмом господствующих классов и нищей жизнью народа, Толстой испытывал необходимость уйти от праздной жизни, какой жила его семья.

В 1908 году Толстой записывает в дневнике: «Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена, куда ни выйду – стыд и страдания».

Именно на этой почве нарастал и все более обострялся супружеский разлад, который подогревали присутствовавшие в их доме чужие люди, считавшие себя единомышленниками великого мыслителя.

И если Софья Андреевна радела душой о благополучии своей семьи, то муж ее ... думал обо всем человечестве...

28 октября 1910 года Толстой покинул родной дом, чтобы больше не возвращаться...

Но он вернулся..., чтобы обрести в Ясной Поляне вечный покой.

В 2010 году исполнилось сто лет с того времени, как великий Толстой ушел из Ясной Поляны, и столько же – со времени его смерти.

Личность Толстого стала воплощением социальной жизни и предстала целостным феноменом, с присущим ему набором механизмов саморегуляции; процесс перехода от одной фазы организующей системы к другой поднял Толстого на такую высоту, на какой никто, никогда не находился после него в творческом и духовном развитии.

Можно полагать, что литературная общественность до конца не понимала того, что случилось с писателем. Толстой же, зная, что вокруг его имени и творчества идут споры, не считал нужным откликаться даже на самые злые критические суждения о нем.

Литература

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.61. С.347.
2. Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.,1981. С157.
3. Концевич И.М. Истоки душевной трагедии Л.Н. Толстого. М., 1995. С.23.
4. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. М.,1985. Т.17. С.683.
5. Дневники С.А. Толстой. В 2 т. М., 1978. Т.1. С.84.
6. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.48. С.347.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.,1989. С.388.
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.Т.50. С.170-171.
9. Ломунов К.Н. Духовные искания Л.Н. Толстого (из истории изучения оценки) // Толстой о Толстом. М., 1998. С.137.
10. Сборник второй «О религии льва Толстого». М.,1912. С.217-218.
11. Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1896.Т.III.
12. Скабичевский А.М. Соч. СПб., 1903. Т.2. С.1-25.
13. Vicomte E.M. de Vogue. Le Roman Russe.2ed. Paris,1888. P. 336.
14. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.74. С.16-17.
15. Леонтьев К.Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Л.Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 149-162.
16. Южный край. 1888. № 2430, № 2432, № 2438, № 2440.
17. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. М., 1985. Т.17,. С.25.
18. Лакшин В.Я. Л.Н.Толстой – мыслитель в современном мире // Сохряков Ю.И. Художественные открытия русских писателей. М., 1999. С.71.

Контрольные вопросы

1. Архетипические знаки семейных слагаемых в мифологии древних славян.
2. Основное направление в теории учения славянофилов о семье.
3. Устное народное творчество о значимости рода и семьи .
4. Отображение роли женщины в обществе и в семье в ранних литературных источниках.
5. Время и причины возникновения «теремного затворничества» для женщин на Руси .
6. Влияние Петровских реформ на семейные и брачные отношения.
7. Литературные жанры Петровского времени .
8. Пробуждение самосознания русского общества, причины, обусловившие это явление.

***

9. В чем сущность семейных традиций в романе «Евгений Онегин» А.С.Пушкина?
10. Как прослеживается стирание граней индивидуальности в русском дворянском обществе на примере семьи Лариных в романе «Евгений Онегин» А.С.Пушкина?
11. Какова модель патриархальной семьи, представленная А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин»?
12. Предназначение женщины в обществе на примере романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.
13. Взгляды Ленского на семью, причины их возникновения (по роману «Евгений Онегин» А.С. Пушкина).
14. Сущность представлений Онегина на брак и семью (по роману «Евгений Онегин» А.С. Пушкина).
15. Жизненный путь Ольги Лариной, как путь вне семьи – исключение или закономерность?
16. Смысл жизни отца дворянского семейства Лариных в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

17. Влияние и роль традиций на формирование личности в семейных отношениях помещичьей среды в романе «Евгений Онегин» А.С.Пушкина.

18. Причины трагической обреченности личности Евгения в изображении А.С. Пушкина.

18. Почему Ленский в романе «Евгений Онегин» обречен поэтом на гибель?

19. В чем определено созвучие взглядов на семью у Пушкина и представителя славянофилов А.С. Хомякова.

***

20. Причины семейной драмы писателя А.И. Герцена (по роману «Былое и думы»).

21. Новые взгляды «новых людей» на семейные отношения, изображенные Герценом в «Былом и думам».

22. Причины драмы в семье Герцена в оценке критиков.

23. В чем состоит общность взглядов на семью у писателей И.С. Тургенева и И.А.Гончарова?

24.Сущность теории И.С. Тургенева о роли мужчины и женщины его поколения.

25. В чем проявляется «бессемейный» характер романов Тургенева.

26. Влияние времени на разрушение семейных традиций в романе «Обыкновенная история» И.А. Гончарова.

27. Взгляды И.А. Гончарова на теорию нигилизма, отраженные в романе «Обрыв».

28. Особенности любви как духовно-нравственной истории человечества в романе А.И. Гончарова «Обрыв».

29. Смысл названия романа «Обрыв» А.И. Гончарова.

30. Семейные традиции и их роль в романе А.И. Гончарова «Обрыв».

31. Авторская позиция по отношению к семье в романе А.И. Гончарова «Обрыв».

***

32. Причины одновременного обращения к семейной теме писателей Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина в 70-е годы XIX века?

33. В чем заключалась семейная драма писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина.

34. Ф.М.Достоевский о времени и причинах возникновения «случайных семейств».

35. Кризис семейных отношений и его проявление в русском обществе XIX века.

36. Сущность духовного кризиса Л.Н.Толстого и его влияние на творчество.

37. Как отобразился «арзамасский узас» в произведениях писателя Л.Н.Толстого.

38. Критики и их исследования о взаимосвязи «Анны Карениной» Л.Н.Толстого и его «Исповеди».

39. Изменение мировоззрения Л.Н.Толстого в пореформенный период и отображение этих перемен в романе «Анна Каренина».

40. Какое влияние оказали на создание романа «Анна Каренина» личные отношения в семье Л.Н. Толстого.

41. В чем состоит процесс сближения позиций писателя Л.Н. Толстого и сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина в пореформенный период XIX века?

42. В чем сущность «духовного экуменизма» Л.Н. Толстого?

***

43. Какова оценка романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина» современниками?

44. Теория Л.Н. Толстого о роли брачных отношений в жизни человека.

45. Значение и роль оппозиционных лейтмотивов «семейности»-«бессемейности» в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого.

46. Толстовское представление «духовной» и «животной личности» в романе «Анна Каренина».

47. Пять неперенных условий для жизни счастливого человека, определенные Толстым в работе «О жизни».

48. Почему московская патриархальная семья Щербацких являлась для Толстого образцом семейных отношений в романе «Анна Каренина»?

49. Почему Толстой не приемлет образ жизни аристократических семей – Вронских, Тверских, Мерцаловых?

50. В чем смысл противопоставления Толстым узловых сцен «покоса» и «скачек» в романе «Анна Каренина»?

51. Многозначность фразы «все смешалось в доме Облонских», заявленной Толстым в экспозиции романа «Анна Каренина».

52. Взгляды либеральной партии на брак в романе «Анна Каренина».

53. Способы поэтизации материнства в романе «Анна Каренина».

54. Причины возникновения семейного кризиса в институте брака в романе «Анна Каренина».

55. Каковы требования светского общества, предъявляемые к людям своего круга в романе «Анна Каренина»?

56. Истинные причины сохранения семейных отношений в великосветских семьях России.

57. Художественные особенности, используемые автором для показа внутреннего поворота от «семейности» к «бесемейности» Анны.

58. Отношение Л.Н.Толстого к проблеме женской эмансипации.

59. Определение истинных причин гибели Анны в трактовке современников писателя.

60. Представления Толстого об идеальной жене.

61. Причины внутренних противоречий в семейных отношениях Левина и Кити.

62. Символическое значение главы «Смерть» в романе «Анна Каренина».

63. Ф.М.Достоевский о романе «Анна Каренина».

64. Философ И. Мардов о сущности «супружеской сплоченности» Карениных в романе «Анна Каренина».

65. Что вызывало восхищение и страх современников Толстого в романе «Анна Каренина»?

66. В чем заключается смысл эпиграфа «Мне отмщение, и Аз воздам» в романе «Анна Каренина»?

***

67. Брак в оценке сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина.

68. Прототипы героев романа Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

69. «Предателем дворянского рода» назвал Салтыкова-Щедрина его брат Дмитрий. Что послужило причиной такого определения к чиновнику высокого ранга, каким был Михаил Еврафович?

70. Семейные отношения супругов Головлевых в романе «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина.

71. Причины, побудившие писателя написать роман «Господа Головлевы».

72. Приемы и методы воспитания детей в семье Головлевых в романе Салтыкова-Щедрина.

73. В чем смысл противопоставления братьев в романе «Господа Головлевы».

74. Реформа 1861 года в восприятии владельцев с. Головлева.

75. Роль Священного Писания в романе «Господа Головлевы».

76. Значение повторов в раскрытии идейного содержания романа «Господа Головлевы».

77. Какова сущность «родительского благословения» Арины Петровны в романе «Господа Головлевы»?

78. Изображение процесса умирания дворянского класса в романах Толстого и Салтыкова-Щедрина.

79. Причины неуязвимости Порфирия Головлева.

80. В чем взаимосвязь романа «Господа Головлевы» и цикла очерков «Благонамеренные речи»?

81. Чем определяется созвучие «семейности»-«бессемейности» в романе «Анна Каренина» и «пустоты» и «совести» в романе «Господа Головлевы»?

82. Изображение Салтыковым-Щедриным служителей церкви, их символическое звучание в романе.

83. В чем сущность финала романа «Господа Головлевы»?

84. В чем заключается зеркальность отображения сюжетов в романах «Евгений Онегин» и «Анна Каренина»?

85. Гоголевские традиции в романе «Господа Головлевы».

86. Характерные отличительные черты семейного романа.

87. Первые образцы семейных романов в русской литературе.

88. Новаторский подход Салтыкова-Щедрина к решению семейного вопроса в романе «Господа Головлевы».

89. В чем созвучие романов Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» и Эмиля Золя «Ругон-Маккары»?

90. В чем сущность обратного прототипизма в романе «Анна Каренина»?

91. Смысл противопоставления романов «Анна Каренина» Толстого и «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера.

92. В каких произведениях писателей Толстого и Щедрина тема семьи и семейных отношениях нашла свое продолжение.

Библиографический список

Издания общей направленности

История русской литературы. В 10 т. – М.; Л., 1941-1956.

История русской литературы. В 3 т. – М., 1958-1964.

История русской литературы. В 4 т. – Л., 1980-1984.

История русского романа. В 2 т. – Л., 1962-1964.

История русской поэзии. В 2 т. – Л., 1968-1969.

История русской критики. В 2 т. – М.; Л., 1958.

Кулешов В.И. История русской критики XVIII- начала XX веков. – 4-е изд., дораб. – М., 1991.

История русской журналистики XVIII-XIX веков. – М., 1966.

Развитие реализма в русской литературе. В 3 т., 4 кн. – М., 1972-1974.

Литература XI-XVII веков

Водовозов Н.В. История древней русской литературы. – М., 1958

Гудзий Н.К. История древней русской литературы. – 7-е изд. испр. и доп. – М., 1966.

Демин А.С. О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мировидения от «Повестей временных лет» до сочинений Аввакума. – М., 1998.

Древнерусская литература в исследованиях: Хрестоматия / Сост. В.В. Кусков. – М., 1986.

Елонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. – М., 1978.

Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Изд. 2-е доп. – Л., 1987.

Еремин И.П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. – М.; Л., 1966.

История русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970.

- История русской литературы X-XVIII веков. – М., 1980.
- Кузьмина В.Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Золотых ключей. – М., 1964.
- Кусков В.В.* История древнерусской литературы. – 5-е изд. испр. и доп. – М., 1989.
- Лихачев Д.С.* Избранные работы. В 3 т. – Л., 1987.
- Орлов А.С.* Древняя русская литература XI –XVII веков. – 3-е изд. – М.; Л., 1945.
- Переверзев В.Ф.* Литература Древней Руси. – М., 1971.
- Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. – М., 1974.

Литература XVIII века

- Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII века. – 4-е изд., перераб. – М., 1989.
- Буранок О.М.* Русская литература XVIII века. – М.; Самара, 1995.
- Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. – 2-е изд. – М., 1999.
- Западов А.В.* Новиков. – М., 1984.
- Кулакова Л.И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. – Л., 1968.
- Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994.
- Макогоненко Д.П.* Денис Фонвизин. Творческий путь. – М.; Л., 1961.
- Москвичева Г.В.* Русский классицизм. – М., 1978.
- Орлов П.А.* История русской литературы XVIII века. – М., 1991.
- Орлов П.А.* Русский сентиментализм. – М., 1977.
- Письма русских писателей XVIII века. – Л., 1980.
- Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. – М.; Л., 1961.
- Русский и западноевропейский классицизм: Проза. – М., 1982.

Русский классицизм второй половины XVIII века – начала XIX века. – М., 1994.

Смирнов А.А. Литературная теория русского классицизма. – М., 1981.

Федоров В.И. Русская литература XVIII века. – 2-е изд. – М., 1990.

Щукалин В.В. Мифы русского народа. – Екатеринбург, 1995.

Литература XIX века

Азарова Н.И. Два голоса (из переписки Л.Н.Толстого с А.А.Толстой) // Октябрь. – 1996. – № 9.

Анненков П.В. Молодость Тургенева. 1856-1862 гг. – М., 1983.

Апостолов Н.Н. Жизнь гениев. Живой Толстой. – СПб., 1995.

Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. – М., 1978

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.

Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. – М., 1965.

Благой Д.Д. Душа в заветной лире. – М., 1977.

Бонди С.М. О Пушкине. – М., 1983.

Бочаров С.Г. Роман Л.Н.Толстого «Война и мир». – М., 1978.

Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого. В 2 кн. – М., 2000.

Билинкис Я.Н. О творчестве Л.Н.Толстого. – Л., 1959.

Бродский Н.Л. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». – 5-е изд. – М., 1964.

Бушмин А.С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. – Л., 1984.

Бушмин А.С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. – Л., 1987.

Бурсов Б.И. Лев Толстой и русский роман. – М.; Л., 1963.

Вердеревская Н.А. Русский роман 40-60-х годов XIX века (типология жанров). – Казань, 1980.

Вердеревская Н.А. Л.Н.Толстой и проблема женской эмансипации// Толстовский сборник. – Тула, 1964.

- Ветловская В.Е.* Поэтика «Анны Карениной». Система неоднозначных мотивов // Русская литература. – 1979. – № 4.
- Волков И.Ф.* Теория литературы. – М., 1995.
- Галаган Г.Я.* Л.Н.Толстой. Художественно-этические искания. – Л., 1981.
- Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. – Л., 1971.
- Гинзбург Л.Я.* «Былое и думы» Гецена. – Л., 1957.
- Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. – М., 1959.
- Горная В.З.* Мир читает «Анну Каренину». – М., 1979
- Горячкина М.С.* Сатира Салтыкова-Щедрина и русская демократическая литература 60-80 годов XIX века. – М., 1977.
- Горячкина М.С.* М.Е. Салтыков-Щедрин. – М., 1978.
- Григорян Н.К.* Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». – М.; Л., 1962.
- Гудзий Н.К.* Лев Толстой: Критико-биографический очерк. – М., 1960.
- Гусев Н.Н. и Опульская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. Кн.1-6. – М., 1954-1998.
- Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н.Толстым. – М., 1973.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. – М., 1989.
- Достоевский – художник и мыслитель: Сб. статей.* – М., 1971.
- Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. – М., 1982.
- Елизаветина Г.Г.* «Былое и думы» А.И. Герцена. – М., 1984.
- Ермилов В.* Роман Л.Н.Толстого «Анна Каренина». – М., 1963.
- Еремеев А.Э.* Русская философская проза. – Томск, 1989.
- Жданов В.А.* Творческая история «Анны Карениной». – М., 1957.
- Жук А.А.* Русская проза II-пол. XIX века. – М., 1981.
- Зайцев Б.К.* Жизнь Тургенева. – М., 2000.
- История русской литературы XIX века. 1800-1830 годы /* Под ред. В.Н. Аношкиной и Л.Д. Громовой. – М., 1998.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М., 1994.

- Ковалев В.А.* Поэтика Льва Толстого. – М., 1983.
- Концевич И.М.* Истоки душевной катастрофы Л.Н. Толстого. – М., 1995.
- Кузьминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. – 3-е изд. доп. – Тула, 1960.
- Купреянова Е.М.* Эстетика Л.Н.Толстого. – М.; Л., 1966.
- Купреянова Е.Н* «Война и мир» и «Анна Каренина» Толстого // История русского романа. – М.; Л., 1964.
- Курляндская Г.Б.* И.С.Тургенев и русская литература. – М., 1980.
- Курляндская Г.Б.* Нравственный идеал героев Толстого и Достоевского. – М., 1988.
- Купреянова Е.Н.* Роман Толстого «Анна Каренина». – Тула, 1954.
- Купреянова Е.Н.* Эстетика Л.Н. Толстого. – М.; Л., 1966 .
- Лебедев Я.М.* Атеизм Салтыкова-Щедрина. – М., 1961.
- Ломунов К.Н.* Духовные искания Л.Н.Толстого (из истории изучения оценки) // Толстой о Толстом. – М., 1998.
- Лотман Ю.М.* Биография писателя. А.С. Пушкин. – Л., 1983.
- Макашин С.А.* М.Е. Салтыков-Щедрин. Начало пути. – М., 1960.
- Макашин С.А.* Салтыков-Щедрин. Последние годы жизни: 1875-1889. – М., 1989.
- Макашин С.А.* Салтыков-Щедрин. Последние годы жизни: 1875-1889. – М., 1989.
- Малкин В.* М.Е. Салтыков-Щедрин. – М., 1978.
- Маймин Е.А.* Лев Толстой. – М., 1978.
- Мардов И.* Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы. – 1998. – № 2. – С.144-159.
- Машинский С.И.* Художественный мир Гоголя. – М., 1991.
- Неизвестный Толстой в архивах России и США. – М., 1994.
- Николаев Д.П.* Сатира Щедрина и реалистический гротеск. – М., 1977.
- Николаев Д.П.* Смех Щедрина. – М., 1988.
- Новый завет. – М.: Московская патриархия, 1988.

Осмоловский О.Н. Ф.Н. Достоевский и Л.Н. Толстой. – Орел, 2000.

Павлова И.Б. Тема семьи и родни у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. – М., 1999.

Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика саморегулирующих систем. – Ростов-на-Дону; Белгород, 1999.

Покусаев Е.И. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. – М., 1963.

Покусаев Е.И. «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина. – М., 1975.

Прокопенко З.Т. М.Е. Салтыков-Щедрин и И.А.Гончаров в литературном процессе XIX века. – Воронеж, 1989.

Прозоров В.В. Читатель и литературный процесс. – Саратов, 1975.

Прозоров В.В. Салтыков-Щедрин. – М., 1988.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 16 т. – М., 1932.

Розанов В.В. О писательстве и писателях. – М., 1995.

Русанов Г.А., Русанов А.Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. – Воронеж, 1972.

Салтыков-Щедрин М.Е. в воспоминаниях современников / Под ред. С.Н. Голубова. – М., 1957.

Салтыков-Щедрин М.Е. и русская литература. – Л., 1991.

Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. – Минск, 1999 .

Смирнов Б.В. Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин (Глеб Успенский в «Отечественных записках»). – Саратов, 1965.

Страхов И.В. Толстой как психолог. – Саратов, 1947.

Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. – М., 1981.

Сухотина-Толстая Т.Л. Дневники (1878–1932). – М., 1987.

Толстой Л.Н. О литературе / Сост. Ф.А. Иванова. – М., 1955.

Толстой Л.Н. и его близкие / Сост. Т.В. Волкова. – М., 1986.

Толстой Л.Н. и русская литературная общественная мысль / Под ред. С.Я. Галаган. – Л., 1979.

Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. В 2 т. – М., 1978.

- Толстая А.А.* Печальный эпизод из моей жизни // Октябрь. – 1993. – № 5-6. – С.96-154.
- Толстая С.А.* Дневники. В 2 т. / Под ред. В.Э. Вацура. – М., 1978.
- Тюнькин К.И.* Салтыков-Щедрин. ЖЗЛ. – М., 1989.
- Тамарченко Д.Е.* Из истории русского классического романа. – М., 1961.
- Турков А.М.* М.Е. Салтыков-Щедрин. ЖЗЛ. – М., 1965.
- Храпченко Б.М.* Лев Толстой как художник. – М., 1971.
- Хализев В.Е.* Теория литературы. – М., 1999.
- Цветаева М.И.* Мой Пушкин. – М., 1967.
- Чистякова М.* Л.Н.Толстой и Салтыков // Литературное наследство. – М., 1934. Т.13-14 (кн. 2).
- Шкловский В.Б.* Лев Толстой. ЖЗЛ. – М., 1967.
- Шевченко Т.Г.* Собр. соч. В 5 т. – М.: Худ. лит., 1965. – Т.5. – 315 с.
- Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. – Л., 1974.
- Ясная Поляна // Семейная хроника Ильи и Светланы Толстых.* – 1997. – № 2. – С.137-140.

Собрания сочинений

- Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. В 20 т. – М., 1977.
- Толстой Л.Н.* Собр. соч. В 22 т. – М., 1982.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. – М., 1983.
- Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. В 8 т. – М., 1985.

Научное издание

Проскурина Татьяна Дмитриевна

**РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА
О СЕМЬЕ**

Монография

Редактор *Т.Г. Лагутина*
Компьютерная верстка *Н. А. Гапоненко*

Подписано в печать 06.03.2012. Формат 60×80/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 15,11. Тираж 400 экз. Заказ 55.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИПК НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85